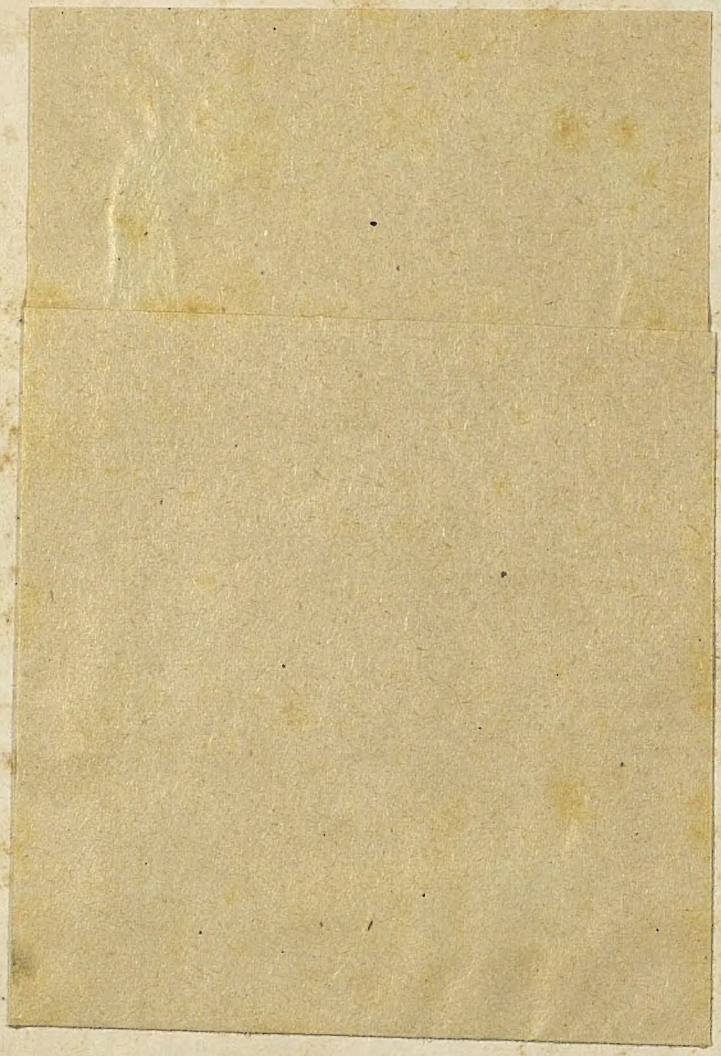
Дневник Отделения

№ 7.

1911 г.

ТАРИНА
11 Г.
4



Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
МОСКОВСКАГО СОВѢТА
Профессіональныхъ Союзовъ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLII-й. ІЮЛЬ. 1911 годъ.

Книга выдана на руки

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ.** (Воспоминанія запаснаго). Н—чъ. 3— 30

II. **Изъ давняго прошлаго въ Ясной Полянѣ.** П. П. С. 31— 32

III. **Монголо - Сычуаньская экспедиція Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ начальствомъ подполковника П. К. Козлова, 1907—1909 г.** П. Козлова . . . . . 33— 59

IV. **Обиженный край.** А. Ф. Риттиха. . . . . 61— 87

V. **Одинъ изъ людей Іосифа Сѣмашко.** (Къ исторіи возникновенія русскихъ поселеній въ Ковенской губерніи). Адр. Круковскаго. . . . . 88—108

VI. **Царево сердце.** (Разсказъ—быль). С. П. Сластникова. . . . . 109—116

VII. **Памяти К. Д. Кондзеровскаго.** Д. Баланина. . 119—122

VIII. **Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей (1806 — 1812 г.г.).** Сообщ. Е. Каменскій. . 123—147

IX. **Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в.** Письма П. А. Катенина къ Н. И. Вахтину. Сообщ. А. Чебышевъ. 148—192

X. **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**

а) **Стихотвореніе Висковатова.** Сообщилъ В. Руднева. 60

б) **Свѣтлое воспоминаніе объ Александровскомъ малолѣтнемъ въ Царскомъ Селѣ корпусѣ.** (Изъ записокъ Стараго Помѣщика). В. А. Шомпулева. . . . . 117—118

XI. **Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12 по 26 января 1911 г.** (на оберткѣ).

Приложенія: а) Портретъ Александра Николаевича Попова (біографія „Русск. Стар.“ январь 1910 г. кн. I); б) Планъ отступленія отъ Мукдена 25 февраля 1905 г.; в) Бурый грифъ, Хара-хото, Знаменитый субурганъ, Глиняныя статуи съ золочеными лицами, Золотая медаль Англійскаго Королевскаго Географическаго Общества.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1911 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-Тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1911.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1911 года.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12 по 26 января 1911 г.

Александровъ, А. Политическая и церковная жизнь славянства въ XIX вѣкѣ. (Вступительная лекція въ курсъ Исторіи славянскихъ церквей, читанная въ Казанской духовной академіи 16 сентября 1910 года). Казань. 1911. Изд. Казанск. Дух. Акад. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (15×23). 33 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Беренсъ, Эд. Центръ и Государственныя границы Россіи въ XX столѣтіи (Философско-историческій очеркъ). Спб. 1911. Изд. автора. Тип. В. С. Бородина (Гороховая, 12). 8° (19×25). 19 стр. Вѣсъ 7 л. 500 экз.

Бирюковъ, С. И. Историческій очеркъ о селѣ Коробовѣ, населенномъ бѣлопашцами, потомками Ивана Сусанина. Н.-Новгородъ. 1910. Тип. Ниж. Губ. Правленія. 8° (14×21). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Вересаевъ, В. Живая жизнь. Ч. I. О Достоевскомъ и Львѣ Толстомъ. М. 1911. Тип. И. Кушнерева и К°. (Пименовская, с. д.) 8° (17×24). 214+1 стр. Скл. кн. скл. тов. О. Н. Половой (Брюсовскій п., 21). Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 26 л. 5.000 экз.

Гродзкій, Б. Милій Алексѣевичъ Балакиревъ. Краткій очеркъ его жизни и дѣятельности. Значеніе его въ области развитія русской музыки. Спб. 1911. Изд. Ю. Г. Циммерманъ. Тип. Русская Скоропечатня (Екатерининск. кан., 94). 8° (15×22). 78 стр. Съ 4 рис. Ц. 75 к. Вѣсъ 9 л. 3.000 экз.

Дидрихсонъ, А. Историческій обзоръ дѣятельности Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. 1869—1909. XL. М. 1911. Тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (17×25). 261+II стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 1.000 экз.

Дучинскій, Н. П. Великая крестьянская реформа при Царѣ-Освободителѣ. Спб. 1911. Изд. Всерос. Національнаго Клуба (Литейный, 10). Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (15×21). 104 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 9 л. 12.200 экз.

Евстафіевъ, П. В. Древняя русская литература (До-петровскій періодъ). 1-й выпускъ. Устная народная словесность. Спб. 1911. Изд. 14-е, испр. и доп. и тип. М. М. Гутзаца (Шпалерная, 26). 8° (18×26). 79 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 9 л. 1.545 экз.

Жизнеописаніе Льва Николаевича Толстого. Въ письмахъ его секретаря В. Ѳ. Булгакова. № 1-й, Библіотека Л. Н. Толстого. Подъ ред. П. И. Бирюкова. М. 1911. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (14×21). 48 стр. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Жизнеописаніе Льва Николаевича Толстого. Въ письмахъ его секретаря В. Ѳ. Булгакова. Библіотека Л. Н. Толстого подъ ред. П. И. Бирюкова. М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). (14×21). 48 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Жизнеописанія отечественныхъ подвижниковъ благочестія 18 и 19 вѣковъ. (Съ портретами). Декабрь. М. 1911. Изд. Авонск. русск. Пантелейм. мон. Тип. И. Ефимова (Б. Якиманка, соб. д.). 8° (15×23) 1074+II стр. Съ портр. Ц. 3 р. 30 к. Вѣсъ 3 ф. 2 л. 3.000 экз.

Зав—въ, И. С. О Кожеозерскомъ монастырѣ. (Извлеченіе изъ „Архангельскихъ Епарх. Вѣдом.“ за 1910, № 17) Архангельскъ. 1910. Тип. В. Черепанова 8° (15×24) 2 стр. Вѣсъ 1 л. 5.000 экз.

Зубаревъ, И. И. Прошлое и настоящее русскихъ архивовъ. (Краткій историческій очеркъ). (Отд. отт. изъ Сборника статей по архивовѣдѣнію. Т. I, ч. I). Спб. 1911. Изд. кн. склада „Наука и Жизнь“ (Дудергофъ, церковный домъ). Тип. Смирнова (Екатерининскій кан., 45). 8° (18×26), 47 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 7 л. 1.000 экз.

Ивановъ, Ив., проф. Гоголь. I. Гоголь въ юности. II. Гоголь и его призваніе. III. Гоголь человѣкъ и писатель. Нѣжинъ. 1911. Изд. 2-е. Тип. Насл. В. К. Мелеинскаго. 8° (16×21). 124 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 11 л. 300 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. Прибавленіе къ вып. 37 (Хроника и библіографія вып. 18). Спб. 1910. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40) 8° (20×29). 253 стр. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 900 экз.

Ильинъ, Александръ. Исторія города Ростова на Дону. Ростовъ н/Д. 1910. Тип. С. Я. Авакова (Нахичевань н/Д). 8° (17×24). 146 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 22 л. 600 экз.

Кандаратскій, М. Ф., проф. Наброски изъ временъ сѣдой старины гор. Казани. 1910. Тип. Окр. Штаба. 8° (15×24). 51 стр. Вѣсъ 3 л. 1.200 экз.

Каталогъ антикварной книжной торговли Д. Г. Смолина-Степанова. № 51. Новыя пріобрѣтенія. (Смѣсь). Саратовъ. 1910. Тип. Аметистъ. 8° (15×21). 26 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Каталогъ антикварной книжной торговли П. Шибанова. № 158. М. 1910. Тип. А. И. Снегиревой. 16° (12×17). 32 стр. Вѣсъ 2 л. 1.825 экз.

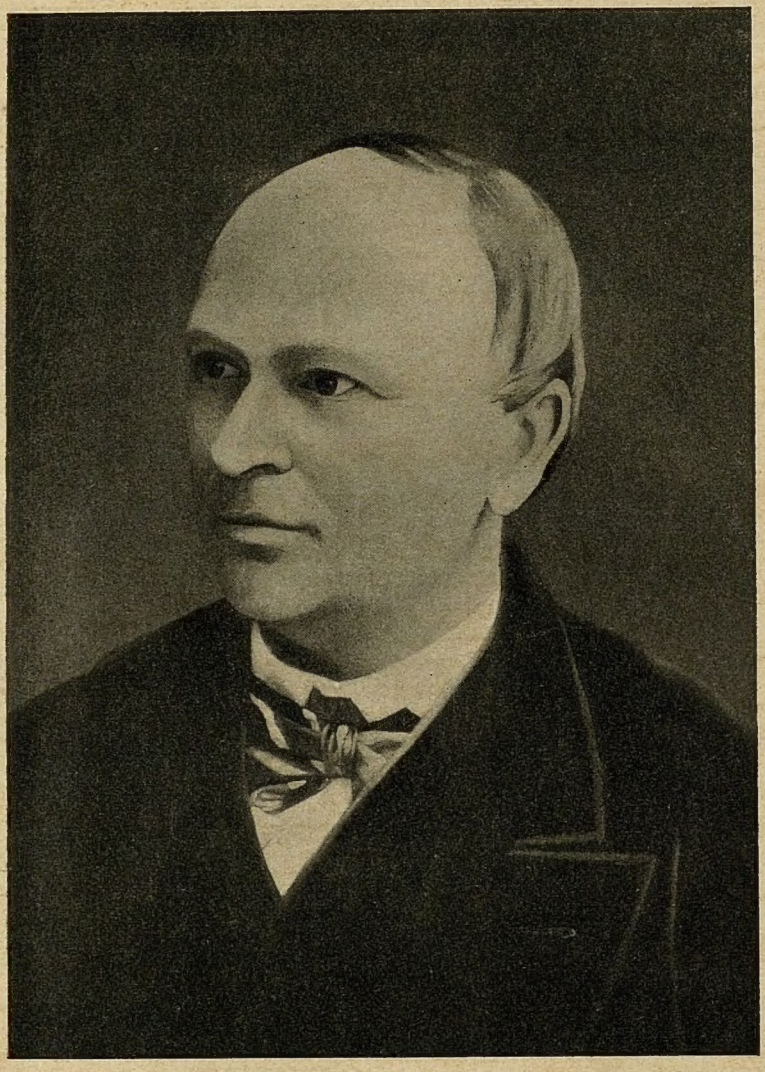
Каталогъ Архитектурно-Художественной Выставки, устроенной подъ покровительствомъ Е. И. В. Великой Княгини Маріи Павловны, обществомъ Архитекторовъ-Художниковъ въ залахъ Императорской Академіи Художествъ одновременно съ IV Съѣздомъ Русскихъ Зодчихъ Спб. 1911. Тип. „Сиріусъ“ (Соляной, 7). 16° (12×19). 21+6 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 3 л. 1.200 экз.

Каталогъ Строительно-Художественной Выставки, устроенной подъ покровительствомъ Е. И. В. Великой Княгини Маріи Павловны Обществомъ Архитекторовъ-Художниковъ, одновременно съ IV Съѣздомъ Русскихъ Зодчихъ. Соляной городокъ. Спб. 1911. Тип. „Сиріусъ“ (Спб. Соляной пер., 7). 16° (12 × 19). 20 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 21 л. 1.200 экз.

Кичеевъ, А. А. Слово о полку Игоревѣ. Литературный переводъ. Тверь. 1911. Тип. Н. М. Родіонова. 16° (12×16). 34 стр. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Мосгорсовета
Профессиональных Союзов.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки



Александръ Николаевичъ
Поповъ

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1911.

И.Д.К.

ІЮЛЬ. — АВГУСТЪ. — СЕНТЯБРЬ.

СОРОКЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ СЕДЬМОЙ.

253 51.
49 г

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1911.

Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ [1].

(СЪ ПЛАНОМЪ).

(Воспоминанія запаснаго).

(Окончаніе).

Настала ночь,—непріятная и полная томительнаго ожиданія могущаго повториться внезапнаго штурма. Впередъ были высланы секреты, и самымъ непріятнымъ для нихъ мѣстомъ были заваленныя трупами могилки. Люди говорили, что жутко было находиться среди этихъ грудъ мертвецовъ. Нѣкоторые не могли выдержать и галюцинировали, увѣряя, что видѣли, какъ шевелились мертвецы. Впереди то и дѣло раздавались отчаянные и полные ужаса вопли брошенныхъ на полѣ японскихъ раненыхъ: Аб-а-а-а-ай,—аб-а-а-а-ай, кричали эти несчастные гдѣ-то далеко въ темнотѣ, зовя вѣроятно санитаровъ къ себѣ на помощь, но никто къ нимъ не шелъ, и они вѣроятно умерли, не получивъ ни отъ кого помощи, ни утѣшенія въ свой ужасный смертный часъ! Быть можетъ песъ-людоѣдъ подходилъ къ такому несчастному и терпѣливо ждалъ,—когда можно будетъ приступить къ своему ужасному ужину. Сколько невыразимыхъ ужасовъ несетъ за собой этотъ бичъ, который называется войной.

Удивительно то, почему японцы, находясь въ очень близкомъ разстояніи отъ насъ и, конечно, слыша эти раздирающіе вопли о помощи, все же не постарались подать таковой своимъ же братьямъ. Какъ помирить это съ тою заботливостью о солдатѣ, которая говоритъ сама за себя въ японской арміи, гдѣ солдату представлено

---

[1]) См. „Русская Старина“ декабрь 1910 г.

все то, что только можно дать ему въ трудной обстановкѣ походной жизни. И на-ряду съ этимъ — такое индифферентное отношеніе къ тѣмъ, которые пожертвовали уже собой для родины. Думаю, что въ данномъ случаѣ было исключеніе изъ общаго правила въ силу какого-то страннаго недоразумѣнія. Ночь прошла безъ тревогъ, хотя люди стояли все время съ оружьемъ въ рукахъ. Нѣкоторые не могли побороть дремоты и, положивъ голову на брустверъ, похрапывали; но все же большинство бодрствовало, относясь къ этому вполнѣ сознательно.

Изъ секретовъ доносили, что японцы спѣшно все время передвигались на сѣверъ, идя туда огромными силами. Видно было, какъ они освѣщали себѣ путь фонариками, и слышно было, какъ громыхали въ темнотѣ ихъ орудія и обозы. Очевидно они продолжали выполнять задуманный ими грандіозный обходъ нашего праваго фланга, а тѣ бѣшеныя атаки, которыя они вели на Янсытунь и другіе смежные съ нимъ пункты, были произведены только для того, чтобы приковать насъ къ мѣсту и не дать возможности противодѣйствовать ихъ обходу. Удивительная настойчивость въ достиженіи разъ намѣченной цѣли,—настойчивость, которая не допускаетъ веденія учета затраченныхъ на достиженіе цѣли жертвъ; но на войнѣ такъ и надлежитъ поступать, и тѣ доблестные полки, которые почти поголовно полегли подъ Янсытунемъ, Фогантунемъ и другими пунктами, конечно заранѣе были облечены на вѣрную гибель, ради общей пользы. Идя съ беззавѣтной храбростью въ атаку, они, быть можетъ, и знали про ту святую миссію, которая была на нихъ возложена, и они шли на вѣрную смерть и умирали съ полнымъ сознаніемъ необходимости умереть,—умирали, быть можетъ, съ радостью за свою безумно любимую ими родину.

Утромъ въ Нингуантунѣ замѣтно было нѣкоторое оживленіе. Ясно было видно, какъ японцы усиленно работали, стараясь поспѣшно возвести окопы между фанзами деревни. Надо думать, что передъ нашимъ фронтомъ у нихъ осталось ничтожное количество войскъ, такъ какъ все, что можно было двинуть въ обходъ, они двинули, и вотъ теперь эти оставшіяся части должны были на случай нашего перехода въ наступленіе сдержать насъ во что бы то ни стало, иначе если бы намъ удалось прорвать ихъ, — вся армія, которая пошла въ походъ, очутилась бы зажатою въ тискахъ, а это было почти безвыходное положеніе. Очевидно японцы шли что называется „ва банкъ“ и шли настойчиво и рѣшительно и вотъ для того, чтобы хоть чѣмъ-нибудь увеличить шансы своей ставки, они теперь и работали надъ возведеніемъ окоповъ.

Въ то же время около Нингуантуня стояло огромное облако

пыли, поднятое вѣроятно колонной войскъ, продолжавшей уходить на сѣверъ. Это, вѣроятно, были уже послѣднія изъ тѣхъ частей, которыя были посланы въ обходъ. Но и здѣсь непріятель не могъ не хитрить: отлично понимая, что громадное облако пыли не можетъ остаться нами не замѣченнымъ и все же желая во что бы то ни стало скрыть свои намѣренія, они прибѣгли къ слѣдующему: одиночные люди, отдѣлившись отъ общей колонны и взойдя нарочно на бугорки съ тѣмъ, чтобы ихъ было ясно видно, двигались въ южномъ направленіи т. е. очевидно въ сторону, противоположную общему движенію. Потомъ эти люди скрывались за бугорками и догоняли свои роты. Цѣль достигалась, и иллюзія получалась полная, но и мы были не дѣти и, воздавъ должное своему противнику за его изобрѣтательность, все же ему не повѣрили. Артиллерія наша почему-то молчала, хотя она отлично могла бы обстрѣлять это огромное и густое облако пыли, которое скрывало въ своей средѣ не одну тысячу спѣшно стремящихся на сѣверъ солдатъ; могла бы она и по Нингуантуню пострѣлять, дабы помѣшать сапернымъ работамъ непріятеля, но и этого она не сдѣлала, вѣроятно потому, что нужно было экономить снаряды.

У насъ упорно ходили слухи о переходѣ въ наступленіе; въ нашей дивизіи были даже распредѣлены для этого полки, и каждому назначена задача. Ожидали только подхода колоннъ генерала Гернгроса, но онѣ почему-то не появлялись, и всѣ говорили, что произошла какая-то заминка. А между тѣмъ войскъ у насъ собралось множество, и вотъ уже теперь не могу съ точностью припомнить, но кажется, утромъ 23 февраля изъ редута отлично было видно, какъ со стороны Мукдена къ мѣсту расположенія нашихъ резервовъ—къ деревнѣ Таапу спѣшно двигались колонны нашихъ войскъ. Онѣ шли въ облакахъ пыли и въ разжиженномъ строю, такъ какъ непріятель сильно обстрѣливалъ ихъ артиллерійскимъ огнемъ, но они, не обращая на это вниманія, все шли и шли безконечной массой. Солдаты, глядя на эту подмогу радовались, говоря, что теперь такая силища сюда поднаперла, что японцы ни въ жисть не устоятъ, и что мы безпремѣнно его задавимъ, коли пойдемъ впередъ. Но ничего этого не осуществилось и впередъ мы не пошли; японецъ же стоялъ себѣ да стоялъ, конечно не бездѣйствуя, а стараясь выполнить все то, чтобы достигнуть разъ намѣченной цѣли.

Удивительная нерѣшительность была проявлена нами въ данномъ случаѣ. Конечно, не хочу и не могу пускаться въ критику, потому что слишкомъ мало освѣдомленъ съ общимъ положеніемъ дѣлъ, но съ точки зрѣнія грамотнаго и оцѣнивающаго обстановку солдата, дѣйствія наши являются совершенно непонятными.

Трудно понять вотъ что: фактъ, что японцы предприняли обходъ нашего праваго фланга, сталъ намъ извѣстенъ еще съ первыхъ дней Мукденскаго боя; то что они неустанно къ этому стремились во весь періодъ этого безпримѣрнаго въ исторіи боя—тоже было всѣмъ извѣстно, и наконецъ здѣсь въ Янсытунѣ мы видѣли, что они все тянутъ и тянутъ свои войска на сѣверъ, а слѣдовательно неминуемо ослабляютъ и ослабляютъ свой фронтъ. Выводъ отсюда ясенъ: надо бить туда, гдѣ слабо, чтобы скорѣе пробить брешь; разъ же это удалось бы—какая огромная польза получилась бы для общаго дѣла, и какой бы смертельный ударъ былъ бы нанесенъ японской арміи, значительная часть которой очутилась бы въ критическомъ положеніи и при условіи удачи нашего удара, внѣ всякаго сомнѣнія,—либо вся погибла бы, либо положила бы оружіе, и кампанія такимъ образомъ была бы окончена нами побѣдоносно. Но на все это нужно было рѣшиться, но мы въ теченіе всей войны только то и дѣлали, что не рѣшались и теперь продолжали проявлять это отрицательное качество въ полной мѣрѣ.

Непонятнымъ является и тотъ фактъ,—почему не шла впередъ вся первая армія. Нельзя было не знать, что силы непріятеля передъ фронтомъ этой арміи значительно ослаблены, потому что и отсюда японцы оттянули часть войскъ въ свою грандіозную обходную колонну, но первая армія, кажется, тоже была прикована къ мѣсту и никакой активной дѣятельности не проявляла.

Конечно, еще разъ повторяю, что совсѣмъ не намѣренъ критиковать всѣ эти событія, но не удивляться имъ нельзя, хотя навѣрно были какія-нибудь причины, вызывавшія всю эту невыгодную для насъ серію дѣйствій и поступковъ, приведшихъ насъ въ концѣ концовъ почти къ катастрофѣ.

Цѣлый день 24 февраля мы провели въ полномъ бездѣйствіи, изрѣдка только перестрѣливаясь съ непріятелемъ и получая отъ него неожиданные гостинцы въ видѣ шестидюймовыхъ бомбъ и прочихъ снарядовъ. Отъ нечего дѣлать многіе ходили по полю, усѣянному трупами, и разглядывали мертвецовъ.

Все это были почти юноши, — безусые и безбородые; мѣстами трупы были навалены другъ на друга въ видѣ груды: какъ шли, такъ и валились съ тѣмъ, чтобы уже никогда не подняться; нѣкоторые лежали на спинахъ, съ положенными на груди кучками сухарей; это были тяжело раненые, которыхъ нельзя было уже взять—до того они были искалѣчены; сухари же, которые лежали на груди у этихъ несчастныхъ, были положены рукою нашего сердобольнаго солдата, который умѣетъ жалѣть своего бывшаго врага, разъ только онъ пересталъ быть таковымъ. Солдаты, расха-

живая между поверженными японцами, видѣли такихъ раненыхъ, которые чуть только были живы, и вотъ, желая хоть чѣмъ-нибудь помочь имъ, клали имъ на грудь свои сухари: если, молъ, „очухается“, да ѣсть захочетъ, такъ было бы что поѣсть. Но эти люди такъ и не очухались и лежали теперь закоченѣвъ въ вѣчномъ покоѣ и, конечно, не помышляя уже о томъ насущномъ хлѣбѣ, который былъ имъ данъ любящею рукою передъ переходомъ въ вѣчность.

Вечеромъ 24 было тихо. О колоннѣ генерала Гернгроса, на которую всѣ уповали, ничего не было слышно; да теперь какъ-то мало и говорили про эту колонну, потому что сознавали, что произошла какая-то заминка въ выполненіи плана, и всѣ какъ-то инстинктивно сознавали, что у насъ творится что-то такое странное и что въ недалекомъ будущемъ намъ прійдется пережить грандіозную катастрофу.

Сердце человѣческое никогда не ошибается, и если на него находитъ какая-то безысходная тоска, причины которой никакъ не можетъ разгадать умъ, то всегда нужно вѣрить сердцу, такъ какъ оно способно предугадывать событія.

Такъ было и теперь. Помню, что почти всѣ мы испытывали приступы какой-то безысходной и ужасной тоски, чувствовали, что надъ нашей арміей виситъ что-то недоброе — зловѣщее, чего такъ хотѣлось избѣжать и чего нельзя было избѣжать, будучи составною частицей этой арміи; а она должна была теперь за свои грѣхи и чужіе принести собою искупительную жертву. Тяжело, очень тяжело было подъ гнетомъ этихъ мрачныхъ предчувствій и не дай Богъ кому-либо пережить все то, что мы пережили какъ въ эту роковую ночь, такъ равно и въ теченіе всего слѣдующаго дня.

Часа въ два ночи съ 24 на 25 февраля принесли записку отъ начальника дивизіи. Этотъ маленькій лоскутокъ бумаги содержалъ въ себѣ роковое извѣстіе о томъ, что мы должны какъ можно тише и осторожнѣе отступать къ Мукдену. Насъ оповѣщали о томъ, что полкъ нашъ будетъ смѣненъ въ редутѣ баталіономъ другого полка и тогда, по сдачѣ редута, мы должны будемъ отходить на Мукденъ, гдѣ и получимъ дальнѣйшія указанія.

Это извѣстіе повергло всѣхъ въ еще большее уныніе. Опять это невыносимое отступленіе и, конечно, подъ напоромъ непріятеля, опять неминуемый безпорядокъ, неизбѣжный страхъ и всѣ эти несносные часы, которые приходится выносить всякой отступающей части. Да будетъ проклятъ тотъ часъ, въ который рѣшено было вести эту войну на отступательныхъ маршахъ.

Только часовъ около 4 ночи прибылъ къ намъ баталіонъ дру-

того полка, и роты одна за другой вводились въ редутъ и приспособливались на новыхъ мѣстахъ.

Процедура смѣны войскъ происходила слишкомъ медленно: ночь была темная, а пришедшая на смѣну часть совершенно не была ознакомлена съ нашимъ редутомъ, не зная гдѣ и какой глубины вырыты рвы, гдѣ устроены ступеньки, траверзы и т. п.

Неуклюжіе, закутанные въ башлыки, съ туго натянутыми на полушубки шинелями и съ огромными, набитыми разнымъ ненужнымъ хламомъ мѣшками, солдаты пришедшаго баталіона производили впечатлѣніе какихъ-то неуклюжихъ и косолапыхъ мужиковъ; они ощупью спускались въ ровъ редута, сопѣли, кряхтѣли, спотыкались, падали и все шли и шли безконечной вереницей, и казалось, что скоро въ редутѣ не будетъ уже и мѣстъ: такъ они его заполнили своими громоздкими фигурами.

Смѣна производилась по-ротно, и когда прибывающая рота вся втягивалась въ редутъ, то она становилась въ линію на днѣ рва на протяженіи ротнаго участка; наши люди въ это время стояли на ступенькахъ; потомъ по командѣ наши поворачивались направо или налѣво и начали гуськомъ выходить изъ редута, а пришедшіе постепенно занимали ихъ мѣста. Потомъ такимъ же образомъ продѣлывалось съ другой ротой и т. д.—пока не смѣнились всѣ. Послѣ этого смѣнились секреты.

Роты, по выходѣ изъ редута, отправлялись въ деревню на сборный пунктъ, гдѣ и ждали, пока соберется сюда весь полкъ.

Японцы къ счастью насъ не тревожили, и смѣна произошла вполнѣ благополучно, хотя было жутко въ то время, когда въ редутѣ получилось слишкомъ большое скопленіе людей и когда отъ тѣсноты невозможно было проникнуть въ ту или его иную часть. Если бы въ это время вдругъ разгорѣлась бы ружейная перестрѣлка, или еще хуже — началась бы артиллерійская канонада, то результаты могли бы быть очень плачевные. Хуже нѣтъ, когда опасность застаетъ людей собранныхъ въ безпорядочную густую толпу, которая всегда очень быстро поддается вліянію ужаса и дѣлается обыкновенно жертвою паники. Помню за все время смѣны раздался только одиночный японскій выстрѣлъ, и пуля пролетѣла надъ редутомъ. Всѣ замерли, думая что вотъ-вотъ начнется огонь, а за нимъ быть можетъ и штурмъ, но прошла минута томительнаго ожиданія, и попрежнему все было тихо кругомъ.

Вѣроятно въ началѣ пятаго часа полкъ нашъ тронулся изъ Янсытуня и потянулся по Мукденской дорогѣ, идя по утреннему холодку къ городу.

Востокъ уже свѣтился, и мы быстро шагали по гладкой укатан-

ной дорогѣ, стараясь какъ можно скорѣе выйти изъ сферы артиллерійскаго огня. Каждому было очень хорошо извѣстно, что непріятель могъ бросать свои бомбы и шимозы версты на четыре на пять за Янсытунь, и намъ нужно было во что бы-то ни стало до наступленія свѣта пройти эти пять верстъ, дабы не подвергнуться напрасному разстрѣливанію. Къ счастью намъ это удалось сдѣлать и, отмахавъ верстъ восемь, мы къ разсвѣту подошли къ какой-то деревушкѣ, гдѣ нагнали нѣкоторые полки нашей же дивизіи, прибывшей сюда раньше насъ.

Здѣсь мы узнали, что впереди насъ ждетъ полная неопредѣленность. Одни говорили, что отходимъ только до Мукдена, гдѣ будто бы рѣшено принять жестокій бой; другіе увѣряли, что войска уже почти всѣ прошли черезъ городъ и уже отходятъ къ Тѣлину, и что мы только одни остались въ тылу, дабы сдержать напоръ противника. Говорили, что Мукденъ весь горитъ, и всѣ бывшіе тамъ склады и лазареты уже подожжены нами. И дѣйствительно мы видѣли, что этотъ огромный городъ весь закутанъ непроницаемыми облаками дыма. Говорили также, что дорога отъ Мукдена на Тѣлинъ сплошь запружена какими-то обозами и парками, и что нѣтъ возможности двинуться дальше ни на шагъ; а японцы вотъ-вотъ перехватятъ всю эту массу обозовъ и перерѣжутъ намъ путь. Не хотѣлось этому вѣрить, но зловѣщія облака дыма, повисшія мрачно надъ городомъ, да грохотъ усиленной канонады со стороны сѣверозапада — то есть какъ разъ на пути нашего отступленія говорили, что носящіеся слухи имѣютъ основаніе.

Сердце щемило отъ боли, и на глазахъ выступали горькія слезы. Что дѣлаютъ.—Боже Ты мой, говорили грустно солдаты. Ишь сколько добра зря пожгутъ. Ну и война, сколько японца наколотили, а все отходи отъ него проклятаго.

Люди были озлоблены, понявъ что ихъ дѣло не оцѣнено начальствомъ, что ихъ храбрость и самоотверженіе прошли какъ-то мимо глазъ, и вотъ теперь снова приходится испытывать и переживать мучительные и томительные часы отступленій — невыносимыхъ и тягостныхъ.

Мы подошли, наконецъ, къ городу и тутъ остановились у полотна желѣзной дороги. Правѣе насъ медленно тянулась какая-то артиллерія, за нею шла пѣхота, потомъ опять артиллерія, и все это ползло медленно, безпрестанно останавливаясь и постепенно исчезая въ дыму огромнаго пожарища, которое пировало теперь въ городѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ.

Очевидно, насъ остановили затѣмъ, чтобы пропустить эту безконечную и медленно ползущую кишку, которая невѣдомо откуда

тянулась и куда втягивалась. Спасибо храброму и незабвенному генералу Церпицкому. За послѣднее время мы были въ составѣ его отряда, и теперь онъ былъ тутъ же съ нами. Пропуская мимо себя полки, онъ благодарилъ насъ за нашу стойкость, говорилъ, что любовался ею и самъ кричалъ въ нашу честь громкое ура. Мы отвѣчали молодцу генералу тѣмъ же крикомъ, и это поддержало насъ и заставило сердце биться надеждою на что-то лучшее и свѣтлое.

Наконецъ идущая правѣе насъ колонна прошла и намъ было приказано двигаться. Нашъ полкъ былъ оставленъ въ самомъ хвостѣ колонны, и долго еще мы стояли на мѣстѣ, дожидаясь своей очереди, а на сѣверо-западѣ все сильнѣе и сильнѣе разгорался бой. Гдѣ-то вправо безпрестанно рвались снаряды. Сначала думали, что это начали уже падать непріятельскія шимозы, но потомъ убѣдились въ томъ, что это горятъ наши склады и въ пламени взлетаютъ на воздухъ ящики со снарядами. Съ этой же стороны слышался безпрерывный трескъ рвущихся въ огнѣ патроновъ.

Японцы съ тыла насъ пока не тревожили.

Наконецъ мы тронулись. Помню передъ началомъ движенія кто-то мнѣ передалъ два письма. Одно оказалось съ далекой родины. Я наскоро пробѣжалъ это дорогое письмо, и еще печальнѣе стало на душѣ. Тамъ они знаютъ уже про наше невыносимо тяжелое положеніе, чувствуютъ, что у насъ тутъ творится что-то невозможное, безобразное и безпримѣрное. Они тамъ — въ далекой глуши заброшенной въ лѣсахъ деревеньки, мучаются за насъ и со слезами молятъ Бога, чтобы Онъ помогъ бы намъ выполнить до конца свой долгъ и отстоять честь своей земли въ этой трудной борьбѣ. Дорогіе и милые люди, да развѣ мы не выносимъ возложеннаго на насъ бремени, развѣ не стойко мы дрались все время съ нашимъ доблестнымъ противникомъ, но чѣмъ же мы виноваты, что вотъ и теперь дѣлаемъ все то же, что дѣлали раньше: отходимъ, отступаемъ поспѣшно, какъ бы бѣжимъ и не будучи въ состояніи захватитъ съ собой тѣ несмѣтные запасы, которыхъ тутъ сложено на милліоны и десятки милліоновъ рублей, мы ихъ жжемъ самымъ безжалостнымъ образомъ, и этотъ смрадный дымъ застилаетъ теперь собою весь горизонтъ и тянется къ небу огромными тяжелыми и мрачными тучами. Молитесь за насъ всѣ, у кого въ груди еще осталась жалость къ намъ; да поможетъ намъ Господь принести собою искупительную жертву за свои и чужіе грѣхи. Помню, я разорвалъ письмо на мелкіе кусочки, и они разлетѣлись по вѣтру.

Другое было отъ товарища изъ Никольска Уссурійскаго. Пишетъ, что живутъ совершенно на мирномъ положеніи, скучаютъ и бездѣльничаютъ. Невольно на минуту переносишься и туда мыслью

и съ трудомъ представляешь себѣ картину мирнаго положенія. Здѣсь такъ привыкаешь ко всѣмъ этимъ трупамъ, пушкамъ, крови и снарядамъ, что какъ-то даже перестаешь вѣрить въ то, что есть гдѣ-то такія мѣста, гдѣ люди живутъ безъ всего этого. И это письмо также разорвано въ клочки и брошено по вѣтру.

„Шагомъ маршъ“, слышится команда, и мы начинаемъ движеніе, идя въ хвостѣ безконечной колонны. Вотъ желѣзно-дорожная насыпь; она высока и что дѣлается по ту ея сторону—намъ пока не видно. Мы подходимъ къ насыпи, поднимаемся на нее, и картина огромнаго пожарища предстаетъ передъ нами. Въ дали какой-то туманъ, который закуталъ собою весь городъ. Онъ прятался отъ насъ тогда, когда мы, окрыленные надеждою на успѣхъ, подъѣзжали къ нему на поѣздѣ; вотъ и теперь мы послѣ кровавыхъ боевъ, послѣ всего пережитаго тяжелаго и грустнаго снова подходимъ усталые и нервно разбитые къ этому древнему таинственному сфинксу, и онъ снова, какъ бы, не желая, чтобы мы его видѣли, закуталъ себя непроницаемой пеленой. Тогда было такое же тихое и свѣтлое утро и надъ городомъ висѣла неподвижная дымная пелена, и теперь та же пелена, но она не неподвижна; она вся въ движеніи, поднимаясь къ синему небу огромными столбами и клубами, и эти клубы ползутъ въ морозномъ утреннемъ воздухѣ и медленно расходятся въ вышинѣ въ огромное и тяжелое облако, а съ низу поднимаются все новые и новые столбы и кажется, что вся земля загорѣлась и что нѣтъ прохода черезъ это могучее пожарище: — но войска все идутъ и идутъ и, напирая другъ на друга, исчезаютъ среди могучихъ столбовъ пламени и дыма.

Мы проходимъ черезъ желѣзнодорожную насыпь и, пройдя съ полверсты отъ послѣдней, вступаемъ въ сферу пожарища. Вотъ тѣ самые бараки-землянки, въ которыхъ мы ночевали, придя въ Мукденъ послѣ того, какъ разгрузились съ поѣзда; они не горятъ, а тлѣютъ, испуская густые клубы дыма. Вотъ госпитали, частью уже брошенные, частью еще занятые, гдѣ тогда—въ ночь нашего прихода—было такъ чисто и уютно. Теперь тутъ полный хаосъ: нѣкоторыя постройки уже горятъ такимъ сильнымъ пламенемъ, что становится жарко,—тѣ же, которыя еще не объяты пламенемъ, терпѣливо ждутъ своей печальной участи. Вотъ при насъ загорается какой-то небольшой баракъ, и густое темно-фіолетовое облако дыма сгущаетъ собою и безъ того мрачныя краски. Это, вѣроятно, загорѣлись медикаменты.

Больные, которые могутъ ходить, выскакиваютъ изъ бараковъ и въ ужасѣ разбѣгаются въ разныя стороны. Къ нашему полку присоединяется какая-то высокая и худая фигура, съ блѣднымъ

лицомъ и съ лихорадочно-горящими безумными глазами. Фигура одѣта въ халатъ, а на головѣ у нея—не то повязка, не то колпакъ. Это оказался сумасшедшій солдатъ. Онъ становится въ ряды нашего полка и маршируетъ вмѣстѣ съ нашими солдатами, какъ-то дико припрыгивая и временами издавая какіе-то вопли. Нѣсколько сестеръ милосердія безпомощно стоятъ, не зная, что имъ дѣлать. Ихъ бросаютъ въ Мукденѣ, потому что не успѣли вывезти изъ него всѣхъ больныхъ и раненыхъ. Онѣ тоскливо ждутъ своей участи и просятъ у насъ хоть немного хлѣба, потому что больнымъ нечего ѣсть.

Вотъ около огромнаго длиннаго шатра стоитъ мрачная и понурая фигура пожилого монаха. „Вотъ, говоритъ онъ: не знаю, что я съ ними буду дѣлать“—и онъ отдергиваетъ полотно, закрывающее входъ въ шатеръ, и мы убѣждаемся, что онъ чуть ли не биткомъ набитъ мертвецами. Дѣйствительно, положеніе этого монаха незавидное, но рѣшилъ выполнить свой истинно-христіанскій долгъ и не бросать этихъ, отшедшихъ въ вѣчность, воиновъ, надѣясь все же всѣхъ ихъ предать землѣ и вознести въ послѣднюю минуту свою молитву о душахъ этихъ мучениковъ.

Мы все идемъ и идемъ, и все никакъ не можемъ выбраться изъ этого пламени, дыма и смрада.

Вотъ огромные интендантскіе бунты. Чего тутъ только нѣтъ: лежатъ цѣлыя кучи мороженыхъ тушъ мяса, огромныя горы ящиковъ съ консервами, жмыхи, сложенные въ гигантскіе скирды, громадные запасы сухарей, мѣшки, вѣроятно, съ крупой и съ овсомъ;—все заготовлено въ изобиліи и все это брошено и будетъ или расхищено жителями, взято японцами, или же, попросту—сожжено. Уже и теперь видно, какъ къ этимъ складамъ цѣлой вереницей спѣшатъ китайцы, и какъ они бѣгутъ оттуда, унося на своихъ бамбуковыхъ коромыслахъ тяжелые мѣшки. Они торопятся, боясь, что вотъ-вотъ придутъ сюда японцы, и тогда имъ конечно нельзя будетъ поживиться чужимъ добромъ, потому что японцы—народъ строгій и любящій порядокъ.

Мы доходимъ до какой-то огромной старинной пагоды и на площади застаемъ цѣлый полкъ. Люди сидятъ на землѣ и заняты переобуваніемъ. По дорогѣ имъ гдѣ-то удалось раздобыться новою обувью, и теперь они бросаютъ тутъ же свои старые и рваные валенки, а вмѣсто нихъ надѣваютъ новую обувь. Черезъ нѣсколько минутъ полкъ уходитъ, и вся площадь оказывается усѣянной рваной солдатской обувью.

Хорошо хоть то, что своимъ досталась эта обувь.

Далѣе цѣлыя вереницы солдатъ лежатъ въ разныхъ позахъ

около дороги. Вы думаете, что они повалились отъ переутомленія,—нѣтъ, если вы къ нимъ подойдете, то убѣдитесь, что всѣ они мертвецки пьяны; напились они, благодаря, во-первыхъ, собственной распущенности, а также и потому, что кто-то не догадался вовремя припрятать запасы спирта отъ проходящихъ войскъ. Говорили потомъ, что разныя тыловыя части и вообще всякая нестроевщина набросились на бочки со спиртомъ и, разбивъ ихъ, напились до безчувственнаго состоянія и повалились на землю для того, чтобы проснуться въ плѣну у японцевъ, или же совсѣмъ не проснуться подъ непріятельскимъ штыкомъ.

Говорили, что такихъ пьяницъ попалось въ плѣнъ нѣсколько тысячъ, и что японцы многихъ изъ нихъ прикончили, а къ тѣмъ, которые остались живы, относились съ великимъ презрѣніемъ. Да и было за что.

Наши солдаты, проходя мимо всего этого, съ негодованіемъ плевали, говоря:—„Бога у людей нѣтъ, чтобъ въ такое время пьянымъ напиваться“.

Много тяжелыхъ и грустныхъ картинъ пришлось увидѣть намъ на этомъ по-истинѣ скорбномъ пути, но все же самое-то главное и самое тяжелое ожидало насъ впереди.

Наконецъ, послѣ долгихъ остановокъ и задержекъ, послѣ невѣроятной путаницы и толкотни при прохожденіи узкихъ мѣстъ, намъ удалось выбраться изъ сферы пожарищъ.

Видна необыкновенно красивая, въ чисто китайскомъ стилѣ, арка, граничащая собою предѣлы города. Она великолѣпна—эта художественно составленная изъ отдѣльныхъ кусковъ дерева арка; вся она окрашена въ самые разнообразные цвѣта, а ея гигантская крыша, съ загнутыми краями такъ изящно и легко покоится на тонкихъ столбахъ. Сколько чисто восточнаго вкуса проявилъ строитель этой арки въ своемъ произведеніи! Но намъ нѣтъ времени любоваться ею, и мы проходимъ мимо, бросивъ мимолетный взглядъ и оцѣнивъ всю красоту и изящество этой постройки.

Потомъ мы подходимъ къ какому-то каменному мосту, переброшенному черезъ неширокую канаву, и здѣсь останавливаемся, потому что впереди образовалась пробка изъ какихъ-то обозовъ, двуколокъ и ящиковъ, которые столпились около моста и никакъ не могутъ распутаться. Стоимъ здѣсь съ полчаса и затѣмъ трогаемся далѣе.

Впереди часто громыхаютъ орудійные выстрѣлы, позади же насъ все пока спокойно.

Намъ кажется, что позади насъ уже нѣтъ нашихъ войскъ, потому что все, что было, то прошло длинной вереницей мимо насъ

еще тогда, когда мы стояли близъ желѣзнодорожнаго полотна. И эта полная неизвѣстность о томъ, что дѣлается позади, волнуетъ людей. Они думаютъ, что вотъ-вотъ по пятамъ за ними идутъ японцы, идутъ спѣшно съ желаніемъ настигнуть хвостъ нашей колонны и начать насъ разстрѣливать чуть-ли не въ упоръ, пользуясь множествомъ закрытій, а также и тѣмъ, что все время намъ приходится двигаться въ густой колоннѣ и нѣтъ возможности развернуться въ боевой порядокъ.

При такихъ условіяхъ, рота отважныхъ смѣльчаковъ можетъ надѣлать чудесъ: вообразите, что въ силу закупорки пути, приходится ждать, стоя на мѣстѣ, пока не освободится проходъ—и въ это время вдругъ сзади загрохотала бы перестрѣлка; пули роемъ несутся въ густую массу людей, очень легко отыскивая свои жертвы. Люди начинаютъ валиться одинъ за другимъ, но непріятель невидимъ: онъ стрѣляетъ бездымнымъ порохомъ и предварительно постарался себя хорошо укрыть. Начинается смятеніе; люди сознаютъ, что укрыться отъ огня некуда и что приходится гибнуть даромъ.

Ожиданіе подобной катастрофы и составляетъ собою весь ужасъ и весь трагизмъ во время отступленія. Вы сознаете, что все это вполнѣ возможно и допустимо и что если, не дай Богъ, оно совершится, то возможна катастрофа, и это-то больше всего и нервируетъ васъ, заставляя все время учащенно биться ваше сердце и нервно прислушиваться къ тому, что слышно позади. Не дай Богъ кому-либо переживать что-нибудь подобное въ жизни.

Мы переходимъ, наконецъ, черезъ каменный мостъ, поворачиваемъ затѣмъ влѣво и идемъ около какихъ-то богатыхъ и большихъ фанзъ и такъ доходимъ до окраины города. Здѣсь дорога пролегаетъ у подножія высокой городской стѣны, которая вся усѣяна глазѣющими на насъ китайцами; здѣсь десятки тысячъ: всѣ они смотрятъ на насъ, нагло смѣются надъ нашей неудачей, но большинство держитъ себя корректно. Мы же проходимъ передъ этой многотысячной толпой, чувствуя невольное униженіе передъ нею.

Мы продолжаемъ нашъ путь среди безчисленныхъ могильныхъ холмовъ, тѣхъ самыхъ, которые мы видѣли съ поѣзда, подъѣзжая къ Мукдену.

Вдали снова видно полотно желѣзной дороги, и теперь мы идемъ прямо на него, съ тѣмъ, чтобы слѣдовать по грунтовому пути, проложенному по обѣимъ сторонамъ полотна.

А впереди все бухаютъ и бухаютъ пушки. Тамъ идетъ жестокій бой и кажется страннымъ—какъ онъ могъ разгорѣться на пути нашего отступленія. Неужели непріятель уже перерѣзалъ намъ

дорогу?... Мы знаемъ, что на востокъ отъ насъ наша первая армія,—не можетъ же она отойти раньше насъ и допустить японцевъ стать на нашемъ пути. Это невозможно,—тутъ что-нибудь другое, но червь сомнѣнія уже закрадывается въ душу.

Доходимъ до полотна и здѣсь почему-то приказано остановиться: — вѣроятно опять кого-нибудь пропускаемъ впередъ. Люди грузно валятся на землю и нѣкоторые быстро засыпаютъ, пригрѣтые полдневнымъ февральскимъ солнцемъ. У меня начинаютъ слипаться глаза и подъ звуки канонады начинаешь сладко дремать. Выстрѣлы слышны все глуше и глуше и вскорѣ ихъ перестаешь совсѣмъ слышать и постепенно переносишься въ міръ грезъ и фантазій.

„Встать—шагомъ маршъ!“—раздается гдѣ-то команда.

Нервно вскакиваешь, хватаешь въ руки винтовку и начинаешь шагать по пыльной дорогѣ... И вдругъ съ правой стороны—съ востока слышится въ воздухѣ знакомый и непріятный шелестъ, потомъ что-то мощно ударяетъ въ землю, видно облако бураго дыма,—слышится громкій трескъ и визгъ.

Началось — мелькаетъ въ головѣ мысль. Апатіи и усталости какъ не бывало и весь обращаешься въ слухъ и вниманіе.

А непріятель не медлилъ: онъ энергично началъ забрасывать насъ снарядами. Въ воздухѣ—непрерывный визгъ осколковъ шимозъ, разрывы шрапнелей, вой пуль—и все это летитъ въ густую массу людей, которые не ожидали столь внезапнаго и ужаснаго сюрприза. Убитые и раненые валятся безпрестанно.

Полкъ нашъ спѣшно перестраивается въ линію ротъ и беретъ направленіе на впереди лежащую деревню.

Мы проходимъ мимо какого-то другого полка, который залегъ вдоль желѣзно-дорожной насыпи. Офицеры этого полка собрались видимо на совѣщаніе, но скоро имъ придется его прекратить потому, что и съ сѣверо-запада начинаютъ изрядно пострѣливать. Насъ, очевидно, взяли подъ перекрестный огонь и рѣшили разстрѣливать до тѣхъ поръ, пока мы всѣ здѣсь не поляжемъ такъ глупо и безцѣльно.

Взявъ направленіе на деревню, мы стремимся къ ней, идя по открытому полю и все время теряя людей. Наконецъ доходимъ до этой деревни, названіе которой оказывается „Вазые“. Это названіе будетъ увѣковѣчено въ исторіи.

Придя въ деревню, мы собираемся въ глубокомъ оврагѣ для того, чтобы хоть немного устроиться и привести въ извѣстность понесенныя нами потери, но къ командиру полка подъѣзжаетъ адъютантъ генерала Церпицкаго и именемъ генерала приказываетъ

немедля занять южную и западную окраины деревни. Мы идемъ по указанному направленію, занимаемъ стѣнки. Пули сочно чмокаютъ стѣны фанзъ. По всему видно, что противникъ недалеко. Къ командиру полка подскакиваетъ тотъ же адъютантъ и требуетъ его къ генералу для полученія отъ послѣдняго личныхъ приказаній. Мы идемъ за командиромъ и долго ищемъ генерала, но его нигдѣ нѣтъ. Здѣсь находимъ какую-то сестру, которая безпомощно и одиноко стоитъ около брошенной санитарной повозки. Взоръ этой бѣдной усталой женщины выражаетъ глубокую и тяжелую тоску и муку. Она въ совершенно безпомощномъ положеніи—одна—около своей повозки, въ которую впряжена измученная лошадь, и эта послѣдняя тоже стоитъ, понуря голову. Все теперь пропало и нѣтъ спасенія—выражаетъ собою эта печальная группа.

Пули всюду сверлятъ воздухъ и безпрерывно слышны ихъ „сочные поцѣлуи“ съ глиняными стѣнами фанзъ и заборовъ.

— Не видали ли генерала Церпицкаго, спрашиваетъ нашъ полковникъ у бѣдной женщины.

— Онъ раненъ, ему сдѣлали перевязку и увезли отсюда, а куда—не знаю—отвѣчаетъ она.

Мы идемъ къ кумирнѣ, которая видна тутъ же на горкѣ. Полковникъ, изнеможенный до крайности, съ больной перевязанной рукой валится на груду камней и проситъ воды. Одинъ изъ насъ бѣжитъ къ колодцу и приноситъ воду.

Адъютанту приказано вести полкъ сюда же къ кумирнѣ, т.-к. очевидно, за выбытіемъ генерала Церпицкаго, вопросъ относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій долженъ рѣшаться по собственной иниціативѣ и предположено, въ виду полной неопредѣленности дѣйствій, въ виду полнаго незнанія обстановки, двигаться на сѣверъ, гдѣ снова подойти къ полотну желѣзной дороги и тамъ постараться нагнать прочіе полки нашей дивизіи, которые, надо думать, ушли уже значительно впередъ, т.-к. во-первыхъ, они шли все время впереди насъ, а во-вторыхъ, не были задержаны въ Вазые, какъ былъ задержанъ нашъ полкъ.

Проходитъ полчаса, и полкъ, идя въ колоннѣ по отдѣленіямъ, подошелъ къ кумирнѣ и отсюда, взявъ направленіе на сѣверъ, пошелъ параллельно желѣзной дорогѣ, держась отъ послѣдней въ разстояніи около версты.

Едва только полкъ успѣлъ вытянуться изъ деревни, какъ со стороны желѣзной дороги въ насъ полетѣли непріятельскія пули. Слышно было, какъ забарабанилъ пулеметъ, и видны были ясно черныя фигурки японцевъ, которые, перебѣжавъ полотно жел. дороги, поддерживаемые частымъ огнемъ съ насыпи, стремились впе-

редъ, чтобы подойти къ намъ на болѣе близкое разстояніе и нанести намъ возможно большій вредъ своимъ огнемъ.

Пришлось принять быстрыя мѣры противъ этой неожиданности. Сейчасъ же три головныя роты были вызваны вправо и разсыпаны въ цѣпь. Знамя было передано изъ головной роты въ тыловыя и было приказано всѣмъ остальнымъ ротамъ не задерживаться, а укрываясь оврагомъ, продвигаться на сѣверъ, вызваннымъ же ротамъ—огнемъ прикрыть это отступленіе.

Къ сожалѣнію, это, отданное въ суматохѣ, приказаніе не было исполнено въ полности.

Три разсыпанныхъ роты (2 въ цѣпи и одна въ резервѣ) залегли за складкой мѣстности и уже готовы были открыть огонь, какъ случилось нѣчто совершенно неожиданное: мы всѣ замѣтили большую колонну нашихъ войскъ, которая почему-то стояла шагахъ въ 500 отъ насъ и немного лѣвѣе. Помню, что на меня эта колонна произвела такое впечатлѣніе, что какъ будто-бы она только что была остановлена съ цѣлью устроиться во время отступленія и съ цѣлью продолженія таковаго въ большемъ порядкѣ. Очевидно японцы, открывъ со стороны жел. дороги огонь по нашему полку, не пропустили и этой огромной колонны, которая представляла собою еще болѣе заманчивую для нихъ цѣль, чѣмъ длинная, двигающаяся, колонна нашего полка.

25351.

Первые моменты послѣ того, какъ мы были встрѣчены неожиданнымъ огнемъ, колонна стояла совершенно неподвижно, потомъ отъ нея начали отдѣляться одиночные люди, которые побѣжали въ нашу сторону, къ нимъ присоединились другіе,—побѣжали десятки, за ними сотни и, наконецъ, вся масса людей, заразившись очевидно паникой, покатилась въ нашу сторону, закрывъ собою непріятеля, по которому мы только что хотѣли открыть огонь.

Командиръ одной изъ ротъ, разсыпанныхъ въ цѣпь, молодой и храбрый подпоручикъ С. сказалъ, обращаясь къ командиру полка: „г. полковникъ, разрѣшите мнѣ открыть огонь по этимъ бѣглецамъ“. Наши солдаты, видя эту огромную, стремящуюся на нихъ въ полномъ безпорядкѣ толпу обезумѣвшихъ людей, начали волноваться. Ротный командиръ другой разсыпанной роты былъ раненъ и, сидя на землѣ, болѣзненно стоналъ. Изъ офицеровъ остались только двое: подпоручикъ С. и прапорщикъ К., который черезъ минуту послѣ этого перешелъ въ вѣчность, съ обнаженной шашкой въ рукѣ и съ крикомъ „ура“. Пуля ударила бѣднягѣ въ животъ, какъ разъ тогда, когда всѣ мы пошли въ атаку.

И такъ, подпоручикъ С. просилъ разрѣшенія объ открытіи огня по стремящимся къ намъ людямъ, но очевидно было, что огнемъ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ФОНДЪ Пермской обл. библіотеки

здѣсь нельзя было помочь горю:—огонь уложилъ бы только сотни несчастныхъ людей и ни какой-бы пользы не принесъ. Этимъ людямъ нужно было собственнымъ примѣромъ показать, что ихъ страхъ преувеличенъ, нужно было ихъ подбодрить и воодушевить,—нужно было, словомъ, пожертвовать собою для общаго дѣла—и это было рѣшено. „Не стрѣляйте: и безъ того сегодня много смертей. Сейчасъ пойдемъ впередъ съ громкимъ „ура“ и этимъ, быть можетъ, намъ удастся ободрить смутившихся“, громко сказалъ полковникъ и, закричавъ, что было силы „ура-а-а-а“, бросился впередъ, всѣ наши люди дружно бросились за нимъ, обгоняя другъ друга и падая ранеными и убитыми.

Мы всѣ кричали что было мочи и бѣжали, увлекаемые нашими офицерами, но вотъ одинъ изъ нихъ—прапорщикъ К. упалъ, схватившись за животъ. Потомъ, подбѣжавшій къ нему на помощь солдатъ, разсказывалъ, что К. не долго жилъ; онъ былъ смертельно раненъ и умеръ тутъ же. Послѣднія его слова заключали просьбу—передать товарищамъ и семьѣ, что онъ умеръ, честно исполнивъ свой солдатскій долгъ.

Наше стремленіе впередъ все же не ободрило бѣжавшей противъ насъ толпы, и она по-прежнему съ неудержимымъ порывомъ стремилась къ Вазые, ища, очевидно, за стѣнами укрытія отъ огня. Вскорѣ толпа встрѣтилась съ нами. Мы видѣли, какъ мимо насъ мелькали потныя лица солдатъ, тяжело дышащихъ и напрягающихъ послѣднія усилія, чтобы какъ можно скорѣе добѣжать до деревни. Остановить эту массу было невозможно, и она, грохоча ногами, прокатилась сквозь нашу цѣпь, теряя на каждомъ шагу своихъ раненыхъ и убитыхъ.

Когда этотъ нестройный ураганъ пронесся мимо насъ, то и наши ряды значительно поубавились, но все же движеніе наше, до извѣстной степени, принесло пользу, т.-к. японская пѣхота отхлынула за жел. дорогу, и пулеметъ тоже пересталъ дѣйствовать,—вѣроятно изъ боязни быть захваченнымъ.

Видя, что непріятель отхлынулъ, наши люди залегли, совершенно утомленные послѣ продолжительнаго бѣга и открыли рѣдкій огонь, хотя противника и не было видно, но онъ былъ гдѣ-то недалеко, потому что огонь съ его стороны не ослабѣвалъ.

Между тѣмъ въ Вазые и въ оврагѣ, который тянется на сѣверъ отъ этой деревни, царилъ полный хаосъ. Прибѣжавшая сюда огромная толпа обезумѣвшихъ людей наполнила собою всю деревню и оврагъ. Люди метались, не зная, что имъ предпринять и что дѣлать дальше. Находились нѣкоторые, не потерявшіе еще головы и старающіеся помочь общей бѣдѣ. Они кричали, собирая вокругъ

себя людей въ кучки, и намѣревались вести ихъ противъ невидимаго противника, который пронизывалъ своимъ губительнымъ огнемъ деревню со всѣхъ сторонъ. Эти собравшіяся кучки орали во все горло „ура“, подбадривая себя этимъ воинственнымъ крикомъ, но какъ только онѣ выходили изъ-за закрытій и попадали подъ огонь, такъ—паника снова охватывала этихъ людей, и они становились неспособными къ активнымъ дѣйствіямъ. Люди снова прятались за закрытія и царящій всюду хаосъ не уменьшался. А непріятель громилъ и громилъ Вазые, намѣреваясь, кажется, окончательно перебить всѣхъ людей, на долю которыхъ, благодаря причинамъ, которыя впослѣдствіи освѣтитъ истиннымъ свѣтомъ исторія, выпало это невыносимо тягостное положеніе.

Находились такіе офицеры, и ихъ было не мало, которые старались ободрить людей и привести ихъ къ порядку, но и изъ ихъ усилій ровнымъ счетомъ ничего не выходило.

Погасъ святой огонь въ сердцахъ людей, которые забыли завѣты, лежащіе въ основѣ нашей прежней военной доблести—завѣты, которыми мы были сильны во всѣ прежнія войны—завѣты, которые учили каждаго воина никогда не отступать передъ врагомъ. Въ эту же войну намъ только и говорили о томъ, что надо отступать возможно поспѣшнѣе и таинственнѣе.

Вопли отчаянія слышались на каждомъ шагу. Многіе солдаты съ негодованіемъ бросали свои винтовки и брели неизвѣстно куда, вѣроятно, даже не сознавая, что они дѣлаютъ. Приходилось видѣть такихъ офицеровъ, которые, испробовавъ всѣ способы—поднять упавшій духъ людей и видя полное свое безсиліе—помочь горю, махнувъ рукою, шли въ какую-либо фанзу,—опять таки неизвѣстно зачѣмъ,—какъ бы намѣреваясь предаться отдыху. Это были, очевидно, временно помѣшавшіеся люди, потому что разсчитывать на отдыхъ при подобныхъ обстоятельствахъ можетъ только безумецъ.

Помню одного молодца полковника Генеральнаго Штаба, съ умнымъ и энергичнымъ лицомъ. Онъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы собрать людей и устроить ихъ. Это ему, кажется, начало удаваться. Вдругъ появился какой-то никому неизвѣстный генералъ, окончательно потрясенный и убитый горемъ. Старикъ чуть не плакалъ, и вся его фигура изображала полную безпомощность. „Ребята, закричалъ молодецъ полковникъ: ура генералу,—онъ насъ поведетъ въ бой“. Но почти никто изъ людей не отвѣтилъ восторженнымъ крикомъ генералу: всѣ, вѣроятно, убѣдились въ томъ, что и на этого человѣка нѣтъ никакой надежды.

На каждомъ шагу валялись раненые; они, видя свое безпомощ-

ное положеніе, молили здоровыхъ людей, чтобы они помогли бы имъ выбраться изъ этого проклятаго мѣста, но никто на эти мольбы не обращалъ вниманія, потому что всѣхъ охватила тоска и отчаяніе.

Когда мы вернулись отъ ж. дороги снова въ Вазые и зашли въ оврагъ, тянущійся на сѣверъ, то застали здѣсь всю эту грустную и тяжелую картину. По восточному склону оврага, помню, расположилась наша пятая рота, и молодецъ ротный командиръ, который недавно отбилъ со своей ротой стремительныя атаки на редутъ въ Янсытунѣ, теперь былъ мраченъ и грустенъ. Онъ сознавалъ свою полную безпомощность—помочь общему горю, но, свято исполняя свой долгъ, все же держалъ своихъ людей въ сборѣ, дабы быть готовымъ встрѣтить съ ними всякую неожиданность. Люди этой роты были мрачны: они отлично сознавали свое почти безвыходное положеніе, спастись изъ котораго можно было только чудомъ.

Что больше всего насъ непріятно поразило—это то, что никто изъ нихъ не зналъ—куда пошли остальныя роты полка и главное—гдѣ находится наше знамя. Въ общей суматохѣ рота эта, очевидно, отдѣлилась отъ полка, а потому ни ротный командиръ, ни солдаты ничего не могли намъ сказать опредѣленнаго. Можно было предположить, что знамя вмѣстѣ съ прочими ротами полка уже находится далеко отъ насъ, но оставалось еще два другихъ предположенія, а именно: знаменщикъ—ст. унт.-офиц. Кисловъ—человѣкъ надежный во всѣхъ отношеніяхъ, могъ быть убитъ еще тогда, когда мы пошли въ атаку, съ ассистентомъ могла приключиться подобная же исторія и, слѣдовательно, теперь знамя могло лежать гдѣ-нибудь между оврагомъ и ж. дорогой, а его вѣрные защитники и охранители спятъ тутъ же рядомъ съ нимъ вѣчнымъ и непробуднымъ сномъ. Второе, что можно было предположить—это то, что знамя наше находится гдѣ-либо въ деревнѣ, среди нестройной толпы, и знаменщикъ не знаетъ куда ему идти и что дѣлать. И вотъ, для выясненія этихъ вопросовъ былъ посланъ подп. С., который временно командовалъ 1 ротой и только что водилъ таковую въ атаку на насыпь.

Въ теченіе часа С. носился на своемъ конѣ вокругъ Вазые, объѣхавъ деревню со всѣхъ сторонъ, проѣхалъ онъ также по всѣмъ улицамъ деревни и нигдѣ знамени не нашелъ. Какъ онъ остался живъ—положительно не понимаю. Когда онъ возвратился, то лошадь его оказалась раненой,—самъ же онъ былъ невредимъ. Какъ не вѣрить послѣ этого въ предопредѣленіе:—иной выйдетъ цѣлымъ при такихъ условіяхъ, при которыхъ спасеніе кажется невозможнымъ, а иного убиваетъ на повалъ послѣдняя, пущенная на удачу пуля.

Можно было, слѣдовательно, быть увѣреннымъ въ томъ, что знамя наше присоединилось къ прочимъ ротамъ полка и вмѣстѣ съ ними двигается постепенно на сѣверъ. День уже сильно клонился къ вечеру, и намъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ постараться выбраться изъ этой проклятой деревни и идти на сѣверъ.

Мы пошли по дну оврага, но вскорѣ онъ кончился и пришлось идти по ровному и открытому полю. Съ двухъ сторонъ насъ обстрѣливалъ непріятель и намъ пришлось пролѣзать черезъ горлышко бутылки, стѣнки которой представляли собою непріятеля. Хорошо еще то, что онъ не догадался заткнуть эту бутылку пробкой, а оставилъ для насъ узенькій проходъ, къ которому мы и подошли уже тогда, когда на землю спустилась темная ночь. Такъ какъ все время мы шли очень тонкимъ строемъ, то люди сильно растянулись, и вотъ когда уже окончательно стемнѣло, то мы снова подошли къ ж. дорогѣ, и теперь у насъ было двѣ руководящихъ нити, держась за которыя, мы не могли сбиться съ направленія: первая нить была на землѣ и представляла собою полотно ж. дороги, вторая же свѣтила намъ съ неба въ видѣ полярной звѣзды.

Пройдя на нѣкоторое разстояніе по переходѣ полотна ж. дороги и не тревожимые уже огнемъ противника, мы остановились въ совершенной темнотѣ для того, чтобы дать возможность подтянуться отставшимъ. Каждую секунду мы рисковали быть внезапно атакованными находящимся по близости непріятелемъ. Почему они насъ не атаковали—трудно понять; вѣроятно, и они были утомлены до невозможности.

Продолжая дальнѣйшій путь, мы нагнали наконецъ какіе-то обозы, парки и артиллерію. Все было перемѣшано: повозки, лошади, орудія, ящики—все это медленно ползло подъ покровомъ ночи широкой полосой. Хаосъ въ этой живой массѣ царилъ невѣроятный. Разобраться и навести здѣсь какой-нибудь порядокъ было невозможно. Между рядами повозокъ шли растроенныя вереницы пѣхотинцевъ. Какихъ частей были эти люди—неизвѣстно—вѣроятно разныхъ, и все ползло усталое, голодное и озлобленное на неудачу. Духъ разложенія проникъ въ этотъ потокъ живыхъ существъ и стоило только въ темнотѣ щелкнуть какому-нибудь одиночному выстрѣлу, какъ начиналась сейчасъ же безпорядочная пальба въ воздухъ. Не знаю, были ли при этомъ жертвы отъ своего же огня, но трудно допустить, чтобы ихъ не было. Обозные и артиллеристы начинали неистово нахлестывать своихъ коней и неслись опрометью впередъ, сами не зная куда, давя людей, ломая повозки и падая въ какую-нибудь промоину или въ оврагъ. Что бы было съ этой нестройной массой, если бы какой-нибудь непріятельскій конный

полкъ налетѣлъ и началъ бы тутъ хозяйничать. Общая гибель была бы неизбѣжна, но Богъ помиловалъ и японской кавалеріи не было по близости, а пѣхота ихъ, вѣроятно, тоже не могла уже волочить своихъ ногъ отъ усталости.

Такъ цѣлую ночь и весь слѣдующій день мы провели въ походѣ среди подобнаго хаоса и все не могли настигнуть нашего знамени, но надежда на то, что оно гдѣ-нибудь около Тѣлина, не покидала насъ.

Наконецъ, часовъ въ 11 ночи 26 февраля мы подошли къ ж.-дорожному мосту, переброшенному черезъ р. Тафан-хэ, протекающую верстахъ въ 12 южнѣе Тѣлина.

Ноги перестали уже намъ повиноваться, и мы въ изнеможеніи повалились около казармы пограничной стражи на крутомъ берегу рѣки.

Самая казарма была переполнена людьми, желающими найти себѣ здѣсь хоть какой-нибудь пріютъ и хотя немного обогрѣться. Такъ какъ здѣсь были какіе-то доктора и сестры, то командиръ нашъ пошелъ въ казарму перевязаться и, выйдя потомъ снова къ намъ, сказалъ, что будемъ ночевать здѣсь, и мы моментально всѣ заснули свинцовымъ сномъ, не обращая уже больше вниманія на безпрерывно тянувшуюся мимо насъ вереницу людей, лошадей и повозокъ, спѣшившихъ какъ можно скорѣе переправиться черезъ ж.-дорожный мостъ на ту сторону рѣки.

Рано утромъ на другой день мы также перешли черезъ мостъ и тронулись дальше въ надеждѣ наконецъ настигнуть прочія части нашего полка со знаменемъ. Не успѣли мы отойти и двухъ верстъ отъ моста, какъ къ командиру прибѣжалъ солдатъ и съ радостнымъ лицомъ доложилъ, что и полкъ находится недалеко отсюда, а при немъ и знамя. Сейчасъ же мы остановились, и впередъ были посланы люди, съ приказаніемъ разыскать полкъ и привести его сюда. Не прошло и часа, какъ полкъ подошелъ, и мы увидѣли, наконецъ, свое знамя. У всѣхъ отлегло отъ сердца.

Оказалось, что знаменщикъ едва избавился отъ бѣды: пуля пробила ему сапогъ въ подъемѣ, слегка поцарапавъ ногу. Ассистентъ же унт.-оф. Эртъ былъ смертельно раненъ въ то время, когда наши роты пошли въ атаку. Знаменщикъ остался одинъ и, благодаря подп. О., вышелъ изъ бѣды и сохранилъ полку его святыню.

Помню, несмотря на всю удрученность нашего настроенія, мы воспрянули духомъ и мысленно поблагодарили Бога за то, что Онъ сохранилъ и помиловалъ полкъ вмѣстѣ со знаменемъ.

Начали считать оставшихся людей и оказалось, что всего осталось 614 человѣкъ,—остальные легли подъ Мукденомъ, за время двухъ-недѣльнаго боя.

Тутъ же получилось извѣстіе, что прочіе полки нашей дивизіи во главѣ съ начальникомъ ея находятся въ двухъ верстахъ къ югу отъ Тафан-хэ и стоятъ тамъ на позиціи, дабы задерживать напоръ противника и тѣмъ дать возможность всѣмъ обозамъ совершить переправу чрезъ ж.-дорожный мостъ, то очевидно и намъ надлежало присоединиться къ дивизіи.

На югѣ уже грохотали орудія, изъ чего и можно было заключить, что японцы напираютъ.

Верстахъ въ двухъ къ югу отъ Тафан-хэ, мы дѣйствительно застали нашу дивизію, съ начальникомъ ея на позиціи, при чемъ начальникъ дивизіи, сидя на насыпи ж. дороги, спокойно диктовалъ какія-то приказанія начальнику штаба. Артиллерія изрѣдка стрѣляла, пѣхота стояла въ полной готовности къ бою, но непріятель, видимо, не насѣдалъ, потому что ружейнаго огня не было.

Намъ было приказано остановиться у полотна дороги за центромъ боевого порядка и, если понадобится, то поддержать одинъ изъ фланговъ.

До двухъ часовъ ночи простояли мы на этой позиціи, а потомъ было приказано отходить за рѣку и занять позицію на сѣверномъ ея берегу.

Съ утра 28 февраля и по ночь со 2 на 3 марта мы простояли на правомъ флангѣ этой позиціи—около башни кирпичнаго завода. Непріятель неоднократно пытался подходить къ намъ, но наша артиллерія всегда прогоняла его передовыя части. Временами японцы открывали изрядную канонаду по нашему расположенію, но ничего энергичнаго въ ихъ дѣйствіяхъ не проглядывало:—бросятъ десятка три-четыре горныхъ снарядовъ и затѣмъ замолчатъ;—появятся впереди какіе-то пѣхотинцы, осторожно пробирающіеся въ нашу сторону, но и они скроются, лишь только передъ ними лопнетъ наша шрапнель.

Вечеромъ 2 марта непріятель началъ проявлять довольно энергичную дѣятельность. Къ югу отъ нашего расположенія верстахъ въ 3—4 тянулся довольно высокій горный кряжъ, и вотъ отлично было видно, какъ на немъ появились какіе-то всадники, и вслѣдъ за ними почти карьеромъ влетѣла батарея, сдѣлавъ ловкій и лихой заѣздъ на гребнѣ горы. Какой-то офицеръ, очевидно батарейный командиръ, долго стоялъ и разсматривалъ въ бинокль разстилавшуюся передъ нимъ мѣстность. Наши люди были заняты въ это время устройствомъ окоповъ, и такъ какъ работы эти могли быть замѣчены со столь прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ артиллерійской позиціи, то было приказано работы сейчасъ же прекратить и людямъ спрятаться въ окопы.

Уже подъ вечеръ 2 марта началась довольно сильная артиллерійская канонада. Японцы открыли огонь по частямъ войскъ, стоящимъ правѣе насъ. Наша артиллерія начала отвѣчать имъ, но почему-то снаряды наши рвались все у подножья той возвышенности, на которой расположилась ихъ батарея. Вѣроятно подъ горой двигалась ихъ пѣхота, но намъ не было ея видно, потому что мѣшали сады безчисленныхъ деревень, которыя почти сплошь усѣяли эту мѣстность. Непріятельскіе снаряды рвались удачно, и намъ было видно, что на нашемъ правомъ флангѣ происходитъ какое-то усиленное движеніе: нѣкоторыя части отходили назадъ, а нѣкоторыя шли впередъ.

Полная неопредѣленность во всемъ этомъ заставляла насъ зорко присматриваться къ мѣсту боя и, конечно, очищеніе нашими войсками праваго фланга ставило насъ въ крайне опасное положеніе.

День клонился къ вечеру, и передъ наступленіемъ темноты бой затихъ. Мы всѣ были увѣрены, что къ утру японцы поставятъ на всѣхъ командующихъ высотахъ артиллерію и начнутъ разстрѣливать насъ съ фронта, такъ равно и съ фланговъ. Всѣ мы приготовились къ новому кровавому бою, находясь, по обыкновенію, въ полномъ невѣдѣніи относительно численности нашихъ войскъ, ихъ расположенія и той задачи, которая на нихъ была возложена. Мы не знали—гдѣ находится наша многострадальная вторая армія: задержится ли она на тѣлинскихъ позиціяхъ, или она уже отошла за Тѣлинъ, а мы оставлены здѣсь для прикрытія ея отхода. Мы знали одно, что правѣе насъ стоялъ батальонъ Семипалатинцевъ, но теперь и ихъ не было, и куда они ушли, никто изъ насъ не зналъ.

Удивительная темнота всегда окружала насъ со всѣхъ сторонъ въ теченіе всей этой кампаніи. За весь періодъ боевой дѣятельности не припомню ни одной отданной своевременно диспозиціи. Не знаю—получались ли онѣ въ полковомъ штабѣ, но до насъ—н. чиновъ—онѣ не доходили, и мы вѣчно блуждали въ потемкахъ. Кто въ этомъ виноватъ — судить не намъ, но думаю, что и штабъ нашей дивизіи очень рѣдко былъ освѣдомленъ своевременно по части обстановки, и такая же тьма окружала его.

Вотъ и теперь: — непріятель очевидно надвинулся на насъ, мы ясно видѣли его приготовленіе къ бою — къ серьезному и рѣшительному, но обстановка для насъ продолжала быть совершенно невѣдомой. И это послѣ всего пережитаго, когда нервы у людей измотались.

Винятъ войска въ тѣхъ неудачахъ, которыя постигли Россію во время этой войны;—говорятъ и пишутъ, что подготовка войскъ была слаба, что развитіе нашего солдата значительно ниже, нежели

СХЕМА ОТСТУПЛЕНІЯ ПОЛКА
25 ФЕВРАЛЯ 1905 ГОДА.

японскаго; — указываютъ при этомъ даже на такіе факты, что каждый японскій солдатъ носитъ въ своемъ ранцѣ зубочистку, имѣя полное понятіе о примѣненіи таковой къ дѣлу, тогда какъ нашъ сѣрый солдатъ имѣетъ понятіе только о зуботычинѣ... Куда же намъ противъ нихъ... Мы сѣры, они—бѣлы, мы оборванцы, они—щеголи, мы неотесанные увальни они—ловкачи и гимнасты... Все это, быть можетъ, и имѣетъ нѣкоторую подъ собою почву, но ставить приговоръ, опираясь только на эти данныя, слишкомъ жестоко и несправедливо. Мы проиграли эту войну не потому, что были хорошо знакомы съ зуботычиною и не имѣли никакого понятія о зубочисткѣ, а потому, что всюду и вездѣ намъ приказывали отступать,—безъ всякой надобности—отступать. Удивительно,—какъ до сихъ поръ ни литература, ни общественная молва какъ бы старается не замѣчать этой главнѣйшей причины нашихъ неудачъ.

Чтобы тамъ ни писали корреспонденты въ газетахъ и журналахъ, сидя на мягкихъ диванахъ роскошнаго вагона, все же я, какъ участникъ и очевидецъ всѣхъ страданій, вышавшихъ на долю нашей арміи, всѣхъ ея слезъ, разочарованій и огорченій—все же я скажу, что эта многострадальная, сѣрая и неуклюжая армія лучше той, которая одерживала надъ ней блестящія побѣды и одерживала ихъ не въ силу своихъ особенныхъ доблестей и достоинствъ, а потому что надъ нами тяготѣлъ Великій и Святой мечъ Божіей правды, который долженъ былъ нанести намъ глубокую кровавую рану, который долженъ былъ разсѣчь какой-то гнойный и отвратительный нарывъ, гдѣ-то назрѣвшій и готовый заразить своимъ гноемъ весь организмъ Россіи.

И этотъ нарывъ былъ разсѣченъ—и съ самаго начала войны все шло къ тому, чтобы врагъ могъ торжествовать свою побѣду Самый планъ войны въ основѣ своей вѣщалъ намъ про наше пораженіе—онъ говорилъ за то, что духъ арміи будетъ въ концѣ концовъ убитъ, и сила ея должна сломиться и что могучая и стойкая армія въ концѣ концовъ станетъ больною и почти неспособною къ активной дѣятельности, а послѣ Мукдена она и стала таковою.

Я не говорю уже про то, что посылка на театръ войны частей, сколоченныхъ изъ разныхъ сборныхъ командъ, не имѣющихъ никакой внутренней спайки, только ухудшила въ общемъ составъ нашихъ прекрасныхъ сибирскихъ полковъ (пусть этотъ грѣхъ лежитъ на совѣсти тѣхъ, кто этимъ дѣломъ вѣдалъ), но и самый ходъ войны — эти постоянныя и несносныя отступленія, несомнѣнно всегда деморализующія духъ арміи, должны были въ концѣ концовъ привести къ катастрофѣ. Тюренченъ—эта альфа кампаніи,—

сраженіе, которое давало намъ первое знакомство съ нашимъ противникомъ, ведется не для того, чтобы отстоять во что бы то ни стало позицію за собою, а только для того, чтобы пострѣлять и уйти.

И въ данномъ случаѣ, совершенно не считаются съ тѣмъ, что вѣдь это первое наше столкновеніе съ непріятелелемъ, и что лучше совсѣмъ не прибѣгать къ нему, чѣмъ закончить его такимъ позорнымъ для перваго почина актомъ. Ляоянъ—эта колоссальная битва двухъ народовъ,—битва, во время которой воодушевленіе русскихъ солдатъ доходитъ до того, что они ревутъ въ окопахъ громоподобное „ура“, видя, что побѣда за ними—и вотъ, какая-то часть, составленная почти сплошь изъ сорокалѣтнихъ бородачей—запасныхъ, оставившихъ на далекой родинѣ свои бѣдныя семьи, поколеблена, и эта часть рѣшаетъ участь, боя—и всѣмъ приказываютъ отступать. Вѣдь солдаты не вѣрили этому и не хотѣли отходить, они сознавали, что ихъ сила взяла, что еще маленькое усиліе,—еще полчаса стойкости, и непріятель побѣжитъ отъ насъ, какъ бѣжитъ, отъ скалы разбившаяся объ нее волна. Но имъ приказали отходить, и они ушли униженные и оплеванные и унесли въ сердцахъ своихъ сомнѣніе въ томъ, что имъ когда-нибудь разрѣшатъ побить непріятеля. А дальше Шахэ и Сандепу—все это какіе-то кошмары — запутанные и непонятные. Снова непріятель напрягаетъ свои послѣднія усилія—снова побѣда такъ близка, но намъ говорятъ: отступайте какъ можно скорѣе, незамѣтнѣе отступайте, иначе всѣхъ васъ перерѣжутъ, какъ барановъ. И мы отходимъ, еще болѣе опечаленные и поколебленные духомъ. Наконецъ этотъ двухнедѣльный Мукденскій бой безпримѣрный въ исторіи. Здѣсь насъ начинаютъ пугать какимъ-то Седаномъ, который, какъ кошмаръ, давитъ „мозгъ“ нашей арміи. Но при этомъ не хотятъ понять почему-то,—что въ этомъ самомъ „Мукденскомъ Седанѣ“ и заключалась бы неминуемая гибель нашего противника. Забываютъ про то, что въ Мукденѣ огромные запасы, про то, что съ сѣвера уже надвигается 40.000-я масса свѣжихъ штыковъ,—про то, что, будучи окружены со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и имѣя въ Мукденѣ огромные резервы, мы могли бы легко въ любомъ мѣстѣ прорвать сравнительно слабое и уже сильно надломленное предыдущими боями непріятельское кольцо, — могли расчленить его и разбить по частямъ, поддержанные 40.000-й массой свѣжихъ штыковъ съ сѣвера.

И это, выгодное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе почему-то становится непонятнымъ для насъ и его замѣняютъ другимъ, невозможнымъ къ выполненію, и рѣшаются сжечь все въ Мукденѣ, бросить

тамъ лазареты, 20.000 пьяницъ и приказать арміи, паркамъ и обозамъ спѣшно отходить, держа направленіе на полярную звѣзду (по-просту удирать), и еще разсчитываютъ, что эта армія „авось", какъ-нибудь выпутается изъ трудныхъ обстоятельствъ. И она уходитъ подъ разстрѣломъ, лезетъ черезъ „горло бутылки" нестройная, полубезумная, исполненная грусти и отчаянія и неспособная уже къ бою, а за нею летятъ комки грязи, брошенные ей въ слѣдъ рукою общественнаго мнѣнія, воспитаннаго хлесткимъ перомъ газетнаго репортера.

И этой арміи—этимъ мученикамъ, вынесшимъ на своихъ плечахъ тяжесть чужихъ грѣховъ, кричатъ, что она не на высотѣ своего положенія, что она дика и некультурна,—что она, только она несчастная виновата въ томъ позорѣ, который по справедливому гнѣву Божію суждено было пережить Россіи; кричатъ: долой эту поганую армію—не нужно намъ этихъ дармоѣдовъ—дайте намъ милицію вмѣсто этихъ сѣрыхъ солдатъ, а вмѣсто невѣжественныхъ офицеровъ мы поставимъ въ ряды этой милиціи людей съ университетскимъ образованіемъ, людей, которые отлично понимаютъ—что такое значитъ слово свобода во всѣхъ его значеніяхъ—и тогда,—о тогда свѣтъ узнаетъ про нашу силу и мощь. И это кричатъ люди, которые не были очевидцами всего того, что здѣсь было, которые не жили одною жизнью съ нашимъ сѣрымъ и некультурнымъ солдатомъ, которые не видѣли, какъ онъ несчастный по ночамъ на 25° морозѣ мерзъ въ своемъ окопѣ, сжимая въ рукахъ заиндивѣвшую винтовку, не видѣли, какъ стойко онъ дрался, отбивая всѣ атаки противника, какъ онъ умиралъ: такъ скромно, безропотно, покорный судьбѣ и вѣруя свято своей некультурной душой, что Богъ его проститъ и не оставитъ за гробомъ, потому что онъ честно сдѣлалъ свое солдатское дѣло; не видѣли эти люди—эти крикуны—какъ нашъ солдатъ гуманенъ по отношенію поверженнаго врага, какъ онъ дѣлился съ этимъ врагомъ своимъ послѣднимъ сухаремъ, послѣднимъ кускомъ сахара, какъ онъ несъ на рукахъ раненаго врага, прижимая его къ сердцу, какъ мать прижимаетъ больного ребенка. Если бы хоть кто-нибудь изъ г.г. корреспондентовъ пожаловалъ бы въ наши окопы подъ Чжаньтанемъ, или побывалъ бы въ заваленномъ трупами редутѣ № 8 подъ Янситунемъ, то навѣрно у его оказался бы безконечно большой запасъ наблюденій, которыми можно было бы подѣлиться съ публикой, но почему-то никто изъ корреспондентовъ не былъ ни разу у насъ—на боевыхъ позиціяхъ праваго фланга, да еще въ то время, когда солнце меркло отъ дыма и пыли разрывающихся снарядовъ. Конечно удобнѣе было любоваться на все это въ прекрасный бинокль и потомъ описывать

свои впечатлѣнія о томъ, какъ красиво заходило солнце,—какъ граціозно проектировались на глубокомъ небѣ дымки рвущихся шрапнелей, или же вскользь упоминать о томъ, что вамъ удалось побывать даже и въ окопахъ, гдѣ и зайти въ землянку къ знакомому офицеру и какъ этотъ офицеръ обрадовался вашему посѣщенію и накормилъ васъ яичницей и напоилъ коньякомъ. (Очевидно, эти умилительныя картинки могли происходить только во время затишья, потому что какая же, въ самомъ дѣлѣ, мыслима яичница въ пылу боя). И вотъ дальше этой „яичницы“ и ей подобныхъ „богохуленій“.—вы не шли въ своихъ замѣткахъ съ „театра военныхъ дѣйствій“ и съумѣли воспитать нашу въ достаточной степени довѣрчивую публику только на этой „яичницѣ“, а она (публика) на всю войну смотритъ теперь безъ надлежащаго проникновенія въ неизмѣримыя глубины этого величайшаго событія, продиктованнаго на страницахъ исторіи Божественнымъ Промысломъ.

И все же, какія бы хуленія и пасквили ни возводились бы на нашу сѣрую и нещеголеватую армію, я скажу, что она въ нравственномъ отношеніи и культурнѣе и гуманнѣе, нежели армія нашего противника.

Словъ нѣтъ: не всякій изъ нашихъ солдатъ могъ начертить обстоятельное кроки, или написать толковое донесеніе, но за то нашъ солдатъ не занимался писаніемъ подметныхъ обольстительныхъ писемъ, какъ это дѣлали японскіе солдаты; за то нашъ солдатъ проявлялъ несравненно больше гуманности по отношенію поверженнаго врага, нежели японецъ, а степень гуманности несомнѣнно есть указатель степени нравственной культуры.

Послушайте разсказы плѣнныхъ, и вы увидите, что тѣ люди, о культурѣ которыхъ судятъ по „зубочисткамъ“, совсѣмъ не культурны, что это—азіаты злые и коварные, вѣчно плѣняющіе васъ своею заискивающею улыбкою и способные также ласково и привѣтливо улыбаться въ то время, когда они будутъ драть съ васъ кожу.

Умственное развитіе японскихъ офицеровъ, по отзывамъ людей, близко соприкасавшихся съ ними, находится только лишь на посредственномъ уровнѣ и въ вопросахъ обще-научныхъ они слѣпы и скучны. А сколько у насъ среди офицеровъ вы встрѣтите живыхъ, интересныхъ и скромныхъ собесѣдниковъ, надо знать нашего офицера и не писать про него изъ номера харбинской гостиницы, въ которой можно было встрѣтить немало отрицательнаго элемента изъ рядовъ арміи.

Мы проиграли войну не потому, что нашъ солдатъ и офицеръ сѣръ, грязенъ, пьянъ и развратенъ (какая это ложь!), а потому,

что надъ нашими желѣзными легіонами не виталъ суворовскій и скобелевскій геній; не зажигалъ этотъ безсмертный геній простого солдатскаго сердца священнымъ огнемъ воинскаго порыва и отваги и наоборотъ:—въ то время, когда сердце само рвалось изъ груди—само просилось на подвигъ, то другой „геній“ приказывалъ ему умѣрить стремленіе, потому что его порыву не будетъ дано орлинаго полета и что изъ мощнаго орла ему приказано превратиться въ вѣчно пятящагося назадъ, пресмыкающагося и трусливаго рака.

И это дѣлалось во имя какихъ-то стратегическихъ принциповъ истолкованныхъ неправильно,—дѣлалось во имя боязни какихъ-то „Седановъ“ и тому подобныхъ катастрофъ и дѣлалось безъ особыхъ размышленій надъ вопросомъ о духѣ арміи, который всѣми силами, всѣмъ напряженіемъ генія нужно поддерживать и развивать, а не убивать.

Вотъ причина нашихъ неудачъ.

Плачь же, бѣдная страна, и кайся, кайся передъ Богомъ, потому что Онъ повелѣлъ отлетѣть отъ твоихъ сыновъ, посланныхъ тобою на поля Маньчжуріи, безсмертному генію войны, всегда витавшему надъ твоими легіонами, когда они становились грудью на защиту чести твоей.

Въ два часа ночи со 2-го на 3-е марта мы, получивъ приказаніе, начали отходить къ Тѣлину для того, чтобы бросить этотъ городъ,—бросить укрѣпленія, близъ него возведенныя, и отдать все это безъ боя противнику, вмѣстѣ съ нѣкоторыми запасами, которые не успѣли вывезти. Отходили мы унылые и подавленные, съ сознаніемъ, что теперь все уже потеряно, и что нѣтъ намъ возврата къ лучшему будущему. На всѣхъ окружающихъ Тѣлинь горахъ горѣли огромные костры, и мы не знали кто зажегъ ихъ—наши ли войска или японцы. По обыкновенію полный мракъ и полное невѣдѣніе окружало насъ со всѣхъ сторонъ и временами начинало казаться, что про насъ совсѣмъ забыли, бросивъ насъ однихъ на произволъ судьбы въ самомъ хвостѣ уже ушедшей раздавленной и потерянной арміи. Я шелъ позади командира полка, который усталый и измученный, держа руку на перевязи, старался бодро шагать впереди своего полка. Ночь была темная и дорога чуть была видна. Тяжелая винтовка и безобразный мѣшокъ давилъ на плечи и усталыя ноги совершенно машинально плелись по дорогѣ, спотыкаясь безпрестанно на ея неровностяхъ.

И вдругъ все преобразилось предъ моими глазами: мракъ сразу изчезъ, и я увидѣлъ, что все пространство до самыхъ горъ какъ-то

вдругъ загорѣлось какимъ-то страннымъ свѣтомъ. Я съ ужасомъ увидѣлъ, что все это освѣтившееся пространство наполнено какими-то живыми существами, которыя витаютъ въ немъ по всѣмъ направленіямъ, скользя и между рядами идущей тутъ же пѣхоты и между лошадьми и орудіями громыхающей въ сторонѣ отъ насъ артиллеріи. Я услышалъ вдругъ громовой - сатанинскій хохотъ, потрясшій собою весь горизонтъ и издаваемый этими безчисленными и злыми фантомами, наполняющими собою все пространство отъ одного края неба до другого. Этотъ адскій хохотъ потрясалъ собою, кажется, землю—на столько онъ былъ громокъ и ужасенъ, но люди шли и не слышали его.

Ужасъ напалъ на меня, и я, какъ снопъ, повалился на дорогу, ударивъ, кажется, свалившейся винтовкой идущаго рядомъ товарища.

Очнулся я въ госпиталѣ и вскорѣ, оправившись, вернулся снова въ полкъ тогда, когда онъ стоялъ уже къ югу отъ Сипингая и каждый день ждалъ нападенія японцевъ.

Тяжелое было время, какъ это и бываетъ на войнѣ, но въ настоящую войну тяжесть эта была особенно ощутительна, потому что никто не видалъ проблеска въ будущемъ.

Почемъ знать, быть можетъ намъ суждено пережить еще болѣе трудное время, когда всѣ эти бои, эти груды труповъ и лужи крови покажутся игрушками и когда надъ нами будетъ раздаваться еще болѣе грозный сатанинскій хохотъ, которымъ засмѣются всѣ невидимыя намъ силы, старающіяся совратить насъ на путь зла и выражающія свою радость по случаю достигнутаго ими успѣха этимъ всепотрясающимъ, отвратительнымъ хохотомъ.

Н—чъ.

Изъ давняго прошлаго въ Ясной Полянѣ.

Подъ живыми впечатлѣніями отъ совершившихся въ Астаповѣ и Ясной Полянѣ весьма скорбныхъ событій каждому невольно приходитъ на мысль Левъ Николаевичъ. Каждому хочется найти въ своей памяти что-либо относящееся къ этому великому поборнику высокихъ идеаловъ любви, добра и правды, человѣку, своимъ личнымъ исканіемъ религіозной истины заставившему призадуматься надъ ней весь міръ.

Такъ и мнѣ, читатель, живо нарисовалась въ памяти картина моего перваго личнаго свиданія съ Львомъ Николаевичемъ, живо припомнились разсказы о немъ близкихъ къ нему людей.

Въ іюлѣ 1880 года мнѣ пришлось быть въ селѣ Кочекахъ у родственника, бывшаго въ то время священникомъ этого села и законоучителемъ дѣтей графа Льва Николаевича, Василія Ивановича Карницкаго. Въ это время въ домѣ Льва Николаевича предполагался домашній спектакль. На этотъ спектакль былъ приглашенъ съ семействомъ и о. Василій. Съ семействомъ о. Василія поѣхалъ на спектакль и я. Живо помнится мнѣ, что, когда мы подъѣхали къ дому графа, было около 8 часовъ вечера. Подъ раскидистой липой, предъ входомъ въ домъ, было много гостей и среди нихъ Левъ Николаевичъ. Всѣ играли въ крокетъ. Левъ Николаевичъ, увидѣвъ насъ, подошелъ къ повозкѣ, повидался съ о. Василіемъ, его семействомъ, и затѣмъ о. Василій представилъ графу и меня, какъ брата, уже извѣстныхъ ему, моихъ двухъ старшихъ братьевъ. Левъ Николаевичъ, обмѣнявшись со мною нѣсколькими словами, пригласилъ меня въ столовую, гдѣ намъ предложенъ былъ чай. Своею привѣтливостью, простотой въ обращеніи, искренностью и задушев-

ностью своей рѣчи графъ очаровалъ меня. Я очень былъ радъ видѣть его и любоваться его могучимъ видомъ!..

Напившись чаю, я перешелъ въ театральный залъ, гдѣ я впервые увидѣлъ все его семейство, усердно работавшее по приготовленіямъ къ спектаклю. Спектакль прошелъ очень оживленно. Въ немъ принимали участіе Левъ Львовичъ, Сергѣй Львовичъ, Татьяна Львовна, какой-то молодой и очень красивый князь, кажется, исполнялъ роль Курчагина, и др.

Въ числѣ зрителей было два видныхъ въ то время писателя. Послѣ спектакля, окончившагося около 12 часовъ, мы уѣхали домой.

Утромъ, за чаемъ, мы начали дѣлиться впечатлѣніями отъ спектакля. О. Василій при этомъ очень много говорилъ мнѣ о Львѣ Николаевичѣ. Много разсказывалось мнѣ объ образѣ жизни Льва Николаевича, о его любви бесѣдовать съ крестьянами и помогать имъ. Для оказанія помощи крестьянамъ онъ, обыкновенно, каждую субботу выѣзжалъ верхомъ на осликѣ въ село и раздавалъ нуждающимся по три рубля на семью. Кромѣ того, по разсказамъ о. Василія, Левъ Николаевичъ любилъ посѣщать и его церковь, но эта любовь его продолжалась не долго. Въ описываемый періодъ времени, по свидѣтельству о. Василія, у графа происходилъ внутренній переломъ. Графъ чего-то искалъ, чего-то ему не доставало. Въ это время графъ путешествуетъ съ своимъ лакеемъ въ одеждахъ простыхъ крестьянъ и лаптяхъ въ Оптину Пустынь къ извѣстному въ то время старцу, Амвросію. Объ этомъ путешествіи самъ графъ разсказывалъ о. Василію въ такомъ видѣ. „Когда пришелъ я, говорилъ графъ, въ эту пустынь и попросилъ себѣ для отдыха отдѣльную комнату, то мнѣ сказали: „ишь захотѣлъ, сиволапый, отдѣльной комнаты, иди, вонъ тамъ въ подвалѣ для васъ мѣсто“; не менѣе грубый отвѣтъ мнѣ былъ, когда я попросилъ самоварчика. Къ о. Амвросію меня не допустили. Такъ было бы и дальше, если бы, случайно, не обнаружили моего инкогнито. А это такъ случилось. Въ Оптинѣ получилось письмо на мое имя. Начали меня искать среди богомольцевъ и скоро узнали меня по перстню на рукѣ, который я забылъ снять. Когда же я былъ узнанъ, отношенія ко мнѣ измѣнились; самъ Амвросій пригласилъ меня къ себѣ. „Въ заключеніи своего разсказа о посѣщеніи Оптиной Пустыни Левъ Николаевичъ характерно высказалъ, что и „тамъ различаютъ лапти съ сапогами“ и что „о. Амвросій хорошій старикъ, но священное писаніе плохо знаетъ“.

Н. П. С.

Монголо-Сычуаньская экспедиція Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ начальствомъ подполковника П. К. Козлова, 1907—1909 г.г. [1]).

Получивъ предложеніе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества „дальнѣйшее стремленіе на югъ замѣнить новыми дополнительными работами въ древнемъ городѣ Хара-хото“, мы приступили къ выполненію вновь намѣченной программы. Съ двадцатыхъ чиселъ декабря 1908 г., пошли энергичные сборы, а послѣ встрѣчи новаго, 1909, года 6-го января, я уже отправился въ Амдо, съ разсчетомъ—весной возвратиться въ Алашань и до наступленія высокихъ жаровъ прибыть въ Хара-хото.

Несмотря на самый холодный зимній мѣсяцъ, январь, въ который экспедиція двинулась въ дорогу, вначалѣ мы не ощущали изнурительныхъ холодовъ, въ особенности тамъ, гдѣ маршрутъ экспедиціи пролегалъ въ непосредственной близости глубокой, теплой долины Хуанъ-хэ, но по мѣрѣ проникновенія въ область горъ, зима давала себя чувствовать во всей полнотѣ. Недоставало лишь снѣгового покрова, да и то только въ долинахъ, гдѣ кромѣ того травянистыя, отливавшія желтизной, степи пестрѣли многочисленными стадами скота. Черные шатры туземнаго населенія также оригинально выдѣлялись на скатахъ безснѣжныхъ холмовъ, сбѣгавшихъ на дно ручьевъ или рѣчекъ, ледяная поверхность которыхъ серебристо блестѣла на яркомъ здѣшнемъ солнцѣ.

Общая характеристика амдоскаго нагорья можетъ быть приравъ-

[1]) См. „Русскую Старину“ іюнь 1911.

нена къ характеристикѣ наиболѣе мягкихъ частей Тибета, расположенныхъ на востокѣ или югѣ этой обширной страны, гдѣ абсолютная высота мѣстности отъ 16-ти тысячъ футовъ спускается до 12-ти или даже 11-ти тысячъ (футовъ).

Амдо привольно раскинулось къ югу отъ альпійскаго бассейна Куку-нора, расплываясь болѣе или менѣе высокими волнами горъ, грядъ, холмовъ къ востоку и западу отъ Хуанъ-хэ, ея верхняго нагорнаго теченія. Главныя цѣпи горъ оріентированы въ широтномъ направленіи съ неодинаковымъ уклономъ къ сѣверу и югу. Снѣговая линія абсолютно поднята выше 15.000 футовъ. Какъ и въ Тибетѣ,—въ верховьѣ долинъ залегаютъ характерные луга твердой тибетской осоки, по которой пасутся стройныя горныя антилопы-ада и во множествѣ держатся большіе тибетскіе жаворонки, въ ясные проблески дня оживляющіе мелодичнымъ пѣніемъ монотонность страны. Горы вообще богаты тибетскими формами растеній, начиная съ низкорослыхъ кустарниковъ до альпійскихъ луговъ включительно; животная жизнь также однообразна съ тибетской. Здѣсь только путешественникъ не встрѣчаетъ дикихъ яковъ и антилопъ-оронго, вытѣсненныхъ обиліемъ кочевниковъ.

Видѣнные нами амдосцы по наружности ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ описанныхъ нами на страницахъ моей книги „Монголія и Камъ“ восточныхъ тибетцевъ. Они имѣютъ тотъ же средній ростъ, рѣже большой, то же плотное коренастое сложеніе, тѣ же большіе черные глаза, тотъ же неприплюснутый, иногда даже орлинный, носъ и тѣ же среднія уши.

Пища, одежда и жилище у кочевыхъ амдосцевъ одинаковы съ таковыми восточныхъ тибетцевъ. Нравы и обычаи также очень близки; разница можетъ быть наблюдаема лишь при детальныхъ изученіяхъ тѣхъ и другихъ обитателей. И у амдосцевъ мужской элементъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ норовитъ составить компанію для праздныхъ разговоровъ. Въ лучшемъ случаѣ амдосцы ѣдутъ на охоту или на грабежъ. Домашнія же работы, какъ-то: уходъ за скотомъ, сборъ топлива, водоношеніе и многое другое, короче—все, ложатся на женщину. Въ то время какъ женщина въ теченіе дня трудится, что называется, не покладая рукъ, мужчина скучаетъ отъ бездѣйствія и идетъ къ ней на помощь только тогда, когда женщина физически не въ состояніи съ чѣмъ-либо справиться. Верхомъ на лошади амдоска такъ же ловка, какъ и амдосецъ; поймать изъ табуна любую лошадь, ухватиться рукой за гриву и, быстро вспрыгнувъ на спину неосѣдланнаго животнаго, лихо нестись въ желаемомъ направленіи—въ привычкѣ каждой молодой амдоски.

Какъ женщины гордятся своими бусами и серебромъ, такъ одинаково, если не больше, гордятся мужчины своими воинскими доспѣхами, въ особенности ружьемъ и саблей, на украшеніе которыхъ серебромъ и цвѣтными камнями тратится не мало денегъ. Боевымъ видомъ, молодечествомъ, удалью въ Амдо, какъ и вообще въ Центральной Азіи, главнымъ образомъ и оцѣниваются достоинства людей, способныхъ быть начальниками. Рѣзвые кони, съ хорошимъ звонкимъ убранствомъ, уже издали привлекаютъ вниманіе придорожнаго населенія или каравана. Пестрый,—темнокрасный, синій, желтый,—нарядъ очень краситъ гордыхъ амдосцевъ, амдоскихъ чиновниковъ, передъ которыми мѣстные простолюдины смиренно и низко склоняютъ головы.

Въ послѣднее время нельзя не отмѣтить особеннаго, рѣзко бросающагося въ глаза стремленія амдосцевъ къ пріобрѣтенію европейскаго оружія. Тѣ обитатели Амдо, которыхъ мы встрѣчали или въ дорогѣ, или у себя на бивуакѣ, часто бывали вооружены именно магазинными винтовками, содержащимися въ образцовомъ порядкѣ, съ придѣланными къ нимъ сошками для болѣе мѣткой стрѣльбы въ долинахъ по звѣрямъ, какъ это всегда устраиваютъ центральноазіатцы у своихъ примитивныхъ фитильныхъ самопаловъ. Амдосцы съ гордостью показывали намъ ихъ магазинки, въ свою очередь прося насъ показать имъ русскую винтовку. Разборку и сборку европейскихъ ружей амдосцы усвоили прекрасно, и всякаго рода манипуляціи съ ними они продѣлываютъ съ замѣчательной ловкостью и умѣньемъ. Сидя дома, отъ скуки, амдосецъ снимаетъ со стѣны ружье, холитъ, нѣжитъ и ласкаетъ его, словно мать свое любимое дѣтище. Патроны или заряды туземцы берегутъ съ замѣчательною выдержанностью. Легко представить себѣ, съ какою завистью амдосцы посматривали на нашъ караванъ, на наши вьюки, на наше однообразное вооруженіе. Я положительно убѣжденъ, что ни что другое не соблазнило, не толкнуло амдосцевъ рѣшительно броситься на насъ, какъ только наши винтовки, прелесть и превосходное качество которыхъ они уже успѣли оцѣнить по своимъ ружьямъ европейскихъ образцовъ. Недаромъ же китайцы такъ сильно протестовали противъ моего намѣренія двинуться въ Амдо,—имъ хорошо была извѣстна страсть этихъ обитателей убивать и грабить,—и согласились только въ томъ случаѣ, когда я выдалъ имъ новую подписку, что могущія встрѣтиться въ Амдо непріятности и бѣды я беру на свою отвѣтственность.

Въ наиболѣе красивыхъ, привѣтливыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уютныхъ уголкахъ Амдо устроены кумирни или монастыри, а при этихъ послѣднихъ нерѣдко и управленія начальниковъ и дома ихъ

приближенныхъ. При монастыряхъ же очень часто имѣютъ квартиры и торговцы—китайцы, которые, впрочемъ, при большихъ такихъ центрахъ группируются въ отдѣльныя колоніи.

Главнѣйшіе монастыри въ Амдо—Гумбумъ и Лавранъ, насчитывающіе въ своихъ обширныхъ храмахъ и многочисленныхъ постройкахъ тысячи ламъ, исповѣдующихъ главнымъ образомъ ученіе Цзонъ-хавы или такъ называемаго желтаго толка. Съ первымъ изъ этихъ монастырей я уже познакомилъ читателей, съ другимъ познакомлю ниже.

Послужившій для отдыха и дальнѣйшаго снаряженія экспедиціи оазисъ Гуй-дуй расположенъ на правомъ берегу Хуанъ-хэ, въ просторной теплой долинѣ. Гуй-дуй представляетъ собою частью городское населеніе—чиновниковъ, купцовъ, ремесленниковъ, ютящихся внутри или внѣ, но подлѣ городскихъ глинобитныхъ стѣнъ, огораживающихъ весьма небольшой участокъ, прижатый къ Хуанъ-хэ, частью—поселянъ земледѣльцевъ, широко расплывшихся своими фермами по сторонамъ отъ стѣнъ, въ особенности вверхъ и внизъ по теченію Желтой рѣки. Кромѣ земледѣлія Гуй-дуй славится разведеніемъ хорошихъ садовъ. Гуй-дуйскія груши находятъ большой сбытъ на синиискомъ и гумбумскомъ сосѣднихъ рынкахъ.

По отношенію къ прилежащему нагорью, къ многочисленнымъ богатымъ кочевникамъ-скотоводамъ, Гуй-дуй играетъ видную роль, какъ мѣновой рынокъ. Сюда номады везутъ сырьё, пригоняютъ скотъ, получая взамѣнъ хлѣбъ или сухую муку: „дзамбай“, кирпичный чай, предметы домашняго обихода и своеобразной роскоши. Ловкіе торговцы-китайцы выгодно торгуютъ мѣстной водкой, къ которой кочевники такъ падки. Въ базарные дни улицы Гуй-дуй'я полны номадами, ихъ пестрыми оригинальными нарядами; картины самаго занимательнаго характера представляются на каждомъ шагу. Какъ и въ Донгэрѣ, въ Гуй-дуй'ѣ кочевники чувствуютъ себя будто дома; и здѣсь они горды, надменны, смѣлы и своимъ воинственнымъ видомъ внушаютъ китайцамъ страхъ и уваженіе.

Представителями китайской администраціи въ Гуй-дуй'ѣ являются двое небольшихъ чиновниковъ: гражданскій и военный. Съ тѣмъ и другимъ, съ первой встрѣчи, у насъ установились хорошія отношенія. По временамъ мы навѣщали другъ друга или совершали совмѣстныя прогулки въ окрестности. Въ тихомъ, симпатичномъ Гуй-дуй'ѣ наша жизнь текла мирно, однообразно. Сосѣди поселяне къ намъ скоро привыкли и стали заглядывать въ занимаемую нами кумирню ежедневно; одни—съ цѣлью послушать нашъ граммофонъ, другіе—полѣчиться отъ болѣзни глазъ, желудка или ревматизма.

Запасы нашей аптеки, здѣсь, значительно поубавились. Благодарные пацієнты иногда приносили въ даръ фрукты и хлѣбы...

Погода въ теченіе трехмѣсячнаго пребыванія экспедиціи въ Гуй-дуй'ѣ, въ общемъ, стояла довольно хорошая, въ особенности въ осенніе мѣсяца—октябрь и ноябрь, когда преобладали тихіе солнечные дни. Въ первой половинѣ октября еще не чувствовалось осени, такъ какъ солнце пригрѣвало по-лѣтнему и на многихъ деревьяхъ еще прочно держалась листва, но въ концѣ отмѣченнаго мѣсяца и въ началѣ ноября воздухъ значительно посвѣжѣлъ, деревья обнажились и вершины сосѣднихъ горъ стали покрываться снѣгомъ. Въ декабрѣ преобладала облачность и восточные или сѣверные вѣтры, приносившіе стужу, а также и сухой, тонкій снѣгъ, не надолго прикрывавшій собою долину. Тонкая, лёссовая пыль опускалась на землю, даль открывалась. Въ прозрачной синевѣ неба носились крылатые хищники...

Приспособивъ для жилья кумиренное зданіе, мы въ немъ удобно размѣстились и за постояннымъ дѣломъ не замѣчали, какъ бѣжало время. Мои сотрудники совершали частыя экскурсіи въ горы или въ долину, мнѣ же лично, въ ноябрѣ, удалось съѣздить въ монастырь Чойбзэнъ-хитъ, лежащій къ сѣверу отъ Синина, и пробыть въ немъ достаточное время для ознакомленія и изученія его интересныхъ храмовъ и главнаго чойбзэнскаго перерожденца. Послѣдній, мой старый знакомый, еще со времени экспедиціи Н. М. Пржевальскаго, принялъ меня радушно и позволилъ, между прочимъ, снять съ себя цѣлую серію фотографій...

Чойбзэнскій гэгэнъ съ гордостью показалъ мнѣ подарокъ Географическаго Общества, содержащійся въ образцовомъ видѣ; а когда мы съ нимъ обходили его уютный домъ-молельню и въ одной изъ лучшихъ комнатъ, рядомъ съ бурханами, я увидѣлъ большую олеографію „Коронація императора Николая II-го“, и по этому поводу глубокомысленно взглянулъ на святителя, то онъ благоговѣйно устремилъ глаза вверхъ, приложивъ правую руку къ груди...

...Распрощавшись съ гуй-дуйцами, прекрасно относившимися къ экспедиціи, мы утромъ означеннаго дня направились въ интересный путь. Небо было прекраснаго темно-синяго цвѣта; солнце пригрѣвало ощутительно; дорога, сухая, пыльная, представляла своего рода удобства и неудобства, и нашъ караванъ, состоявшій изъ двѣнадцати вьючныхъ и столькихъ же верховыхъ лошадей или муловъ, ходко шагалъ сначала по знакомому оазису, а затѣмъ по южному ущелью рѣчки Ранэнъ-жацонъ, которая привела насъ на горячіе ключи Чи-чю.

Здѣсь была наша первая ночевка. Между монастыремъ и горячими цѣлебными ключами мы разбили лагерь. Наши бѣлые шатры красиво отливали на золотистомъ фонѣ дэрэсуна (Zasiagrostis splendens), достигавшаго роста человѣка. Это привѣтливое мѣстечко уже было мнѣ знакомо по моей декабрьской экскурсіи къ источникамъ, maximal'ная температура которыхъ опредѣлилась 85,2° С. Теперь здѣсь никого не было, но въ первое мое посѣщеніе я встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ н'голоковъ, пріѣзжающихъ сюда для лѣченія съ извилины Желтой рѣки. Тогда же пользовались ваннами и примитивно устроенными приспособленіями къ нимъ и ламы ближайшихъ монастырей. Ущелье, гдѣ выбѣгаютъ источники, обставлено высокими холмами, обнажающими у подножій болѣе или менѣе крупные валуны, въ среднемъ же поясѣ—красный песчаникъ, пестрѣвшій широкими полосами.

Ночь спустилась на землю очень скоро. Прозрачное небо заискрилось массой яркихъ звѣздъ, изъ которыхъ эффектно выдѣлялся красавецъ Сатурнъ, которымъ мы нерѣдко любовались въ трубу въ Гуй-дуй'ѣ, во время астрономическихъ наблюденій. Сосѣдній монастырь, казалось, уже погрузился въ дремоту, но нашъ лагерь былъ долго оживленъ голосами русскихъ, китайцевъ и тангутовъ. Яркій костеръ привлекалъ компанію побесѣдовать о впереди лежавшей мѣстности.

Съ зарей слѣдующаго дня, 7-го января, караванъ снялся и пошелъ въ прежнемъ, южномъ направленіи съ цѣлью выбраться изъ глубокой вырѣзки общей долины Хуанъ-хэ на прилежащее плато. Такъ какъ верховья рѣчекъ и ручьевъ образовали много ледяныхъ каскадовъ, то мы принуждены были цѣпляться по страшной крутизнѣ глинистыхъ или лессовыхъ обрывовъ, прежде нежели поднялись на нагорье, гдѣ вздохнули свободнѣе, и гдѣ караванъ вновь пошелъ надлежащимъ ходомъ.

Къ востоку отъ нашего пути выростали горы, къ западу открывалась долина Желтой рѣки, порою съуживающаяся настолько, что представлялась гигантской темной змѣей. На смѣну осѣдлаго населенія появилось кочевое. Вершины новыхъ грядъ или холмовъ открывали и новые виды, новыя долины, густо заполненныя кочевниками и ихъ стадами. Мы стали держаться юго-западнаго направленія, пристраиваясь на ночлегъ въ сосѣдствѣ тангутскихъ стойбищъ. Во время передвиженія каравана насъ сопровождали цѣлыя кавалькады всадниковъ, подгонявшихъ новыхъ вьючныхъ животныхъ,—яковъ или быковъ,—которыми мы вскорѣ замѣнили усталыхъ лошадей и муловъ.

Первая дневка предполагалась въ тангутскомъ княжествѣ Луцца,

котораго мы на пятый день своего пути отъ Гуй-дуй'я благополучно и достигли.

Ставка луцдасскаго управителя располагалась въ превосходной пастбищной долинѣ, поперекъ которой экспедиція шла цѣлый день, держа направленіе на извѣстную группу черныхъ палатокъ, или банаговъ. Подъѣзжая къ ставкѣ, я былъ встрѣченъ сначала сыномъ князя, молодымъ, красивымъ амдосцемъ, и княжеской дворней, а затѣмъ и самимъ старикомъ „Лу-хомбо", какъ его называютъ окрестные обитатели, производившимъ впечатлѣніе крѣпкаго, закаленнаго въ бояхъ, воина. Князь пригласилъ меня къ себѣ въ обширную палатку, гдѣ уже было готово обычное угощеніе: чай и свѣжее, только что испеченное изъ самой простой муки, печенье. Князь сѣлъ противъ меня, прося не стѣсняться, а ѣсть и пить какъ слѣдуетъ. Кирпичный чай, приправленный солью, молокомъ и масломъ, вначалѣ кажется противнымъ, но я уже достаточно привыкъ къ азіатскому напитку и съ аппетитомъ поглощалъ чашку за чашкой; сынъ Лу-хомбо то и дѣло подливалъ мнѣ чая и подкладывалъ новыя печенья, поджаренныя на бараньемъ салѣ.

Принявъ угощеніе, я пожелалъ выбратъ мѣсто для лагеря экспедиціи; старикъ и молодой князь оба направились со мною и помогли разрѣшить этотъ вопросъ. Мы остановились на открытой площадкѣ, залегавшей саженяхъ въ ста отъ княжеской ставки. Тѣмъ временемъ подошелъ и караванъ, который лишь только былъ развьюченъ, какъ оба князя попросили у меня отпустить всѣхъ моихъ спутниковъ на чай, послѣ дороги. Все, казалось, идетъ самымъ лучшимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что при экспедиціи слѣдовалъ оффиціальный китайскій переводчикъ изъ сининскаго управленія, снабженный всякаго рода бумагами для оказанія намъ содѣйствія со стороны амдосцевъ.

Угостивъ нашихъ молодцевъ, князья и ихъ свита направились въ нашъ лагерь и положительно его осадили. Князья были приглашены въ офицерскую палатку; оба они оказались большими любителями выпить и безъ всякаго стѣсненія спросили у меня русской водки, поднимая вверхъ, въ знакъ одобренія, оба большихъ пальца.

Мнѣ хотѣлось получше угостить перваго важнаго амдосца и мы поставили передъ княземъ Луцца бутылку коньяку. Къ сожалѣнію, коньякъ былъ выпитъ очень быстро, легко, и не удостоился похвалы, наоборотъ скорѣе заслужилъ насмѣшку. Жалко было уничтоженной бутылки такого дорогого напитка, который мы привезли изъ далекаго Петербурга и который берегли какъ драгоцѣнное лекарство. Подумавъ немного, я предложилъ дикарямъ-

гостямъ самаго крѣпкаго спирта, хранящагося въ запасахъ экспедиціи для коллектированія рыбъ, змѣй, ящерицъ и проч. Князья одобрили его, и старикъ немного подвыпилъ. На счастье, во-время пришла старушка-княгиня, маленькая тщедушная женщина, и увела захмѣлѣвшаго старика, по дорогѣ проронившаго: „завтра будемъ говорить о дѣлахъ, о вашемъ дальнѣйшемъ пути, а сегодня я жду подарковъ“. Подарки дѣйствительно частью уже князь получилъ, частью были направлены вслѣдъ за нимъ.

Два дня шли безплодные переговоры, не приведшіе ни къ какому положительному результату. Для князей всего предлагаемаго нами, — и новыхъ подарковъ, и самой высокой платы за животныхъ и проводниковъ, — было недостаточно; они стояли на своемъ: „подарите вашу русскую винтовку и ящикъ патроновъ, тогда мы выпустимъ васъ изъ своихъ владѣній“. Когда и на эту комбинацію, скрѣпя сердце, я вынужденъ былъ, наконецъ, согласиться, тогда Лу-хомбо сказалъ: „сейчасъ придетъ къ вамъ мой сынъ посмотрѣть еще разъ вашу винтовку, а я ухожу домой“. Явился сынъ, гордо и надменно вошедшій въ казачью палатку, гдѣ и принялся за самый внимательный осмотръ нашей магазинки. Въ концѣ концовъ, онъ съ прежнею надменностью заявилъ: „ваше ружье—скверное, оно ничего не стоитъ“... и ушелъ. Нашъ лагерь понемногу опустѣлъ; на немъ остались лишь тѣ немногіе луццасцы, которые не могли отличить чужой отъ своей собственности и которые чуть не на глазахъ нашихъ стащили всѣ аптечные бинты и марлю...

Старый князь собралъ совѣтъ старшинъ-головорѣзовъ; на этомъ совѣтѣ, какъ выяснилось впослѣдствіи, и было рѣшено уничтожить насъ, чтобы воспользоваться всѣмъ нашимъ оружіемъ и проч. Мы же не допускали мысли, что на насъ готовится предательское нападеніе, и тѣмъ болѣе могли не знать, что Лу-хомбо на совѣтѣ одобрилъ предложеніе сына и прочей молодежи напасть на насъ глухою ночью, перебить, переколоть горсточку русскихъ, воспользоваться ихъ самымъ цѣннымъ добромъ, а китайцу переводчику, ночевавшему всегда въ княжеской палаткѣ, затѣмъ заявить, какъ заявили намъ на другой день послѣ неуспѣшной атаки, что нападавшіе были не ихъ однохошунцы, а обитатели сосѣдняго аймака, ихъ отъявленные враги, нагрянувшіе въ Луцца съ цѣлью отомстить луццасцамъ за своихъ убитыхъ нѣкогда товарищей, но случайно напавшіе на русскихъ...

Вечеръ 12-го января былъ особенно тихимъ со стороны княжеской ставки. Сумерки погасли скоро, на землю спустилась темная, облачная ночь. Отъ сининскаго переводчика мы узнали, что князь

согласился распорядиться подводами на завтрашній день на условіяхъ самыхъ послѣднихъ, т. е. по баснословно дорогой цѣнѣ за каждое отдѣльное животное и за каждаго изъ пятнадцати проводниковъ, тогда какъ въ сущности мы нуждались въ одномъ; но намъ навязывали ихъ непремѣнно пятнадцать человѣкъ, якобы, одинъ—два не въ состояніи будутъ возвратиться домой живыми и неограбленными. О ружьѣ и патронахъ болѣе не упоминалось.

На эту ночь особенныхъ приготовленій мы никакихъ не дѣлали и улеглись спать, за исключеніемъ часового, раздѣтыми, тогда какъ предыдущую ночь провели въ полной боевой готовности, слыша со стороны ставки подозрительный топотъ и выкрики амдоскихъ воиновъ.

Въ двѣнадцать съ половиною часовъ ночи винтовочный выстрѣлъ поднялъ всѣхъ насъ на ноги; то былъ выстрѣлъ подскакавшаго на бивуакъ разъѣзда по нашему часовому, который громко крикнулъ: „нападеніе, вставайте“! въ свою очередь открывъ огонь по удиравшимъ двумъ всадникамъ. Въ минуту—двѣ и мы выскочили изъ палатокъ, конечно, кто въ чемъ былъ, съ ружьями въ рукахъ, но уже никого не видѣли; слышенъ былъ только рѣзкій топотъ копытъ быстро скакавшихъ коней. Едва мы успѣли одѣться, полностью вооружиться и стать въ боевую линію, какъ съ той же западной стороны, куда ускакалъ разъѣздъ, заслышали новый топотъ копытъ, постепенно усиливающійся, и вмѣстѣ съ тѣмъ завидѣли черное пятно, выраставшее по мѣрѣ приближенія тангутовъ къ нашему лагерю. Темная январьская ночь была единственной свидѣтельницей всего того, что произошло между маленькою горсточкой русскихъ и сотеннымъ отрядовъ дикихъ номадовъ, мчавшихся въ карьеръ, съ пиками на перевѣсъ, на маленькій лагерь иностранцевъ, открывшихъ огонь шаговъ на 400—500 навстрѣчу атаковавшихъ. Огонь восьми нашихъ винтовокъ описывалъ непрерывную огненную змѣйку, ярко сверкавшую въ темнотѣ ночи. Разбойники не выдержали, не доскакали какой-нибудь полусотни шаговъ,—вѣроятно, и того меньше, — круто повернули въ сторону и тотчасъ скрылись въ глубинѣ лощины. Однако, гулкій топотъ копытъ по сухой промерзшей почвѣ долго слышался въ тишинѣ. Все описанное произошло такъ быстро, такъ стремительно, что вначалѣ казалось какъ-то таинственнымъ призракомъ; это былъ какой-то дикій вихрь или ураганъ, промчавшійся Богъ вѣсть откуда и куда... Не стой мы въ полной боевой готовности навстрѣчу этому грозному урагану, ничто не спасло бы насъ отъ стремительности разбойниковъ,—ихъ пикъ и сабель. Дѣйствительно, если бы разбойники не выслали разъѣзда снять нашего часового и тѣмъ самымъ не подняли бы насъ на ноги, ихъ планъ навѣрно удался

бы... ихъ атака въ темнотѣ ночи сдѣлала бы свое дѣло. Но Богъ судилъ иначе... И какъ мнѣ не вѣрить въ мою счастливую звѣздочку!..

Едва мы успѣли опомниться отъ всего происшедшаго, какъ со стороны ставки князя услышали выкрики Лу-хомбо и его сына: „Что случилось? Не перерубили ли русскихъ наши сосѣди-враги?.. Какой сильный огонь былъ“... и проч. Такъ, потомъ, передавалъ намъ синиискій переводчикъ, отъ страха потерявшій голову. Чтобы скорѣе удовлетворить любопытство, старикъ-князь прислалъ въ нашъ лагерь своего сына, который былъ крайне удивленъ, что мы всѣ цѣлы и невредимы, стоимъ въ полномъ боевомъ порядкѣ и ждемъ новой атаки... Теперь равнина огласилась дикими криками, пальбой вдали и чѣмъ-то зловѣщимъ, продержавшимъ всѣхъ насъ подъ ружьемъ порядочное время. Мы уже больше не вѣрили этимъ негодяямъ и стали съ этой, чуть не роковой, ночи спать, не раздѣваясь, въ объятіяхъ съ ружьемъ и патронами въ теченіе всей зимней экскурсіи.

Утромъ 13-го января я поздравилъ моихъ молодцовъ-спутниковъ старшими или младшими унтеръ-офицерами или урядниками и выяснилъ имъ положеніе, въ которомъ мы неожиданно очутились. Явился Лу-хомбо, также похвалившій всѣхъ насъ за молодецки отбитую атаку. Я въ шутливомъ тонѣ спросилъ князя, не его ли подчиненные вздумали сыграть съ нами такую злую шутку. На это гордый старикъ отвѣтилъ: „Собственной рукой зарублю, а если окажется раненымъ, то и заколю того, кто осмѣлился бы изъ моихъ людей принимать участіе въ набѣгѣ“. Лу-хомбо разсвирѣпѣлъ, гнѣвные глаза властнаго старика метали искры, онъ нервно вздрагивалъ и машинально повертывалъ на головѣ свою мѣховую „атаманскую“ шапку; порою даже сбрасывалъ рукавъ съ праваго плеча, обнажая спину и на ней зарубцеванныя раны,—старый воинъ видывалъ виды. Теперь я сталъ вѣрить, что Лу-хомбо никогда ни кому не давалъ даже обычныхъ подарковъ, какъ онъ мнѣ объ этомъ заявилъ въ первый день нашего знакомства, но самъ со всѣхъ бралъ столько, сколько хотѣлъ. Кажется, въ первый разъ князю пришлось сознаться въ своемъ безсиліи...

Чтобы не навлечь на себя еще большихъ подозрѣній и не дать намъ узнать объ убитыхъ и раненыхъ, о чемъ мы узнали только черезъ нѣсколько дней и переходовъ, — Луццаскій князь поторопился сплавить насъ, назначивъ въ начальники проводниковъ сына и угостивъ насъ въ дорогу неизмѣннымъ кирпичнымъ чаемъ и жирнымъ печеньемъ.

Отъ доставки экспедиціи въ монастырь Рарчжа-гомба, какъ я того желалъ, луццасцы отказались наотрѣзъ, мотивируя свое нежеланіе высокимъ снѣговымъ хребтомъ на пути, но, вѣроятнѣе всего, боязнью н'голоковъ—такихъ же разбойниковъ, какъ и они сами, которые давно грозятъ Лу-хомбо набѣгомъ „за прежніе, давніе грѣхи стараго волка". Князь продиктовалъ нашъ длинный окружный маршрутъ своему сыну, съ наказомъ передать его зятю старика, обязанному затѣмъ доставить экспедицію съ тѣмъ же наказомъ, въ линію кругового пути, залегавшаго въ раіонѣ монастырей Рарчжа-гомба—Лавранъ.

Подобный удлиненый и круговой маршрутъ, составленный княземъ Луцца въ цѣляхъ доставить зароботокъ роднымъ и знакомымъ старшинамъ, былъ полезенъ и для насъ, такъ какъ давалъ возможность познакомиться съ самымъ интереснымъ, невѣдомымъ, уголкомъ Амдоскаго нагорья. Правда, это изслѣдованіе стоитъ намъ очень дорого въ физическомъ, нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. До прихода въ монастырь Лавранъ мы ложились спать, не раздѣваясь и не разставаясь съ ружьемъ; ночные караулы держали самые строгіе, самые усиленные; при малочисленности участниковъ зимней экскурсіи на часахъ приходилось стоять всѣмъ намъ черезъ ночь въ продолженіе пяти-шести морозныхъ часовъ, а на другой день слѣдовать въ дорогѣ со всякаго рода наблюденіями и сборами коллекцій [1]) на высотѣ, на три-четыре версты превышающей Петербургъ. Нервы наши были напряжены до крайности. Надо было имѣть большое терпѣніе, чтобы перенести все это и платить разбойникамъ во много разъ больше слѣдуемаго. Неудивительно, поэтому, что монастырь Лавранъ мы ждали словно манны небесной.

Лавранъ, большой историческій монастырь, играетъ громадную роль въ жизни не только прилежащихъ, но и отдаленныхъ номадовъ. Сюда періодически стекаются десятки тысячъ буддистовъ помолиться и поклониться лавранскимъ святынямъ, а также и устроить свои дѣла. Лавранъ—младшій братъ Гумбума, но онъ превзошелъ его богатствомъ и великолѣпіемъ.

Своимъ возвышеніемъ Лавранъ обязанъ второму перерожденцу съ именемъ Жигмэдъ-вамбо, энергичному, умному, и его ученику

---

[1]) Суевѣрные туземцы въ нашемъ намѣреніи разузнать что-либо объ ихъ странѣ и осмотрѣть горы и отбить образчикъ горной породы видѣли для себя большое несчастье, — увозъ русскими ихъ „благъ природы", — поэтому противъ нашихъ открытыхъ наблюденій страшно протестовали. Пришлось вести ихъ втихомолку.

Гунтанъ-Дамби-Донмэ, который своими сочиненіями по философіи буддизма и преподавательской дѣятельностью поставилъ лавранскую школу „цаннида“ въ блестящее положеніе.

Изъ многочисленныхъ храмовъ Лаврана наибольшаго вниманія заслуживаютъ: цокчэнъ-дуканъ—главный соборный храмъ, затѣмъ Сэрдунъ-чэмо или храмъ Майтреи, принадлежащій перерожденцамъ Жамьянъ-шадбы, расположенный въ сѣверо-западной окраинѣ монастыря. Этотъ храмъ имѣетъ золотую кровлю въ китайскомъ стилѣ. Внутри храма находится большая статуя бодисатвы Майтреи. Какъ и всѣ лхаканы, Сэрдунъ-чэмо имѣетъ стѣнныя картины. На внутренней стѣнѣ, налѣво отъ входной двери, находится громадная рукописная надпись на полотнѣ. Эта надпись, по свидѣтельству Б. Б. Барадійна, излагаетъ на тибетскомъ языкѣ исторію храма и описаніе священныхъ реликвій, находящихся въ храмѣ. Между прочимъ здѣсь перечисляются тѣ священные предметы культа, которые вложены во внутрь самой статуи. Въ числѣ этихъ предметовъ упоминается, какъ самая сокровенная изъ вложенныхъ реликвій — санскритская рукопись на пальмовыхъ листахъ сочиненіе учителя Буддапалиты—о философіи средины [1]).

Лавранъ—слово тибетское, означаетъ гэгэнскій покой, домъ. Какъ монастырь Лавранъ основанъ около 200 лѣтъ тому назадъ. Основатель его—Жамьянъ-шадба, имѣющій четвертое перерожденіе, успѣлъ только построить небольшой соборный храмъ, основать цаннидскую и гьудскую школы буддизма и устроить немногочисленные домики для монашеской общины. При основаніи Лаврана особенное вниманіе было обращено на то, чтобы монастырь этотъ выгодно отличался отъ другихъ своей образцовой дисциплиной монашеской жизни, скромностью и благоустройствомъ монашескаго общежитія. Дѣйствительно, нравственная чистота и чрезвычайная скромность жизни монаховъ Лаврана и имя знаменитаго его перваго іерарха въ связи съ великолѣпіемъ храмовъ привлекали и продолжаютъ привлекать къ себѣ благочестиво настроенныхъ буддистовъ со всѣхъ концовъ Амдо.

Общій составъ монашествующей братіи исчисляется почти въ 3.000 человѣкъ при 18-ти большихъ и 30-ти малыхъ гэгэнахъ, или перерожденцахъ [2]).

---

[1]) Тибетцы и вообще послѣдователи тибетскаго буддизма имѣютъ обыкновеніе складывать внутрь статуй наиболѣе цѣнные сокровенные предметы культа.

[2]) Лавранскіе гэгэны, по наблюденіямъ Барадійна, имѣютъ чрезвычайно строгое воспитаніе, направленное на то, чтобы умѣть внушить симпатіи и преклоненіе толпы проповѣдью, умѣть держать себя съ до-

При этомъ монастырѣ имѣется ланнидская школа, своего рода университетъ или духовная академія, въ которой проходится философія буддизма, и четыре школы для средняго образованія—гьудская, дуйнкорская, кьюдорская и такъ называемая медицинская—Манбадуканъ [1]). Слушателями этихъ просвѣтительныхъ учрежденій являются ламы изъ Тибета, Амдо, Монголіи и даже нашего Забайкалья—буряты, а профессорами и учителями—достойнѣйшіе изъ ламъ, мѣстныхъ или тибетскихъ. Лучшими лекторами ламы студенты считаютъ двухъ заслуженныхъ профессоровъ: Хори-Роопсылъ—по богословію и Гунтунъ-Лодонъ—по буддизму вообще, мѣстныхъ уроженцевъ. Какъ прежде, такъ и теперь, ламы, окончившіе курсъ лавранскаго университета, направляются на нѣсколько лѣтъ въ Лхасу для окончательнаго укрѣпленія въ наукѣ. Мнѣ очень отрадно было встрѣтить въ Лавранѣ въ числѣ мѣстныхъ студентовъ нашихъ бурятъ, одинъ изъ которыхъ по имени Гуру-Дарма-Цырэм-

---

стопнствомъ и т. п. Для этого съ малыхъ лѣтъ до полнаго совершеннолѣтія гэгэны подвергаются суровому режиму монашеской и школьной жизни. Они находятся подъ постояннымъ надзоромъ своихъ наставниковъ, которые нерѣдко подвергаютъ своихъ святыхъ учениковъ жестокимъ наказаніямъ за какое-нибудь попустительство. Благодаря такому воспитанію всѣ лавранскіе гэгэны являются по-своему весьма строгими и дѣльными людьми, тогда какъ большинство монгольскихъ, особенно халхаскихъ хубилгановъ, представляетъ прямую противоположность лавранскимъ гэгэнамъ.

[1]) Относительно школъ гьюдской, дуйнкорской и кьюдорской, то въ нихъ, замѣчаетъ Барадійнъ, изучаютъ разныя системы буддійской символики. Въ буддизмѣ существуетъ отдѣлъ, называемый по-тибетски „гьудъ“ (санс. тантра), который называется тайной частью ученія. Эта система буддизма въ своей древней формѣ, въ интересахъ сохраненія своей тайны, отрицала всякую письменность, признавая только устное сообщеніе ученія учителя ученику. Дальнѣйшей стадіей ея развитія явились символическіе пріемы усвоенія буддійскихъ идей путемъ разнаго рода символическихъ положеній рукъ и пальцевъ рукъ, буквенныхъ формулъ, писанныхъ образовъ, статуй чертежей и т. д. Тайнымъ же ученіе называлось потому, что считалось недоступнымъ для непосвященныхъ. Въ настоящее время эта система потеряла всякій первоначальный смыслъ своей таинственности и превратилась въ Тибетѣ, въ Монголіи и у бурятъ въ сложную систему разныхъ внѣшнихъ ритуаловъ, обрядностей. Учащіеся этихъ школъ занимаются исключительно практикой въ этихъ обрядностяхъ и заучиваніемъ обрядовыхъ руководствъ, а также изученіемъ основъ буддійской символики. Окончившіе курсъ въ школѣ символики получаютъ ученое званіе „аграмба“.

Въ медицинской школѣ изучается индо-тибетская медицина, которая благодаря выработанной вѣками врачебной практикѣ, основанной на строгоопытномъ изученіи природы органическаго и неорганическаго міра, до сихъ поръ служила однимъ изъ главныхъ орудій буддизма среди полукультурныхъ народностей. Окончившіе эту медицинскую школу получаютъ званіе „манрамба“.

пыловъ, хорошо говорилъ по-русски и далъ мнѣ не мало цѣнныхъ свѣдѣній и полезныхъ указаній. Цырэмпыловъ нынче оканчиваетъ лаврапскій университетъ, а на будущій годъ предполагаетъ отправиться въ Лхасу для полученія законченнаго образованія, которое возможно пріобрѣсти только въ столицѣ Тибета. Благодаря своему географическому и этнографическому положенію Лавранъ ни въ одно изъ возстаній дунганъ не подвергался разоренію; это обстоятельство ставитъ его по богатству и сбереженію историческихъ памятниковъ выше прочихъ монастырей, переживавшихъ погромы. Лавранъ гордится самымъ первымъ металлическимъ изображеніемъ Будды, бывшимъ, по преданію, въ рукахъ самого основателя буддійскаго ученія. Въ лавранской сокровищницѣ наукъ, въ библіотечномъ храмѣ Боинъ-зэтъ-лхаканъ, хранятся старинныя индійскія и тибетскія сочиненія.

Кругомъ монастыря, за исключеніемъ сѣверной, прислоненной къ горамъ его части, устроены навѣсы съ вертящимися цилиндрами „хурдэ“. Вѣрующіе буддисты по цѣлымъ днямъ совершаютъ религіозный обходъ—„лингоръ“ монастыря и попутно вертятъ цилиндры, съ священными писаніями внутри. „Нужно замѣтить, говоритъ Б. Б. Барадійнъ, что подобнаго рода хурдэ часто служатъ границей монастырскаго района; кельи монаховъ нельзя выносить за границу этихъ цилиндровъ: это было бы вопреки убѣжденію, что внутри поясовъ этихъ цилиндровъ должны царствовать покой и счастіе“.

Монастырь Лавранъ расположенъ въ очень привѣтливой нешироко долинѣ, обставленной высокими горами, на сѣверномъ склонѣ убранными лѣсомъ, состоящимъ подъ строгой охраной монастыря. По дну долины стремительно катится прозрачная рѣчка Сон-чю,—одинъ изъ многочисленныхъ притоковъ Хуанъ-хэ, берущій начало на амдоскомъ нагорьѣ. Ниже монастыря по этой рѣчкѣ имѣются также участки еловаго лѣса, поднимающагося по склонамъ до гребней горъ; въ этихъ лѣсахъ наши препараторы свободно охотились за птицами и успѣли пополнить орнитологическую коллекцію рѣдкими экземплярами, какъ, напримѣръ, гималайскіе клесты, оливковыя кустарницы, мандаринскіе дятлы, франколины или всэре, ушастые фазаны, фазаны Штрауха и нѣсколько видовъ синицъ и синичекъ. Среди послѣднихъ наиболѣе выдѣлялась, такъ называемая, изящная синичка (Leptopoëcile elegans), красиво блестѣвшая на солнцѣ своимъ чуднымъ опереніемъ; эта милая птичка открыта Н. М. Пржевальскимъ въ его третье путешествіе въ Центральной Азіи.

Воображаю, какъ хорошо должно быть въ Лавранѣ лѣтомъ, хотя и теперь, въ февралѣ, поднявшись на южную береговую террасу,

приходишь въ восхищеніе. На востокѣ и западѣ змѣится рѣчка, на сѣверѣ и югѣ громоздятся горы, облитыя лучами яркаго, яркаго солнца. Мягкая лазурь небесъ манитъ глазъ, волшебный рокотъ рѣчки и пѣніе птицъ ласкаетъ ухо. Взгляните съ высоты на монастырь, на его богатыя, оригинальныя постройки, на яркость красокъ, на пестрыхъ ламъ, толпами переходящихъ отъ храма къ храму и вы не нарушите, а дополните картину своеобразной прелести: съ дивнымъ величіемъ природы дивно сочетался человѣкъ въ своей молитвенной обстановкѣ.

„Во время лѣтнихъ школьныхъ перерывовъ, пишетъ Б. Б. Барадійнъ, назначаются особые дни, когда всѣ монахи отъ мала до велика выходятъ въ поле на день или на сутки въ окрестностяхъ Лаврана съ палатками и провизіей. Молодежь устраиваетъ разныя игры, а степенные монахи развлекаются разными прибаутками или разсказами изъ жизни буддійскихъ знаменитостей“.

„Также въ году бываютъ разныя религіозныя празднества, между которыми самымъ интереснымъ является театръ „Милай-цамъ“, основанный въ XIII вѣкѣ въ Лавранѣ въ честь знаменитаго тибетскаго поэта-философа и отшельника, пѣвца буддизма Миларайбы (XI в.). Этотъ театръ имѣетъ полусвѣтскій и полурелигіозный характеръ и играетъ въ Лавранѣ своеобразную роль публицистики. На сцену выходитъ горный отшельникъ Миларайба съ однимъ изъ его учениковъ и старикъ „Гонго-доржэ“, бывшій охотникъ, а потомъ ревностный послѣдователь Миларайбы. Этотъ послѣдній, во время представленія, разоблачаетъ передъ многочисленными зрителями изъ духовенства, мірянъ и мірянокъ, всѣ темныя дѣла, творимыя знатными лицами Лаврана, посредствомъ намековъ, сатирическихъ и комическихъ выходокъ и разсказовъ. Передъ выходомъ на сцену этотъ актеръ обязанъ дать клятву передъ статуей генія хранителя, что онъ будетъ справедливъ въ своихъ сужденіяхъ и не будетъ брать взятокъ“.

Во время нашего пребыванія въ Лавранѣ глава этого монастыря отсутствовалъ. Его замѣняли двое его старшихъ помощниковъ, свѣтскій и духовный. Съ первымъ изъ нихъ мнѣ удалось близко познакомиться и получить разрѣшеніе произвести фотографическіе снимки не только съ общаго вида монастыря, но и съ его главнѣйшихъ храмовъ въ отдѣльности.

Изъ монастыря Лаврана экспедиція выступила въ половинѣ февраля 1909 г. двумя партіями. Главный караванъ я направилъ прямою, ближайшею, дорогою въ Лань-чжоу-фу; самъ же, налегкѣ, въ сопровожденіи переводчика китайскаго языка Полютова, пошелъ

туда же круговымъ путемъ, черезъ Сининъ, чтобы поблагодарить Сининскаго Цин-цай'я за всѣ его заботы и хлопоты о нашей экспедиціи. Какъ разъ въ это время возвратился въ Гумбумъ Далай-Лама и мнѣ посчастливилось вновь свидѣться съ главою буддизма и верховнымъ правителемъ Тибета. Далай-Лама принялъ меня съ любезностью и предупредительностю. Въ Гумбумѣ я прожилъ болѣе недѣли и ежедневно навѣщалъ лаврань—покой Далай-Ламы, проводя тамъ съ большимъ интересомъ по нѣскольку часовъ времени. Поѣздка въ Пекинъ, знакомство съ европейцами наложили извѣстный отпечатокъ не только на Далай-Ламу и его министровъ, но даже и на всю его свиту.

Молодой человѣкъ, по имени Намганъ, состоящій въ роли секретаря при особѣ Далай-Ламы, имѣлъ въ своемъ распоряженіи до пяти большихъ и малыхъ фотографическихъ аппаратовъ, которыми съ успѣхомъ снималъ на пути его святѣйшества все то, что представлялось наиболѣе красивымъ и замѣчательнымъ.

...Принеся затѣмъ благодарность сининскимъ властямъ, я, въ половинѣ марта, прибылъ въ Лань-чжоу-фу, гдѣ уже двѣ недѣли проживалъ караванъ экспедиціи въ ожиданіи моего возвращенія.

Лань-чжоу-фу — резиденція вице-короля или генералъ-губернатора провинціи Гань-су—красиво расположенъ на правомъ берегу быстрой, многоводной Хуанъ-хэ. Въ этомъ многолюдномъ торговомъ городѣ жизнь бьетъ ключемъ: улицы полны народомъ, магазины—товарами, привозимыми изъ Пекина и богатой Сы-чуани. Здѣсь не мало европейцевъ: миссіонеровъ, инженеровъ, техниковъ и другихъ дѣльцовъ. Черезъ Хуанъ-хэ воздвигается европейскій мостъ...

Своеобразную красоту и оригинальность придаютъ Лань-чжоу-фу четыре историческихъ башни, устроенныя на холмахъ, командующихъ надъ городомъ съ юго-запада, въ свое время сдерживавшія движеніе грозныхъ дунганъ изъ Хэ-чжоу.

Гарнизонъ города состоитъ изъ трехъ родовъ оружія и исчисляется въ шесть тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ и обученныхъ по-европейски. Видѣнные мною солдаты — приличная молодежь, пріученная къ дисциплинѣ. Сигналы въ войскахъ приняты европейскіе, и мы ихъ слышали ежедневно въ утренніе и вечерніе часы—часы регулярныхъ занятій офицеровъ съ солдатами.

Вице-король Гань-су довольно энергичный и рѣшительный государственый дѣятель; его ближайшій помощникъ Нѣ-тай—также. Оба эти сановника приняли меня изысканно вѣжливо и деликатно и оказали экспедиціи полнѣйшее содѣйствіе.

Бурый грифъ вблизи монгольскаго стойбища.

Генералъ-губернаторъ очень интересовался нашимъ путешествіемъ, подробно разспрашивая объ Куку-норѣ, объ амдо'скомъ нагорьи. Въ простой бесѣдѣ со мною, онъ не разъ вспоминалъ также и Россію, называя по-русски города С.-Петербургъ, Москву, Нижній-Новгородъ, Иркутскъ и озеро Байкалъ, лежавшіе на его пути изъ Пекина, когда онъ ѣзжалъ къ намъ въ качествѣ китайскаго посланника; генералъ-губернаторъ спрашивалъ меня о томъ, между прочимъ, закончена ли постройка круго-байкальскаго желѣзнодорожнаго пути. Болѣе всего вице-король былъ знакомъ, конечно, съ С.-Петербургомъ и его окрестностями, и восхвалялъ красоту зданій и качество дорогъ. На его языкѣ я слышалъ правильное русское произношеніе Петергофъ, Озерки и проч.

При дальнѣйшемъ знакомствѣ, вице-король показалъ мнѣ образцово-сбереженный семейный портретъ нашего покойнаго Императора Александра III, о которомъ китайскій сановникъ хранитъ высокое и трогательное воспоминаніе.

Въ Лань-чжоу-фу намъ удалось также пополнить свою этнографическую коллекцію старинными образцами китайскаго художественнаго творчества, въ особенности въ отдѣлѣ бронзы; впрочемъ, на многіе, выдающіеся предметы пришлось только полюбоваться, такъ какъ они стоили большихъ денегъ, которыми мы подъ конецъ своего путешествія далеко не располагали, къ тому же систематическое пріобрѣтеніе образцовъ буддійскаго культа, входившее въ нашу программу, не легко ложилось на бюджетъ экспедиціи, скорѣе его превышало.

Изъ Лань-чжоу-фу мы уже имѣли возможность нанять монголовъ-подводчиковъ и отправиться въ Алашань верблюжьимъ караваномъ. Это пріятное передвиженіе нами исполнено въ двѣ недѣли.

Погода стояла благопріятная. Теплое солнышко ласкало насъ ежедневно. Всѣ невзгоды Амдо были позабыты. Даже нашъ пернатый спутникъ—грифъ-монахъ (Vultur monachus) и тотъ, отдохнувъ въ Лавранѣ и Лань-чжоу-фу, теперь легче переносилъ ѣзду и качку на вьючномъ верблюдѣ. Грифа, этого огромнаго крылатаго хищника, я купилъ въ Гуй-дуй'ѣ, у китайца. Грифъ скоро привыкъ къ намъ, освоился, но на китайцевъ и тангутовъ смотрѣлъ какъ на враговъ, съ которыми постоянно ссорился. Еще болѣе враждебно грифъ относился къ чужимъ собакамъ, ожесточенно нападая на нихъ и ударяя острымъ клювомъ и крыльями. Въ дорогѣ, мы его пеленали какъ младенца и клали въ корзину съ отверстіемъ для головы птицы. По приходѣ на стоянку, грифъ получалъ полную

свободу и порядочную порцію мяса. Такимъ образомъ, невольный нашъ спутникъ совершилъ путешествіе, при караванѣ, въ три тысячи верстъ съ лишкомъ, а затѣмъ на пароходѣ и желѣзной дорогѣ еще семь тысячъ верстъ прежде, нежели прибылъ въ С.-Петербургъ, съ вагономъ экспедиціонныхъ коллекцій [1]).

Свѣтлый праздникъ мы встрѣтили въ пустынѣ, а седьмого апрѣля уже прибыли въ Дынъ-юань-инъ на складъ и метеорологическую станцію экспедиціи. Здѣсь все оказалось въ полномъ благополучіи и исправности.

Оазисъ Дынъ-юань-инъ, подъ жаркими лучами южнаго солнца, успѣлъ одѣть весеннее убранство. Воздухъ былъ насыщенъ ароматомъ цвѣтущихъ плодовыхъ деревьевъ. Лужайки отливали изумрудомъ. Ласточки съ пріятнымъ щебетаніемъ носились изъ стороны въ сторону. Но лучше всего въ Алашанѣ—это Алашаньскій хребетъ, который въ прозрачное состояніе неба представляетъ очаровательное зрѣлище, въ особенности во время заката солнца, когда на его крутые склоны картинно ложится фіолетовая или сизая, чарующая глазъ, дымка...

Въ наше теперешнее пребываніе въ Дынъ-юань-инѣ, цинъ-ванъ со всѣмъ своимъ дворомъ отсутствовалъ. Его возвращеніе изъ Пекина ожидалось осенью. Отсутствіе ванскаго двора наложило на городъ скучный отпечатокъ—жизнь замерла, торговля почти прекратилась, улицы опустѣли.

Отдохнувъ денекъ-другой въ Дынъ-юань-инѣ, мы энергично принялись за сортировку багажа и упаковку коллекцій, а также и за сложныя приготовленія къ путешествію въ пустынѣ лѣтомъ, и предстоящимъ занятіемъ на развалинахъ Хара-хото.

Въ концѣ апрѣля къ намъ прибылъ капитанъ Напалковъ, проложившій новый интересный путь по Гань-су, въ дополненіе къ картографіи, картографическимъ работамъ минувшаго года. Теперь участники экспедиціи собрались въ одно мѣсто, экспедиціонный багажъ-коллекціи въ одно цѣлое; но все это не надолго, такъ какъ изъ Дынъ-юань-ина намъ предстояли двѣ дороги: одна въ Хара-хото, другая въ Ургу. По первой, налегкѣ, съ большимъ числомъ людей—самъ-девять — отправился я, четвертаго мая (1909 г.); по второй, девятаго мая, самъ-четыре,—мой помощникъ капитанъ Напалковъ, во главѣ большого каравана.

---

[1]) Въ настоящее время грифъ-монахъ пребываетъ въ пути или можетъ быть уже достигъ Асканіи-Нова, гдѣ, въ замѣчательномъ акклиматизаціонномъ саду Ѳ. Э. Фальцъ-Фейна, найдетъ для себя наиболѣе подходящее пристанище, нежели въ нашихъ столичныхъ зоологическихъ садахъ.

Весь путь отъ Дынъ-юань-ина до Хара-хото, въ 570 верстъ, пройденный мною въ девятнадцать дней, характеризуется крайней пустыней то совершенно гладкой песчано-каменистой, то испещренной волнами каменистыхъ грядъ и холмовъ, преграждающихъ горизонтъ; и лишь кое-гдѣ, по низинамъ, отрадно зеленѣли пустынныя формы растительности: саксаулъ (Haloxylon ammodendron), тамарискъ (Tamarix Pallasi), хармыкъ (Nitraria schoberi) и другіе немногіе кустарники, отливавшіе желтыми, бѣлыми или свѣтло-розовыми цвѣтами. Теплый воздухъ былъ наполненъ жужжаніемъ насѣкомыхъ; по поверхности земли шныряли многочисленныя остроголовыя и плоскоголовыя ящерицы, ползали жуки, непріятно извивались змѣи... Изъ пернатаго царства преобладали коренные или осѣдлые обитатели: черный грифъ (Vultur monachus), два-три вида соколовъ, пустынная сойка (Podoces Hendersoni), жаворонки и самыя характерныя птицы пустыни—больдуруки (Syrrhaptes paradoxus); послѣднія, срываясь съ гнѣздъ, всегда пугали нашихъ караванныхъ животныхъ — верблюдовъ. По части млекопитающихъ, по-прежнему, чаще всего попадались на глаза стройныя газели харасульты (Gazella subgutturosa), искушавшія нашихъ охотниковъ. Зоологическія и ботаническія коллекціи пополнялись.

Кочевники со стадами скота попадались подлѣ колодцевъ — нашихъ пристанищъ на ночлеги. Въ походѣ мы обыкновенно вставали съ проблескомъ утренней зари, ложились въ девять часовъ, послѣ вечернихъ метеорологическихъ наблюденій. Время бѣжало быстро, незамѣтно. Развалины Хара-хото манили насъ неудержимо; о Хара-хото мы говорили ежедневно.

На этотъ разъ, маршрутъ экспедиціи, вскорѣ послѣ колодца Дурбунъ-мото, т. е. „Четыре дерева“, уклонился къ сѣверу, на монастырь Шарцзанъ-сумэ, гдѣ можно считать, приблизительно, половинное разстояніе до намѣченной цѣли. Этотъ пунктъ удалось опредѣлить астрономически. Обитатели монастыря, въ числѣ ста монаховъ, исповѣдуютъ ученіе Цзонъ-хавы, ревностно заботясь о богатствѣ и славѣ небольшихъ монастырскихъ храмовъ.

Въ одномъ переходѣ отъ Шарцзанъ-сумэ, при колодцѣ Цзагинъ-худукъ, гдѣ проживалъ монгольскій крезъ—лама Иши, мы прожили цѣлый день. Здѣсь намъ предстояло смѣнить верблюдовъ, къ тому же прекрасная погода уступила мѣсто бурной, омрачившей воздухъ тучами тонкой пыли. Съ бурей температура временно понизилась на столько, что мы вновь одѣли мѣховыя куртки; къ счастью не надолго.

Получивъ свѣжихъ верблюдовъ, экспедиціонный караванъ сталъ передвигаться еще болѣе успѣшно. Передъ нами продолжали раз-

вертываться пустынныя картины тѣ же, что и прежде, мѣстами же еще грустнѣе; теперь стали попадаться исключительно пастухи, пасшіе верблюдовъ; другого скота мы не видѣли и питаться должны были сухимъ, консервированнымъ самими, бараньимъ мясомъ. Такъ продолжалось до пустыннаго оазиса Гойцзо, гдѣ предполагалось прожить нѣсколько дней или что то же самое слѣдовать по немъ небольшими переходами.

Въ передній путь въ Гойцзо, въ началѣ апрѣля (1908 года), мы наблюдали много плавающихъ и голенастныхъ птицъ, отдыхавшихъ при перелетѣ на сѣверъ. Озерки были покрыты разнообразными породами гусей, утокъ, среди стай которыхъ попадались турпаны и лебеди, а вдоль береговъ не мало куликовъ, сѣрыхъ цапель, малыхъ сѣрыхъ журавлей (Grus virgo) и немногихъ другихъ. Днемъ и ночью окрестность была оживлена голосами или шумомъ крыльевъ пернатыхъ странниковъ. Теперь же въ пору болѣе позднюю — въ пору гнѣздованія, мы наблюдали тѣхъ же птицъ, но въ меньшемъ количествѣ, зато среди воробьиныхъ или кричащихъ встрѣчались не отмѣченныя раньше — варакушки, овсянки и камышевки, оглашавшія воздухъ весенними голосами.

Изъ звѣрей я здѣсь добылъ интересную дикую кошку, убитую въ камышѣ наканунѣ разрѣшенія отъ бремени; прекрасные, тигровой окраски, котята также попали въ нашу спиртовую коллекцію.

Монгольское населеніе ютилось обособленными группами юртъ въ небольшомъ количествѣ, на всемъ протяженіи котловины. Въ восточной половинѣ ея, при ключевомъ родникѣ, нѣкій гэгэнъ — просвѣтитель народа, устроилъ большое молитвенное обо, куда, лѣтомъ, монголы собираются для отправленія богослуженія и устройства праздничной пирушки.

За котловиной Гойцзо мы опять вступили въ пустыню. Дневной жаръ сталъ усиливаться, въ особенности въ открытой песчаной или солончаково-глинистой равнинѣ, нерѣдко омрачаемой сѣрою пыльною дымкой, сквозь которую дневное свѣтило выглядитъ въ видѣ блѣднаго диска. Въ пустынѣ пришлось съ новой силой поналечь на большіе безводные переходы...

Наконецъ, двадцать второго мая, въ полдень, экспедиція прибыла въ мертвый городъ Хара-хото, и расположилась бивуакомъ не въ центрѣ его историческихъ стѣнъ, какъ прежде, а нѣсколько ближе къ сѣверо-западному углу, подлѣ развалинъ большой фанзы. Въ наше годичное отсутствіе изъ древняго города, въ него никто не заглядывалъ: его развалины были въ томъ же положеніи, въ ка-

Хара-хото. Западный уголъ крѣпости „Хара-хото“ (слѣва видна брешь).

комъ мы ихъ и оставили [1]). Нетронутыми оказались и тѣ предметы, извлеченные нами изъ подъ обломковъ или муссора, которые мы оставили какъ не нужные.

Мертвый городъ опять на время ожилъ: задвигались люди, застучали инструменты, по воздуху полетѣла пыль.

Разсчитывая просидѣть на работахъ—раскопкахъ около мѣсяца, я возобновилъ пріятельскія отношенія съ торгоутъ-бэйлэ, живушимъ на Эзцинъ-голѣ, въ двадцати съ лишкомъ верстахъ отъ Хара-хото, заручился его содѣйствіемъ по найму рабочихъ землекоповъ, а также подрядилъ за извѣстную плату торгоутовъ, ежедневно, доставлять намъ съ Эцзинъ-гола воду и барановъ. Повышенная физическая дѣятельность, увеличеніе количества ртовъ въ два-три раза требовали того и другого весьма много. Какъ прежде, такъ и теперь, Хара-хото установилъ связь съ долиною Эцзинъ-гола. Ежедневно, въ полдень, къ намъ приходилъ караванъ изъ ословъ, доставлявшій воду и продовольствіе, и привозившій намъ новости. Порою, провѣдывалъ насъ кто-либо изъ чиновниковъ—торгоутъ-бэйлэскаго управленія, чтобы, въ свою очередь, знать, какъ поживаютъ на развалинахъ русскіе.

Не только мои спутники, но даже и туземные рабочіе вскорѣ прониклись интересомъ къ раскопкамъ. Мы только и говорили о Хара-хото: вечеромъ—о томъ, что найдено въ теченіе истекшаго дня, утромъ—что можно и что предстоитъ найти. По-прежнему, мы просыпались съ зарей и въ сравнительной прохладѣ вели свои работы; днемъ отдыхали, а то и пуще томились отъ изнурительнаго жара, такъ какъ въ тѣни воздухъ нагрѣвался до 37° съ лишкомъ, а земная поверхность накалялась солнцемъ свыше 60° С. Пыль и песокъ, поднимаемые горячимъ воздухомъ, положительно изнуряли. Сѣрая, безжизненная окрестность усиливала непріятное, тяжелое впечатлѣніе. Я всегда радовался при появленіи на нашъ бивуакъ двухъ черноухихъ коршуновъ (Milvus melanotis), подбиравшихъ отбросы кухни; эти птицы со всѣми нами скоро освоились и смѣло усаживались въ нашемъ близкомъ сосѣдствѣ, чуть не выпрашивая подачекъ. Къ этому пріучили ихъ мои спутники, бросавшіе птицамъ въ воздухъ куски мяса, которое коршуны искусно схватывали. Не любила птицъ и постоянно ссорилась съ ними наша экспедиціонная собака „Лянга“, неизмѣнная спутница почти всего нашего путешествія. Эти живыя существа—птицы и собака только и ожив-

[1]) Необходимо упомянуть, что на стѣнахъ Хара-хото до сихъ поръ продолжаютъ лежать запасы гальки, которой, между прочимъ, въ свое время, отбивались осажденные въ Хара-хото.

ляли, только и развлекали наше монотонное житье въ Хара-хото, въ особенности въ теченіе первой недѣли, когда результаты раскопокъ были только посредственные при большой затратѣ физическаго труда.

Самыя раскопки производились по заранѣе составленному плану: монгольская партія рабочихъ, подъ присмотромъ моего спутника бурята, систематически изслѣдовала развалины фанзъ, на протяженіи немногихъ улицъ Хара-хото; русская же партія, помимо раскопокъ внутри города, производила изысканія и внѣ хара-хотоскихъ стѣнъ, въ близкомъ и далекомъ разстояніи.

Какъ прежде, такъ и теперь попадались предметы домашняго обихода, предметы скромной роскоши, а также письмена, бумаги, металлическіе и бумажные денежные знаки и проч. [1]). Однообразныя, скромныя находки стали, наконецъ, наскучивать намъ; энергія ослабѣвала. Между прочимъ рекогносцировки для нахожденія и сосредоточиванія новыхъ раскопокъ производились, результатомъ чего и былъ поставленъ на очередь субурганъ, расположенный внѣ крѣпости и отстоящій отъ западной стѣны въ $^1/_4$ версты, на берегу сухого русла... Вотъ этотъ-то субурганъ, названный нами „знаменитымъ“, и поглотилъ, затѣмъ, все наше вниманіе и время. Онъ подарилъ экспедиціи большое собраніе, цѣлую библіотеку [2]) книгъ, свитковъ, рукописей, множество образцовъ буддійской иконописи, исполненной въ краскахъ на толстомъ холсту, на тонкихъ шелковыхъ матеріяхъ и на бумагѣ; среди массы книгъ и образцовъ живописи, нагроможденной въ хаотическомъ безпорядкѣ, тамъ и сямъ, попадались очень интересныя металлическія и деревянныя, высокой и низкой культуры, статуэтки, клишэ, модели субургановъ и многое другое. Цѣнность находокъ еще болѣе увеличивается благодаря удивительной, несравненной сохранности ихъ въ крайне сухомъ пустынномъ климатѣ. Дѣйствительно, большинство книгъ и рукописей, а также и иконопись поражаютъ своею свѣжестью послѣ того, какъ они пролежали въ землѣ не мало вѣковъ. Хорошо сохранились не только листы книгъ, но и бумажныя или шелковыя преимущественно синяго цвѣта, обложки. Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ богатствомъ въ субурганѣ былъ похороненъ, вѣроятно, гэгэнъ, костякъ котораго покоился, въ сидячемъ положеніи, у сѣверной стѣны надгробія.

Самый субурганъ, поднимался надъ поверхностью земли до че-

---

[1]) Во время раскопокъ хара-хотоскихъ развалинъ мы нашли, между прочимъ, очень интересную, ночную ящерицу, степного удава и летучую мышь.

[2]) Состоящую, приблизительно, изъ двухъ тысячъ экземпляровъ.

Хара-хото. „Знаменитый субурганъ въ началѣ раскопокъ".

...ной обл. библиотеки

Хара-хото. „Знаменитый субурганъ въ концѣ раскопокъ“, глиняныя статуи съ золочеными лицами.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФОНД
...ской обл. библиотеки

тырехъ—пяти саженей и состоялъ изъ пьедестала, середины и коническаго, полуразрушеннаго временемъ или любопытствомъ человѣка, верха. Въ основаніи центра пьедестала вертикально былъ укрѣпленъ деревянный шестъ безъ какого бы ни было украшенія на вершинѣ... На пьедесталѣ субургана, вокругъ шеста, лицомъ къ центру, стояло до двухъ десятковъ большихъ, въ ростъ человѣка, глиняныхъ статуй, передъ которыми лежали огромныя книги, словно передъ ламами, отправлявшими богослуженіе. Эти книги состоятъ изъ толстой, китайскаго типа, сѣровато-бѣлой бумаги съ письмомъ Си-ся, преобладающимъ вообще среди письменъ Хара-хото [1]).

Собравъ весь матеріалъ субургана, который несомнѣнно прольетъ новый свѣтъ не только на историческое прошлое тангутской столицы и ея обитателей, но и на многое другое, мы начали собираться въ дорогу. Нашъ караванъ выросъ до большихъ размѣровъ и внушалъ опасеніе за цѣлость доставки его на родину.

Абсолютная высота Хара-хото, выведенная изъ мѣсячнаго систематическаго наблюденія, выражается 2.700 футовъ. Географическія же координаты слѣдующія: широта $41^0\ 45'\ 40''$, долгота отъ Гринвича $6\,h\ 04\,m\ 20\,s\ .\ 99 = 101^0\ 5'\ 14''\ .\ 85$.

Въ половинѣ іюня прибыли наши верблюды, все это время находившіеся на отдаленныхъ пастбищахъ, въ окрестностяхъ монастыря Шарцзанъ-сумэ. На слѣдующій, затѣмъ, день мы оставили насиженное мѣсто. Верблюжій караванъ повезъ экспедицію на Эцзинъ-голъ. Не знаю почему, но въ послѣднія минуты—минуты окончательнаго разставанія съ Хара-хото, мнѣ стало отъ души жаль этотъ заброшенный мертвый городокъ, давшій мнѣ лично не мало пріятныхъ минутъ и часовъ. Окинувъ прощальнымъ взглядомъ крѣпость, я вышелъ въ западныя ворота и простился съ „знаменитымъ“ субурганомъ, отъ котораго, впрочемъ, осталось лишь одно основаніе...

Привѣтливая, въ особенности послѣ пустыни, долина нижняго теченія Эцзинъ-гола, тѣмъ не менѣе, не удержала насъ долго, такъ какъ къ томительной жарѣ здѣсь еще прибавились кровопійцы—комары и овода, изнурявшіе насъ и нашихъ животныхъ пуще прежняго. Проживъ три—четыре дня, мы отправились въ дальнѣйшій путь.

---

[1]) Найдены письмена на языкахъ: китайскомъ, тибетскомъ, манчжурскомъ, монгольскомъ, турецкомъ или арабскомъ и... на невѣдомомъ.

Въ день выступленія въ дорогу, лишь только зардѣла лѣтняя заря на востокѣ, ко мнѣ прибылъ съ прощальнымъ визитомъ торгоутъ-бэйлэ, въ сопровожденіи наслѣдника, красиваго, симпатичнаго, лѣтъ тринадцати мальчика, и всего своего штаба чиновниковъ, молодецки возсѣдавшихъ на отличныхъ рослыхъ коняхъ джунгарской породы. Я искренно былъ радъ, что имѣлъ возможность лично принести благодарность этому монгольскому князю, оказавшему намъ вторично еще большее содѣйствіе и предупредительность при изслѣдованіи Хара-хото, нежели въ первое посѣщеніе экспедиціи, когда, казалось, бэйлэ чего-то трусилъ.

Около часа времени просидѣлъ у меня управитель торгоутовъ въ живыхъ разсказахъ о Хара-хото, о Россіи, о нашемъ прочномъ знакомствѣ. Изъ посланныхъ ему на этотъ разъ остатковъ подарковъ, бэйлэ былъ въ восторгѣ отъ стереоскопа съ видами Москвы, Петербурга и Петергофа, а также парадовъ войскъ въ Высочайшемъ Государя Императора присутствіи. Князь и его свита восхищались русской гвардейской кавалеріей.

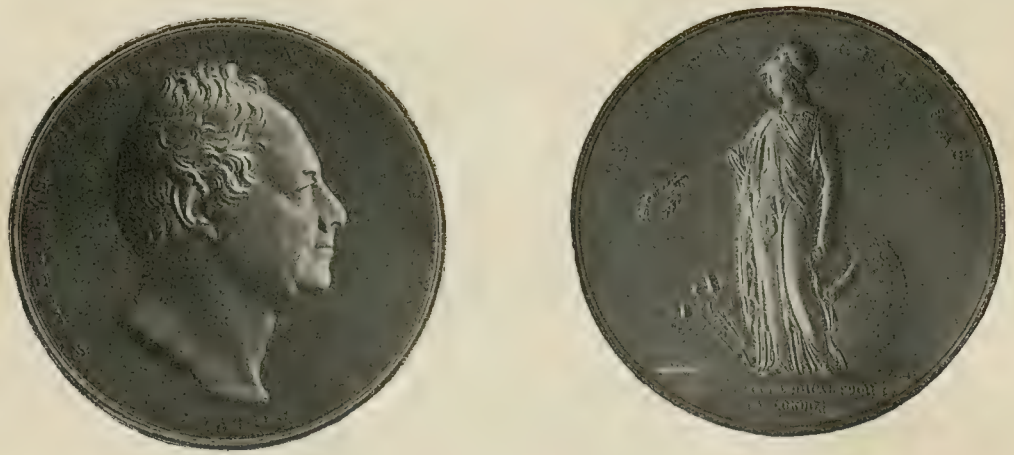
Отъ низовья Эцзинъ-гола до Гурбунъ-сайханъ, несмотря на усталость и томительный зной... благо стремленіе къ родному сѣверу... экспедиція направилась ускореннымъ маршемъ, тѣмъ болѣе, что путь нашъ на большемъ протяженіи былъ уже изученъ нами весною прошлаго года. Придя въ Гурбунъ-сайханъ, нѣкоторые изъ насъ почувствовали крайнее переутомленіе, а неизмѣнный мой спутникъ, старикъ Ивановъ, еще дорогою сюда, чуть-чуть не перестарился... во всякомъ случаѣ напугалъ меня сильно.

Въ самый разгаръ лѣта, въ лучшую пору развитія растительной и животной жизни, экспедиція достигла этой восточной окраины Монгольскаго Алтая, удобно расположившись главнымъ бивуакомъ у южнаго подножья Дунду-сайханъ [1]) и широко развивъ легкія экскурсіи въ области всего этого средняго массива. Въ цѣляхъ ознакомленія съ естественно-историческимъ богатствомъ страны, сборовъ образцовъ этихъ богатствъ, равно и для возстановленія силъ, потраченныхъ при исполненіи изнурительныхъ, но крайне любопытныхъ работъ въ знойной безводной пустынѣ, въ лучшей части горъ, въ сравнительной прохладѣ, на изумрудной лужайкѣ, по которой капризно извивался серебристый ручеекъ, мы прожили двѣ недѣли.

Монгольское населеніе, во главѣ съ молодымъ княземъ Балдынъ-

---

[1]) „Гурбунъ-сайханъ“, т. е. „Три отличныхъ“ (массива): Барунъ-сайханъ (Западный), Дунду-сайханъ (Средній) и Цзунъ-сайханъ (Восточный).



Золотая медаль Англійскаго Королевскаго Географическаго Общества.

(На золотомъ ободкѣ, скрѣпляющемъ стекла, выгравировано: Colonel P. K. Kozloff. 1911).

цзасакомъ, относилось къ намъ любезно и предупредительно. Одни изъ насъ жили въ глубинѣ горъ, другіе на ихъ окраинѣ, успѣшно коллектируя ботаническіе и зоологическіе сборы. Отсюда мнѣ удалось написать и отправить на родину небольшой отчетъ и частныя письма съ гонцомъ русскаго консульства, прискакавшаго ко мнѣ изъ Урги, куда уже благополучно прибылъ транспортъ экспедиціи. Такимъ образомъ, благодаря заботливости извѣстнаго знатока Монголіи Я. П. Шишмарева, временно пребывавшаго въ Ургѣ, экспедиція установила связь съ состечественниками.

Три хребта—западный, средній и восточный,—составляющіе массивъ Гурбунъ-сайханъ, возвышаются на общемъ обширномъ пьедесталѣ. Хотя изъ впадинъ, прилегающихъ къ массиву, сѣверная значительно ниже южной, но пьедесталъ особенно величественнымъ кажется съ южной стороны. Это зависитъ главнымъ образомъ отъ неодинаковой крутизны его склоновъ, а также отъ наружнаго вида скалистыхъ частей массива.

Въ глазахъ кочевниковъ Гурбунъ-сайханъ заслуживаетъ высшей оцѣнки привольемъ богатыхъ пастбищъ и прохладой лѣтомъ. По словамъ монголовъ, здѣсь въ іюлѣ, нерѣдко, гребень хребта серебрится снѣгомъ, тогда какъ въ среднемъ и нижнемъ поясахъ горъ падаютъ благодатные дожди. Древесныя породы въ этихъ горахъ почти отсутствуютъ, кустарниковъ, сравнительно, также не много, но зато луговъ альпійскихъ травъ въ достаткѣ.

Рядомъ со стадами домашняго скота здѣсь можно встрѣтить горныхъ козловъ (Capra sibirica), рѣже каменныхъ барановъ (Ovis); за тѣми и другими охотятся монголы съ фитильными самопалами. Горные скаты изрыты норками сурковъ и многочисленныхъ пищухъ (Lagomys), которыхъ подкарауливаютъ лисицы и хорьки. Зайцы весьма обыкновенны, какъ обыкновенны и суслики и волки; послѣдніе часто наносятъ вредъ стадамъ барановъ.

Изъ птицъ въ описываемыхъ горахъ преобладали хищники какъ количествомъ, такъ и разнообразіемъ видовъ. Въ скалистыхъ частяхъ Дунду-сайхана намъ удалось добыть, между прочимъ, нѣсколько экземпляровъ алтайской горной индѣйки (Tetraogallus altaicus), имѣющей въ Гурбунъ-сайханъ восточную границу географическаго распространенія.

Переваливъ массивъ Гурбунъ-сайханъ между его средней и восточной частями, экспедиція направилась къ сѣверу изученнымъ мною путемъ въ минувшее, 1899—1901 г., путешествіе по цен-

тральной Азіи [1]) и прибыла въ Ургу въ концѣ іюля, а девятаго августа, совмѣстнымъ караваномъ экспедиціи, мы вступили въ Кяхту, на границу отечественныхъ владѣній.

Итакъ, моё монголо-сычуаньское путешествіе окончилось...

П. Козловъ.

Въ заключеніе, редакція находитъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ. Передъ читателями нашего журнала прошла жизнь и дѣятельность русскаго путешественника. Рѣдко для кого такъ счастливо слагаются обстоятельства, какъ они сложились для Петра Кузьмича Козлова. Не меньшій, если не большій, счастливецъ Николай Михайловичъ Пржевальскій не разъ говаривалъ своему достойному ученику: „Кизо, ты счастливый, твоя весна впереди!..“ Удивительно, въ какой сильной мѣрѣ Пржевальскій привилъ Козлову любовь къ природѣ Азіи, любовь къ путешествію. Впрочемъ „путешественникомъ надо родиться“, сказалъ тотъ же Пржевальскій, и его ученикъ, послѣдователь, можно сказать, самый родной сынъ, именно родился путешественникомъ и счастливо, опять счастливо, унаслѣдовалъ отъ отца беззавѣтную любовь къ изслѣдованію Азіи... Едва П. К. Козловъ успѣлъ отдохнуть и разобраться съ богатѣйшимъ матеріаломъ его Монголо-Сычуаньской экспедиціи, какъ онъ уже вновь протягиваетъ руку къ своему „странническому посоху“, его мечты и грезы опять понеслись въ любимую имъ Центральную Азію... Онъ уже представляетъ себя въ монгольской пустынѣ, гдѣ „въ вечерніе часы картинно играютъ отблески заката“, гдѣ маленькій лагерь его экспедиціи незамѣтно пріютился въ ущельицѣ; то онъ себя видитъ астрономомъ—наблюдателемъ ярко блестящихъ, въ прозрачномъ воздухѣ пустыни, небесныхъ свѣтилъ; то ему рисуется его любимый красавецъ Тэтунгъ, тэтунгскія высокія скалы, дѣвственные лѣса, вспоминаются незабвенныя минуты въ тѣсномъ общеніи съ Пржевальскимъ; убѣгаетъ, затѣмъ, мысль еще дальше въ его завѣтный Камъ, на Меконгъ, къ голубой, звонкой красавицѣ Бар-чю, гдѣ картины дикихъ скалъ сливаются въ дивную гармонію, гдѣ сама рѣка стремительно несется и клокочетъ пѣнистыми брызгами, гдѣ ревомъ и шумомъ стремнины заглушается самый громкій людской голосъ, гдѣ манятъ къ себѣ голубые, розовые, сиреневые ковры цвѣтовъ, гдѣ по деревьямъ прыгаютъ „мандрилы“ и гдѣ, чуть-чуть подальше, въ тиши, льются мелодичные звуки зеленыхъ всэре...

[1]) П. К. Козловъ. „Монголія и Камъ“, томъ I, часть II стр. 706 и слѣдующія.

Говоря о мечтахъ и грезахъ П. К. Козлова, сами собою приходятъ на умъ мечты и грезы Н. М. Пржевальскаго: „Грустное, тоскливое чувство, говоритъ онъ, всегда овладѣваетъ мною, лишь только пройдутъ первые порывы радостей по возвращеніи на родину. И чѣмъ далѣе бѣжитъ время среди обыденной жизни, тѣмъ болѣе и болѣе растетъ эта тоска, словно въ далекихъ пустыняхъ Азіи покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найдти въ Европѣ. Да, въ тѣхъ пустыняхъ, дѣйствительно, имѣется исключительное благо—свобода, правда, дикая, но за то ничѣмъ не стѣсняемая, чуть не абсолютная. Путешественникъ становится тамъ цивилизованнымъ дикаремъ и пользуется лучшими сторонами крайнихъ стадій человѣческаго развитія: простотою и широкимъ привольемъ жизни дикой, наукою и знаніемъ изъ жизни цивилизованной. При томъ самое дѣло путешествія для человѣка, искренно ему преданнаго, представляетъ величайшую заманчивость ежедневною смѣною впечатлѣній, обиліемъ новизны, сознаніемъ пользы для науки. Трудности же физическія, разъ онѣ миновали, легко забываются и только еще сильнѣе оттѣняютъ въ воспоминаніяхъ радостныя минуты удачъ и счастія“.

„Вотъ почему истому путешественнику невозможно позабыть о своихъ странствованіяхъ даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ дальнѣйшаго существованія. День и ночь неминуемо будутъ ему грезиться картины счастливаго прошлаго и манить: промѣнять вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временамъ непривѣтливую, но за то свободную и славную странническую жизнь“...

Двадцать пятаго мая, настоящаго года, происходило послѣднее сезонное засѣданіе Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, на которомъ предсѣдатель, патріархъ-географъ, П. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій вручилъ П. К. Козлову золотую медаль Англійскаго королевскаго географическаго общества [1]). Короткая, но очень трогательная, покрытая аплодисментами, рѣчь предсѣдателя Совѣта произвела на путешественника глубокое впечатлѣніе...

Ред.

[1]) Красивая по идеѣ и исполненію королевская медаль эта представлена здѣсь вниманію читателей.

Стихотвореніе Висковатова.

Стихотвореніе поэта Висковатова, написанное имъ 12 іюня 1830 года ко дню имянинъ своего хорошаго знакомаго:

Петру Степановичу
Капустину.

Въ *имянины* поздравляю.—
И отъ всей души желаю:
Здравія, и *много лѣтъ!*
Чтобы послѣ всѣхъ суетъ,
Ты въ своихъ поступкахъ вольный,
И спокойный, и довольный,
Былъ бы щастливъ и богатъ,
Видѣлъ радости отъ чадъ,
Отъ супруги же блаженство.—
Пусть земное совершенство
Дастъ тебѣ Небесъ—Творецъ.
Вотъ желаетъ что *пѣвецъ*,
Врагъ заморскихъ модъ, развратовъ
Сердцемъ—русской.

Висковатовъ.

Правописаніе сохранено по подлиннику.

Сообщилъ В. Рудневъ.

Обиженный край.

(СЪ КАРТОЙ).

Триста лѣтъ, матерь русскихъ городовъ, Кіевъ, управлялъ Россіею, которая въ то отдаленное время, тянулась съ сѣвера на югъ, ограничиваясь теченіями верхней Волги, Ладожскаго бассейна, З. Двиною, Днѣпромъ, южнымъ и западнымъ Бугами. Главныя силы этого русскаго достоянія находились въ населеніи теперешнихъ 8 Западно-Русскихъ губерній, включая въ это число Виленскую губернію. На востокѣ дальше Ростова, Суздаля, Смоленска, до восточныхъ границъ Сѣверскаго Княжества, не шли, сухопутно, русскіе люди; за этими границами было глухо и еще очень темно.

На западѣ были русскіе удѣлы во владѣніи потомства Владиміра Св., въ Червонной Руси, Галичѣ, въ Карпатахъ и Уграхъ, вплоть до р. Тиссы, теперешній венгерскій Комитатъ Мармарошъ. Изъ Кіева, съ береговъ Днѣпра, Русь возсіяла христіанствомъ-православіемъ; здѣсь было начало русскимъ законамъ: Русской Правдѣ; тутъ возникло просвѣщеніе со школою въ монастыряхъ и та государственность съ собираніемъ Русскихъ земель до Тмутаракани и Итиля, которая скоро родила богатѣйшій языкъ въ Словѣ о полку Игоревѣ и дало намъ свою собственную Русскую культуру, съ необъятыми теперь границами отъ Балтики до Тихаго океана и отъ Студенаго моря до Чернаго и далѣе на востокъ до Гималайскаго хребта... Вотъ эта основа теперешняго Русскаго государства, со смертью Владиміра Мономаха въ 1125 г., уже и раньше, обуреваемая войнами съ сосѣдями и борьбою за наслѣдство, сдѣлалась съ XII столѣтія театромъ большихъ потрясеній. Въ этихъ раздорахъ за

великокняжескій престолъ между Юріемъ Владиміровичемъ (долгая рука) и Изяславомъ Мстиславовичемъ принималъ живое участіе сынъ Юрія, Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, храбрый воинъ, полководецъ, въ родѣ Святослава, не разъ водившій на штурмъ свою рать. Три раза онъ изгонялъ изъ Кіева, Изяслава, но Юрій, его отецъ, считаясь Великимъ Княземъ, не имѣлъ силы, по своей бездарности, утвердиться окончательно. Андрей не разъ уговаривалъ отца бросить Кіевъ и уйти въ свои Ростово-Суздальскія земли, но упрямство Юрія брало верхъ, и междоусобія продолжались. Наконецъ Андрею Юрьевичу вся эта вражда, за первенство, больно надоѣла, да и Кіева не любилъ изъ-за этого же, и онъ удалился въ свою вотчину въ 1155 г. въ Ростово-Суздальскую землю, гдѣ долго жилъ, строивъ церкви, былъ уважаемъ народомъ за строгость, справедливость и добродѣтель, и какъ воинъ, хорошо обезпеченный матеріально, и какъ богатый князь. За это время, въ 1147 году, Юрій Долгорукій, его отецъ, основалъ Москву, будущую замѣстительницу Кіева. Въ 1157 году Юрій II скончался и снова начались соисканія и вражда за великокняжескій престолъ. Между тѣмъ Андрей, имѣвшій много сторонниковъ, какъ одинъ изъ старшихъ князей и очень сильный по своимъ владѣніямъ въ Ростово-Суздальскомъ княжествѣ, какъ человѣкъ властный и самолюбивый, не дозволявшій наступать себѣ на ногу, началъ распоряжаться въ Кіевѣ, Новгородѣ и повсюду на Руси, какъ самодержецъ, раздавая удѣлы, выгоняя князей. Если его не слушались, то онъ прямо объявлялъ, что идетъ на нихъ войною. Такъ случилось съ Кіевомъ и Новгородомъ въ 1169 г.; собравъ громадное войско, онъ двинулся съ 11 князьями-союзниками на Кіевъ, и послѣ трехдневнаго боя, Кіевъ былъ взятъ на щитъ и отданъ на разграбленіе; не пощадили даже Печерскаго монастыря, и Андрей окончательно сдѣлался великимъ княземъ всея Руси. Это-то первое самодержавіе, этотъ разгромъ до основанія Кіева, это необыкновенное возвышеніе великокняжескаго престола во Владимірѣ, вообще на востокѣ Руси, со всѣми, потомъ продолжавшимися, раздорами въ нисходящемъ поколѣніи Владиміра Мономаха, были причиною паденія связи первородной Россіи, Западнаго края, со всѣмъ организмомъ Русскаго государства, расколовшагося какъ бы на двѣ половины: на западную съ ея многочисленными удѣльными князьями и на восточную, юную еще, новую Россію, съ ея великими князьями. Хотя Кіевъ потомъ и оправился, снова отстроился, но тогда же, въ скорости, появились новые враги. Со смертью Андрея въ 1174 г. угры, половцы и въ особенности литва, начали напирать, со всѣхъ сторонъ, среди продолжавшейся вражды между

удѣльными князьями западной Россіи. Выдающихся князей и людей не было видно, край будто замеръ, омертвѣлъ и не замѣтилъ, какъ съ юга, въ 1224 г. подошелъ, съ Кавказа, новый, грозный врагъ, монголы, которые въ скорости разлились во всей Россіи, обративъ ее почти что въ мертвое тѣло, вплоть до 1481 г.; почти что 250 лѣтъ, можно сказать, она лежала, изнемогая отъ всѣхъ ужасовъ безпримѣрнаго нашествія. И въ этомъ нашествіи, Кіевъ снова, въ 1240 году, пострадалъ до основанія, до полнаго разрушенія. Татары не пощадили даже княжескихъ усыпальницъ!

Преданіе, можетъ быть ложно, передаетъ, будто папа съ его католичествомъ, не будучи въ состояніи подчинить себѣ востокъ—православіе, успѣлъ во время крестовыхъ походовъ направить своихъ патеровъ въ Китай и Монголію и убѣдить ихъ предводителя Чингисъ-хана идти на Россію и сломить ее до основанія. Матеріально, Россія была подавлена надолго, но нравственно, духовно, она продолжала жить, волокла свою исторію, хотя съ большимъ приниженіемъ.

Еще до прихода татаръ, изъ-за брачныхъ узъ русскихъ князей съ половцами, уграми, мазовшанами и литовцами, не мало пограничныхъ удѣловъ отошло къ владѣніямъ князей этихъ народовъ. Вся Угорщина, Закарпатская Русь, отошла отъ внуковъ Мономаха, обратившись въ достояніе венгровъ, и кой-какъ еще удержалось Галичское княжество при князьяхъ Даніилѣ и Романѣ, но и оно, съ прекращеніемъ династіи, было захвачено польскимъ королемъ Казиміромъ въ 1340 г. Онъ учредилъ Львовское католическое епископство и этимъ положилъ начало католичества въ Галичскомъ княжествѣ. Литва, совсѣмъ не пострадавшая отъ татаръ и уже окрѣпшая, при Кіевскихъ великихъ князьяхъ, воспользовалась погромомъ Россіи и начала исподволь присваивать себѣ земли, по сосѣдству, подчинять себѣ удѣльныхъ князей, кой-какъ еще выживавшихъ по З. Двинѣ, Нѣману, Припяти, въ теперешнихъ Виленской, Гродненской, Минской и Волынской губерніяхъ. Такъ, будто незамѣтно сформировалось къ XIV ст. новое Литовско-русское государство, въ которомъ преобладающее русское населеніе, хотя и играло главную роль, связанное православіемъ съ Кіевомъ, гдѣ продолжаетъ жить православный русскій митрополитъ, но русскій голосъ Западной Руси былъ все-таки второстепеннымъ; онъ уже болѣе не приказывалъ, а только слушался, что прикажутъ изъ Литвы!

Послѣ Куликовской битвы въ 1380 г. Литовско-русское государство могло спокойно развиваться за спиною Московской Руси, въ чемъ преуспѣвало, нападая даже на сосѣднюю Псковскую землю и

оспаривая право первенства въ крупномъ владѣніи древняго достоянія русскаго народа въ Западномъ краѣ, старшемъ, сравнительно съ новою Московскою державою. Тутъ началось политическое соревнованіе князей Литвы съ такими же Москвы. Опаснѣйшимъ врагомъ послѣдней былъ Литовско-русскій великій князь Витовтъ, тесть Василія Дмитріевича Московскаго. Три раза сходились рати и отступали, заключивъ миръ въ 1408 г., при чемъ рѣка Угра, на востокѣ Литвы, была предѣломъ ея восточныхъ владѣній.

Чтобы разсказъ нашъ былъ яснѣе, мы должны вернуться нѣсколько вспять и упомянуть о литовскомъ князѣ Гедеминѣ, язычникѣ, женатомъ два раза на христіанкахъ: Ольгѣ и Евѣ, обѣ православныя. Этотъ князь, владѣвшій Литвою по 1341 г., именовалъ себя великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ и на послѣднее имѣлъ всѣ права. Онъ упорно воевалъ съ нѣмцами и погибъ при осадѣ одной изъ нѣмецкихъ крѣпостей. Короткое раздробленіе Литвы на удѣлы, закончилось въ 1345 г., когда на престолъ вступилъ его сынъ Ольгердъ. Онъ велъ ожесточенную войну съ орденами Тевтонскимъ и Ливонскимъ, которыхъ земли опустошилъ въ конецъ. Какъ при немъ, такъ и при его отцѣ, русскіе люди, бояре, играли не маловажную роль, побѣждая татаръ и освобождая Западную Русь отъ набѣговъ и произвола. Также при немъ уже земли Кіевская, Черниговская, Сѣверская, Подолія и весь востокъ до истоковъ Оки и Угры, Сейма и по З. Бугъ, вошли въ предѣлы Ольгердовыхъ владѣній; ему уже принадлежало все пространство отъ Балтійскаго до Чернаго моря. Онъ былъ два раза женатъ на русскихъ княжнахъ и второй разъ на Іуліаніи, дочери тверского князя Александра Михайловича; но самъ онъ оставался язычникомъ и тѣло его было сожжено, по языческому обычаю въ 1377 г.

Престолъ достался въ этомъ году Ягайлѣ, Якову, рожденному отъ Іуліаніи и воспитанному въ правилахъ греческаго православія. Другіе сыновья получили во владѣніе различные удѣлы. Этотъ Ягайло, какъ натура довольно низкая, но властолюбивая и честолюбивая, очень скоро вступилъ въ распрю со своими братьями, которыхъ счастливо изгналъ изъ удѣловъ; но онъ встрѣтилъ сопротивленіе въ племянникѣ Витовтѣ. Этотъ не церемонился въ средствахъ и уступилъ ордену всѣ завоеванныя и присвоенныя себѣ земли въ Литвѣ и Жмуди, признавъ себя его вассаломъ, принялъ католичество и обосновался накрѣпко и совокупно съ орденомъ, въ Ковно. Ягайло испугался такого хода, примирился съ Витовтомъ, отдалъ ему его удѣлъ въ Жмуди, за что Витовтъ порвалъ союзъ съ орденомъ, выгналъ его изъ Ковны и сѣлъ себѣ въ своемъ удѣлѣ, почти независимымъ княземъ. Однако орденъ не желалъ такъ легко

утратить только что потерянное. Съ другой стороны Ягайло и Витовтъ, помирившись, не могли спокойно смотрѣть на рыцарей, вторгавшихся въ Жмудь и производившихъ тамъ опустошенія. Эти обстоятельства привели постепенно дѣло до столкновенія въ 1410 г. подъ Грюнвальдомъ, этотъ первый рѣшительный бой между сосѣдями, нѣмцами, и славянами съ литовцами. Нѣмцы были сокрушены навсегда; Жмудь отнята безвозвратно, но затѣмъ самое выигранное сраженіе не было использовано въ преслѣдованіи противника, и рыцари, хотя обезсиленные, продолжали жить, положивъ впослѣдствіи начало той Пруссіи, которая, разрослась при помощи Россіи въ объединенную Германію. И это на самой границѣ нашего Западно-Русскаго края! Честь Грюнвальдской побѣды приписывается всецѣло Смоленскимъ полкамъ, которые очутились въ рядахъ войскъ Витовта. Онъ въ 1395 г. обманомъ захватилъ Смоленскъ, актъ, который вплоть до XVII столѣтія былъ причиною жестокихъ побоищъ между Польшею и Москвою. Точно захватъ Смоленской земли былъ нуженъ только для того, чтобы выиграть сраженіе подъ Грюнвальдомъ.

Обращаясь затѣмъ къ личности Ягайло, необходимо разъяснить, въ чемъ же именно состояла сила этого слабаго и безвольнаго правителя? На него, со вступленія на Литовскій престолъ въ 1370 г., имѣла не малое вліяніе Римская Курія и съ нею—богатые польскіе магнаты. Они, желая избавиться съ одной стороны отъ всякаго вліянія нѣмцевъ на польскія дѣла, съ другой, добиваясь усиленія своего политико-стратегическаго положенія, повели свои дѣла для этого такъ, чтобы слить Польшу съ Литвою, выдавъ замужъ свою польскую королевну Ядвигу за Ягайло. Это имъ удалось, при чемъ послѣдній, польщенный такимъ брачнымъ союзомъ, обязался принять со всѣмъ литовскимъ народомъ католицизмъ и соединить на вѣчныя времена всѣ свои владѣнія съ Польскою короною, проживая однако жъ въ Краковѣ, гдѣ и совершился бракъ въ 1386 г. Эта династическая унія имѣла громадное значеніе на весь Западно-Русскій край, который какъ бы вошелъ въ составъ Польши, хотя въ дѣйствительности управлялся своими удѣльными князьями. Это была двойственность: съ простодушіемъ съ одной стороны и хитростью, съ подвохами, съ другой.

Пріѣхавъ въ Вильно, король и королева начали уничтожать язычество и крестить народъ по полкамъ, окропляя ихъ поголовно святою водою, давая каждому какое-либо имя и одѣвая каждаго бѣлымъ кафтаномъ, свиткою. Это было начало обращенія Литвы въ Польшу. Права некатоликовъ подвергались ограниченію, и религіозная свобода была нарушена, что породило очень скоро рознь въ

народѣ. Поляки начали вмѣшиваться въ частныя дѣла и въ жизнь, тогда какъ король все жилъ въ Краковѣ. Совокупность этихъ обстоятельствъ объяснятъ лучше всего, почему Витовтъ дѣйствовалъ противъ короля и Польши. Тѣмъ не менѣе, въ 1413 г. сеймъ въ Городнѣ, торжественнымъ актомъ, скрѣпилъ соединеніе Польши и Литвы въ одно государство и уравнялъ права литовцевъ-католиковъ съ правами польской шляхты. Вотъ это-то уравненіе правъ послужило потомъ большою приманкою для русскихъ князей и бояръ и, какъ увидимъ, отдѣлило ихъ окончательно отъ народа, оставшагося только при своемъ духовенствѣ.

Витовтъ, оставаясь удѣльнымъ княземъ Литовскимъ, заботился не мало объ огражденіи собственно Западно-Русскаго края, какъ отъ Польши, такъ и отъ Москвы и выдѣлилъ въ 1415 году этотъ край, въ церковномъ отношеніи, отъ Москвы. Для этого онъ собралъ западно-русскихъ епископовъ и настоялъ, чтобы соборомъ они избрали себѣ особаго митрополита въ лицѣ Цимблака. Такимъ образомъ православіе раскололось на западное и восточное. За тѣмъ вплоть до начала XVI ст. шли постоянные подступы со стороны поляковъ противъ Литвы, при стремленіи овладѣть Подоліею. Но это не удалось. Тѣмъ не менѣе, литовскіе великіе князья мало-помалу теряли свою власть на столько, на сколько она увеличивалась у польскихъ королей и когда великій князь литовскій Александръ въ 1501 году сдѣлался по избранію польскимъ королемъ, то уже всѣ дѣла по Польшѣ и Литовско-Русскому краю рѣшались исключительно польскимъ королемъ и разумѣется въ пользу Польши и католицизма. Потомъ съ помощью іезуитовъ, призванныхъ въ Литву и учредившихъ инквизицію, католицизмъ почувствовалъ себя дома и скоро обратился въ воинствующій, съ наступленіемъ противъ Россіи.

Династическое объединеніе Литвы съ Польшею отразилось на русской гражданственности Западно-Русскаго края и на управленіи; города получили Магдебургское право, а евреи право жительства въ этихъ городахъ. Обращеніе русскихъ церквей въ католическія было нерѣдко; такъ Ягайло, передавая въ 1412 г. перемышльскому католическому епископу церковь Іоанна Крестителя въ Перемышлѣ, разорилъ могилы русскихъ князей, выбросивъ ихъ кости изъ храма.

Польша и ея короли, увѣренные, что они въ русскихъ областяхъ ничего не смогутъ сдѣлать, несмотря на династическую унію, пока они не сломятъ вѣры русскаго народа съ его священствомъ, пока этотъ народъ будетъ стоять особнякомъ отъ католической Польши и Литвы, рѣшили объединить, соединить католичество съ православіемъ и такимъ образомъ объединить съ Польшею не только

собственно Литву, но и всѣхъ русскихъ, бывшихъ княжествъ и областей. Этотъ вопросъ одинаково и давно занималъ папу, все католическое духовенство и всѣхъ поляковъ. Наконецъ онъ разрѣшился въ Люблинѣ въ 1569 г. на общемъ съѣздѣ польскихъ и литовскихъ представителей. Новое государство было основано подъ именемъ Рѣчи-Посполитой—республика, на равныхъ правахъ, съ общимъ генеральнымъ сеймомъ въ Варшавѣ и общимъ сенатомъ. Остальные порядки остались при прежнемъ положеніи. Литва сохранила свой статутъ, сводъ мѣстныхъ законовъ, писанный по-русски, имѣла свое войско, печать, особыхъ правительственныхъ лицъ, но все это все-таки находилось въ волѣ и рукѣ польскаго короля и поляковъ, распорядителей новыхъ порядковъ Рѣчи - Посполитой. Этимъ актомъ, во всякомъ случаѣ, русскія княжества и земли были прикрѣплены чрезъ Литву къ Польшѣ и какъ слабыя части, потерявшія своихъ князей, они сопротивляться не могли; духовенство съ народомъ русскимъ стояло, будто въ сторонѣ, среди враговъ: по своему разуму, вѣрѣ и понятіямъ и со своими обычаями. По акту Люблинской уніи Волынь, Кіевщина, Брацлавское воеводство, Подляхія вошли въ составъ земель польскаго государства и его порядковъ. Православіе пока—еще только терпѣлось, но не признавалось и презиралось. Гоненія уже начались, и унія съ уніатствомъ начала дѣйствовать и проявлять себя, гдѣ только не встрѣчала прямого отпора.

Почти одновременно съ совершившеюся Люблинскою уніею, въ Литвѣ и Западно-Русскомъ краѣ отчасти, среди боярства, начало распространяться довольно быстро ученіе реформатовъ. Для противодѣйствія этому новому ученію, были призваны къ содѣйствію іезуиты, которые въ 1569 г. повели свое дѣло весьма успѣшно, не жалѣя себя. Въ Вильнѣ они учредили сначала свою школу, которую потомъ обратили въ академію, и одновременно устраивали свои школы и коллегіи въ другихъ городахъ всей Западной Руси. Одновременно они задумали обратить всю Россію въ католичество, и для этого старались всѣми силами и хитростями окатоличить сначала Западно-Русскій край, какъ форпостъ, на который напустились всѣми силами. Избраніе православнаго епископа мірянами было замѣнено патронатомъ, съ раздачею духовныхъ должностей и земель, по усмотрѣнію короны. Русское боярство, уже довольно насмотрѣвшееся на католическія привилегіи, потянулось къ этимъ патронатамъ и землямъ и невозбранно переходило въ католичество, пользуясь мірскими правами и угнетая народъ и съ нимъ его православіе, въ угоду своего чрева и перенятой у Польши непомѣрной роскоши. Католичество такимъ образомъ одолѣло не только рефор-

мацію, но истинно-русскихъ бояръ и помѣщиковъ, вообще высшій русскій классъ края. Тѣмъ не менѣе борьба продолжалась, и однимъ изъ поборниковъ православія, княземъ Константиномъ Острожскимъ, сдѣлано было не мало въ пользу русскаго народа. Онъ, какъ русскій (малорусскій) магнатъ, кіевскій воевода, родился въ 1526 г. и, получивъ соотвѣтственно времени образованіе, по своему положенію и богатству, могъ многое сдѣлать для своего народа и его вѣры. Богатство его состояло изъ 300 городовъ и нѣсколькихъ тысячъ селъ, съ громадными земельными владѣніями. Онъ въ Островѣ учредилъ православное училище; потомъ двѣ типографіи, напечаталъ библію и покровительствовалъ всякому русско-православному просвѣщенію. Онъ же принималъ участіе въ Брестскомъ соборѣ, 1596 г., какъ защитникъ русскаго народа. Этотъ соборъ былъ созванъ по поводу манифеста короля Сигизмунда III, въ которомъ коротко и просто заявлялось о соединеніи церквей, подъ своею королевскою отвѣтственностью. Короля поддерживали католическіе и уніатскіе епископы, но православные, составивъ свой соборъ, объявили всѣхъ уніатскихъ владыкъ лишенными сана, на томъ основаніи, что рѣшеніе о возсоединеніи церквей не зависитъ отъ воли короля и нѣсколькихъ епископовъ, но отъ вселенскаго собора. Такимъ образомъ Брестскій соборъ 1596 г. закончился довольно печально и началась кровавая рознь между Западно-Русскою православною церковью и уніатско-католическою, кончившаяся паденіемъ Польши въ XVIII ст.

Но возвращаясь къ князю Константину Острожскому, этому покровителю православія и русскаго просвѣщенія, отмѣтимъ, что его борьба съ католицизмомъ и за цѣлость и сохраненіе правъ литовско-русскаго народа, привела его къ дружбѣ съ княземъ Курбскимъ, къ участію въ войнѣ съ Іоанномъ Грознымъ, къ его плѣненію, житью въ Россіи, и когда, наконецъ, онъ вернулся, то католичество съ іезуитами до того овладѣли на Руси всѣмъ западнымъ русскимъ боярствомъ, что даже его два старшихъ сына приняли католицизмъ, третій былъ отравленъ слугою. Самъ онъ скончался въ 1608 году 82 лѣтъ, въ полномъ разочарованіи.

Послѣ такихъ потерь, какъ все русское боярство, защитниками православія осталось духовенство и осиротѣлый народъ. Между прихожанами этого народа былъ обычай праздновать церковный праздникъ братскимъ пиромъ, въ складчину. Участники назывались братчиками, составляя братство, братчину. Города Западно-Русскаго края, имѣя и пользуясь Магдебургскимъ правомъ со своимъ бургомистромъ и съ разными вольностями, не зависѣвшими отъ мѣстныхъ старостъ и судей, образовывали свои цехи по ремесламъ и одновременно охраняли свою вѣру, братствомъ и его обыденнымъ

правомъ по своимъ церквямъ: устраивали школы и богадѣльни, погребали умершихъ, занимались благотворительностью и имѣли для всѣхъ этихъ дѣлъ свой братскій домъ, гдѣ и собирались. До XVI ст. ихъ уставы оставались безъ измѣненій. Въ концѣ этого столѣтія Львовское братство подало примѣръ преобразованія, изъявъ пиры и цехи и замѣнивъ ихъ учрежденіемъ всесословнымъ. Обязанности остались тѣ же, но было прибавлено, что всѣ братства могутъ составить одинъ союзъ. Этотъ уставъ былъ утвержденъ Вселенскимъ патріархомъ Іоакимомъ, который Львовскому братству подчинилъ всѣ остальныя братства, съ правомъ отлученія, не исключая даже епископовъ. Для послѣднихъ это былъ ударъ, въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которые носили титулъ патроновъ, князей-епископовъ, которые не могли выносить вмѣшательства мірянъ въ церковныя дѣла, и вотъ началась борьба, которая кончилась, какъ уже было указано выше, возсоединеніемъ церквей манифестомъ Сигизмунда въ 1596 году и признаніемъ папы главою всѣхъ церквей.

Тутъ болѣе всего воспротивились такому дѣлу князь Константинъ Острожскій и виленское бѣлое духовенство открыто заявило, что весь народъ русскій уніатскихъ епископовъ признавать не будетъ, а останется при своихъ православныхъ епископахъ. Раздраженіе русскихъ усиливалось и на сеймѣ въ Варшавѣ; волынскій депутатъ Лаврентій Древинскій обратился къ королю, высказавъ ему: „уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ нѣтъ монаховъ—тамъ скотъ запираютъ; дѣти безъ крещенія умираютъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ, какъ падаль вывозятъ... народъ умираетъ безъ исповѣди, безъ пріобщенія... мертвое тѣло погребать, къ больному съ тайнами Христовыми открыто идти нельзя. Монаховъ православныхъ ловятъ на вольной дорогѣ, бьютъ и въ тюрьмы сажаютъ. Въ чины гражданскіе людей достойныхъ и ученыхъ не производятъ, потому только, что не уніаты“. Преслѣдованіе продолжалось и закончилось тѣмъ, что народъ, выведенный изъ терпѣнія, убилъ Полоцкаго епископа Іосафата Кунцевича, а трупъ его бросилъ въ Западную Двину, но католики прославили его святымъ.

Такъ какъ польскіе заправилы дѣйствовали не только по своему произволу и всякому беззаконію, но и не мало писали и проповѣдывали на своемъ и русскомъ языкахъ, то въ разрѣзъ съ такимъ же направленіемъ началъ дѣйствовать, необыкновенно способный и умный іерархъ Кіевскій, знаменитый Петръ Могила. Онъ нашелъ необходимымъ выбивать съ позиціи католиковъ тѣмъ же іезуитскимъ оружіемъ, печатью и вообще употребленіемъ одинаковыхъ съ ка-

толиками пріемовъ. Въ Кіевѣ была устроена братствомъ Богоявленская школа, которая благодаря Петру Могилѣ процвѣтала. Могила отправлялъ кромѣ того молодыхъ людей, на свой счетъ, во Львовъ, Римъ и въ другіе города въ академіи и готовилъ ихъ на всѣ посты противодѣйствія іезуитамъ. Кіевская академія, которою очень занимался Петръ Могила, готовила учениковъ къ проповѣди и къ диспутамъ, и ея ученики были лучшими духовными писателями второй половины XVI в. и до конца XVII в.

Петръ Могила происходилъ изъ богатаго рода молдавскихъ господарей, которымъ въ 1612 г. пришлось бѣжать въ Польшу, гдѣ у нихъ были знатные родственники. Въ Львовскомъ братскомъ училищѣ П. Могила получилъ основательное образованіе въ строго православномъ духѣ и тутъ же изучилъ іезуитовъ и унію, къ которымъ относился враждебно; впослѣдствіи онъ воспользовался ихъ пріемами для противодѣйствія католикамъ. Закончивъ свое образованіе, онъ много путешествовалъ и слушалъ лекціи въ разныхъ университетахъ, владѣлъ древними языками въ совершенствѣ. Въ 1627 году онъ былъ избранъ Кіево-Печерскимъ архимандритомъ и тогда выступилъ открыто противъ враговъ православія. Въ 1631 г. онъ устроилъ для этого особое училище для преподаванія свободныхъ наукъ на греческомъ, славянскомъ и латинскомъ языкахъ. Въ 1632 г., онъ, какъ представитель Кіевлянъ въ Варшавѣ, при избраніи въ короли Владислава, выхлопоталъ равноправіе православнымъ, наравнѣ съ уніатами. Тогда же его избрали митрополитомъ Кіева, что состоялось во Львовѣ въ 1633 г. Возвратившись въ Кіевъ, онъ приступилъ къ утвержденію православія отстройкою и устройствомъ православныхъ церквей и отобраніемъ уніатскихъ, въ томъ числѣ Софійскаго собора. Также онъ же открылъ и очистилъ отъ развалинъ Десятинную церковь.

Особое вниманіе Петръ Могила обращалъ на вполнѣ устроенную имъ для академіи школу Могилянскую, изъ которой потомъ повыходило не мало православныхъ поборниковъ и вѣры русскаго народа. Онъ скончался въ 1647 г., оставивъ по себѣ, какъ поборникѣ православія, лучшія воспоминанія въ народѣ и исторіи.

Съ постепеннымъ присвоеніемъ Польшею русскихъ земель и введеніемъ въ нихъ польскаго законодательства, со всякими привилегіями для католиковъ, признающихъ только польское право распоряжаться и владѣть землею, все русское погибло изъ столѣтія въ столѣтіе, и уже обѣднѣвшія княжескія семьи, бояре-дворянскіе роды, члены княжеской дружины, успѣли войти въ составъ шляхты. Всѣ крестьяне къ концу XVI вѣка уже находились въ положеніи рабовъ и хлоповъ, зависѣли всецѣло отъ воли своего

пана и ополяченіе русскаго шляхетства пошло впередъ быстрыми шагами. Некатоликамъ не предоставлялось никакихъ коронныхъ должностей. Для этого пошли въ дѣло такія мѣры, какъ лишеніе чести и покровительства законовъ, а съ другой стороны награды въ разныхъ видахъ, до владѣнія доходными имѣніями и покорнымъ хлопомъ. Ко второй половинѣ XVII вѣка, русская шляхта забыла свой языкъ и вѣру. Эта причина оттолкнула отъ нихъ народъ, а одновременно разразилось среди пановъ что-то въ родѣ болѣзни, небывалая дотолѣ роскошь. Сеймы, т. е. польскіе съѣзды, на которыхъ рѣшались всякія государственныя дѣла, и гдѣ каждый себя воображалъ королемъ, имѣлъ право, своимъ несогласіемъ срывать сеймы, были настоящими праздниками-маскарадами, гдѣ каждый хотѣлъ перещеголять другого. За одно столѣтіе съ 1545—1646 г., было такимъ образомъ сорвано 8 сеймовъ однимъ несогласнымъ голосомъ. На сеймъ пріѣзжали въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, туркомъ, венгерцемъ, итальянцемъ, шотландцемъ, русскимъ бояриномъ, казакомъ, индѣйцемъ и все это, со свитою, также разряженною, въѣзжало верхомъ въ Варшаву, среди многочисленной публики, рукоплескавшей выдающимся всадникамъ съ ихъ свитою. Убранство однихъ коней, ихъ сбруя, сѣдловка, съ драгоцѣнными камнями, стоило цѣлое староство—волость. Нужно же было взять откуда-нибудь деньги, за такую роскошь и она набиралась отъ крестьянъ: 5 дней работы на пана и 2 на себя; за улей, вола, помолъ, они также платили отдѣльно. Но и этого было мало и окатоличенная русская шляхта равно, какъ пришлые поляки, нашли справедливымъ войти въ тѣсныя сношенія съ евреями и армянами, которымъ сдавали православныя церкви въ аренду. И началъ этотъ беззащитный народъ платить за входъ въ свою церковь при крещеніи, за вѣнецъ, погребеніе, за исповѣдь и за всякое богослуженіе, своего рода церковную пошлину. Церкви сдавались паномъ въ аренду еврею, который за это уплачивалъ пану дорого, но за тѣмъ былъ какъ бы собственникомъ церкви. И полуголодный безъ того народъ терялъ такимъ образомъ послѣднее, свою душу, вѣру, обращаясь дѣйствительно въ скотъ, быдло, и онъ ненавидѣлъ своихъ пановъ, чувствовалъ глубоко это иноземное порабощеніе и началъ толпами уходить, бѣжать въ привольныя южныя и западныя степи, гдѣ въ то время хозяевами были Запорожцы и малороссійскіе казаки. Эти казаки, возникая на востокѣ Польши, какъ бы для охраны ея земель отъ турокъ и Крымскаго хана, при Сигизмундѣ I въ 1516 г. получали свои привилегіи на вольное владѣніе землями. Сигизмундъ II поставилъ ихъ подъ началомъ гетмана, а Стефанъ Баторій далъ имъ оконча-

тельное устройство, раздѣливъ ихъ на полки, которые сами избирали себѣ гетмана, утверждаемаго королемъ, и ввелъ еще другіе, нужные для управленія, порядки. Гетманъ производилъ въ чины, имѣлъ власть суда и расправы и пользовался знаками гетманскаго достоинства: имѣлъ знамя, бунчукъ, булаву, печать съ особымъ гербомъ. Эти казаки, комплектуясь изъ года въ годъ недовольными изъ народа, жили въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волынской, Полтавской и еще восточнѣе, въ Свободской Украйнѣ, въ нынѣшней Харьковской и Черниговской губерніяхъ. Они жили въ городахъ и на своихъ земляхъ имѣли свои сотни, но главное ихъ управленіе находилось на островѣ Хортицѣ, на Днѣпрѣ и было основано княземъ Дмитріемъ Вишневецкимъ. Этотъ центръ, крѣпость на водѣ, назвалась Запорожскою сѣчью. Казаки впослѣдствіи были частехонько причиною ссоры съ Турціею за самовольные и дерзкіе набѣги на турецкія земли. Польша усмотрѣла въ этомъ большую для себя опасность и потому, еще при концѣ жизни Стефана Баторія, весь составъ казаковъ былъ ограниченъ до 6 тысячъ человѣкъ, а всѣ остальные были причислены къ сословію посполитовъ, крестьянъ. Это очень имъ не понравилось, въ особенности бывшимъ хлопамъ, и начались кровавыя возстанія въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣковъ. Это возстаніе слилось, совпало съ гоненіемъ за православную вѣру во всемъ казачествѣ. Недовольные собирались, формировали куты, выбирали себѣ гетмана и производили страшныя нашествія, опустошенія и убійства, среди пановъ, поляковъ, католиковъ и евреевъ. Интересы казаковъ частью слились съ понятіемъ о русской свободѣ и ея народности. Хотя Польское государство оставалось подъ конецъ побѣдителемъ и расправлялось съ гетманами и казаками болѣе, чѣмъ сурово, но возстанія возобновлялись. Напрасно въ 1597 г. гетмана Наливайко сожгли въ мѣдномъ раскаленномъ быкѣ, да и другіе гетманы: Павлюкъ, Остраница, Гуня и другіе испытали не лучшій конецъ, казачество не унималось и народило Богдана Хмельницкаго, который и покончилъ это дѣло блестящимъ образомъ.

Получивъ очень основательное воспитаніе въ Ярославлѣ Галицкомъ у іезуитовъ, Богданъ Хмельницкій, въ бояхъ съ турками, отличался познаніями военнаго дѣла и когда обидѣли его поляки, избивъ плетьми его десятилѣтняго сына, который отъ этого скончался, Хмельницкій ушелъ въ Запорожье, поклявшись отомстить полякамъ, кровно, за себя и народъ. Попутно онъ побывалъ въ Крыму у хана Исламъ-Гирея и заключилъ съ нимъ союзъ, для совмѣстнаго нападенія на Польшу. Гетманъ Николай Потоцкій, освѣдомленный о какомъ-то движеніи казаковъ, двинулся съ вой-

скомъ въ Украйну, но встрѣченный Хмельницкимъ у Желтыхъ водъ, а потомъ у Корсуни, въ 1648 г. потерпѣлъ полнѣйшее пораженіе съ плѣненіемъ польскихъ гетмановъ. Объявленіе этихъ побѣдъ универсаломъ во всѣхъ казачьихъ станицахъ подняло всю Русскую Украйну. Образовались, помимо казачьихъ полковъ, гайдамацкіе загоны, которые стали сурово расправляться съ поляками, шляхтою, католиками, ксендзами и евреями. Рѣзня приняла ужасающіе размѣры; оборонялся еще кой-какъ Вишневецкій, приговаривая: „мучьте казаковъ, русскихъ, такъ, чтобы они чувствовали, что умираютъ". Польскій сенатъ образовалъ ополченіе изъ шляхты, но подъ Пилавцами, это войско бѣжало, оставивъ казакамъ 120 т. повозокъ и весь свой лагерь. Хмельницкій пошелъ отсюда въ Галицію, взялъ со Львова выкупъ и вторгнулся въ Польшу, подступивъ къ Замостью. Въ это время вступилъ на престолъ Владиславъ IV, который извѣстилъ Хмельницкаго о своемъ восшествіи на престолъ и потребовалъ вступить въ переговоры. Остановивъ свое наступленіе, Хмельницкій отправился въ Кіевъ, помолиться за одержанныя побѣды, гдѣ его встрѣтили со всѣми народными почестями, а затѣмъ начались переговоры въ Переяславѣ. Казачьи условія состояли въ томъ, чтобы уніи не было на Руси; чтобы Кіевскій митрополитъ занялъ мѣсто въ Варшавскомъ сеймѣ; чтобы гетманъ зависѣлъ только отъ короля, и чтобы евреи были немедленно изгнаны изъ всей Украйны. Условія эти не были приняты сеймомъ, и снова началась война, при чемъ самъ король сталъ во главѣ польскаго войска, но подъ Зборовомъ онъ потерпѣлъ полное пораженіе и вышелъ изъ плѣна только тѣмъ, что подкупилъ хана Гирея принять его сторону. Начавшіеся послѣ сего переговоры не удовлетворили обѣ стороны; но новая война уже не шла въ пользу казаковъ, время было упущено, да и Крымцы были на сторонѣ Польши. Неудачныя для Хмельницкаго сраженія подъ Берестечнымъ, а потомъ подъ Бѣлою Церковью дали поводъ королю установить число казаковъ по всей Украйнѣ, только въ 20 т., что возмутило все казачье сословіе и народъ двинулся толпами въ Свободскую Украйну, нынѣ Харьковскую губернію.

Еще въ 1620 г., гетманъ Сагайдачный просилъ Царя Михаила Ѳеодоровича принять Украйну, казачество, въ свое подданство, но Россія, только что оправлявшаяся тогда, этого сдѣлать, безъ войны съ Польшею, не могла, и потому отвергла предложеніе посольства.

Теперь Хмельницкій въ 1653 г. снова обратился къ Москвѣ, уже при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, пояснивъ, что турецкій султанъ готовъ принять казачество въ свое подданство и что не ми-

новать Украйнѣ быть въ бусурманскихъ рукахъ. А такъ какъ Польша не хотѣла признать царскаго титула, и переговоры объ этомъ велись давно неуспѣшно, то посольство Хмельницкаго было принято милостиво Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и въ 1654 г. отправленъ былъ въ Переяславль посолъ Бутурлинъ. На радѣ, собранной въ Переяславѣ, Хмельницкій объявилъ народу и казакамъ, что Малороссіи нуженъ сильный покровитель, и что такого они могутъ имѣть только въ восточномъ, православномъ Царѣ, одной съ съ ними вѣры. Народъ, рада въ одинъ голосъ, закричалъ: „волимъ подъ Царя восточнаго“ и тутъ же присягнулъ на вѣрноподданство, принявъ всѣ условія и получивъ разрѣшеніе имѣть по счету 60 т. вооруженныхъ казаковъ.

А въ Москвѣ тѣмъ временемъ Царь созвалъ земскій соборъ, обсудить это дѣло. Было единогласно принято: подданство казаковъ и объявленіе войны Польшѣ за Царскій титулъ и въ защиту православной Украйны.

Царь самъ повелъ свое войско, разославъ по Литвѣ призывныя грамоты. Смоленскъ, Могилевъ, Витебскъ, Полоцкъ были скоро заняты, и польскіе воеводы клали знамена предъ Царемъ; далѣе были заняты Вильно, Ковно, и Царь дошелъ счастливо до Гродно, гдѣ торжественно принялъ титулъ Великаго Князя Литовскаго. Но вслѣдъ за этимъ пришла вѣсть, что въ Москвѣ и во всемъ государствѣ свирѣпствуетъ зараза, черная оспа. Царь поспѣшилъ въ Москву и начались переговоры съ Польшею въ Вильнѣ. Хмельницкій въ это время удачно дрался въ Украйнѣ и уже успѣлъ перенести войну въ самую Польшу, гдѣ наступалъ съ большимъ успѣхомъ.

Вмѣшательство Швеціи въ русско-польскую распрю, неожиданныя волненія въ самой Малороссіи, а главное моръ отъ заразы, внутри Россіи и потому нѣкоторое и тутъ волненіе, вынудили Царя Алексѣя Михайловича искать мира, который и былъ заключенъ въ Андрусовѣ въ 1667 г. Хмельницкій волновался, просилъ продолженія войны, мечталъ объ освобожденіи отъ ляховъ не только Малороссіи, но и всей Украйны, но онъ не былъ услышанъ и вскорѣ скончался. Россія по Андрусовскому миру получила Кіевъ и сегобочную, т. е. лѣвую сторону Днѣпра, но отказалась отъ Литвы. Насталъ новый періодъ: укрѣпленіе Руси и паденіе Польши, послѣ этого въ сущности, перваго раздѣла, отнятіе у нея съ боя русскихъ великокняжескихъ земель отъ Смоленска до Кіева и до устьевъ Днѣпра, т. е. части Могилевской земли, Сѣверскаго Княжества, Малороссіи и матери русскихъ городовъ—Кіева.

До 1704 г. жизнь русскаго народа въ Западно-Русскомъ краѣ,

по правой сторонѣ Днѣпра, оставалась такою же неутѣшною, хлопскою, животною, какою была со времени начала XVI ст.: смерть, по произволу пана! Союзъ Петра В. съ Августомъ II польскимъ вновь познакомилъ, сблизилъ Москву, русскихъ людей, съ литовцами и бѣлоруссами. Петръ, желая поддержать короля Августа, двинулъ свои войска къ З. Двинѣ; овладѣвъ Курляндіею, Петръ занялъ Вильну и остановился въ Гроднѣ съ арміею въ 35 т. человѣкъ. Уѣзжая оттуда въ Москву, Петръ вручилъ Августу почетное командованіе русскими войсками.

Въ 1706 г. Августъ, съ прибытіемъ къ Гроднѣ Карла XII, отретировался съ 4-мя своими полками въ Саксонію. Карлъ XII по недостатку съѣстныхъ припасовъ, всталъ на широкія квартиры, верстахъ въ 70 отъ Гродно. Тогда Петръ приказалъ своей арміи отступить къ Кіеву. Какъ союзникъ Августа, Петръ распоряжался въ этомъ походѣ, какъ бы въ своей странѣ, чему очень способствовалъ языкъ, вѣра, понятные жителямъ и русскому войску. Уніатство все-таки сохранило по преимуществу православный обликъ и потому не препятствовало дружелюбію населенія къ единоязычному съ нимъ русскому войску. Карлъ не отважился преслѣдовать русское войско, изъ-за обширныхъ болотныхъ пространствъ и оставался въ Гродно до 1708 г., откуда двинулся въ Могилевъ, гдѣ поджидалъ подкрѣпленія изъ Лифляндіи подъ предводительствомъ Левенгаупта. Отъ сильныхъ и безпрестанныхъ передвиженій, армія Карла XII была очень изнурена и ослаблена и, будучи частично разбита княземъ Голицынымъ у села Добраго, при ея передвиженіи на Мстиславль, вынудила Карла XII двинуться къ югу, въ Украйну, въ надеждѣ найти союзника въ гетманѣ Мазепѣ, измѣнившемъ Петру. Карлъ XII надѣялся найти кромѣ того тамъ все необходимое для продолженія войны: продовольствіе въ благодатной Малороссіи. Онъ дошелъ до Полтавы. Но за это время Петръ, узнавъ о движеніи Левенгаупта къ переправѣ на р. Сожѣ, остановился у д. Лѣсной, близъ Пропойска, и тутъ разбилъ его на голову, при чемъ ему досталась вся артиллерія и всѣ запасы. Шведы потеряли до 10 т. человѣкъ убитыми.

Украйна и Малороссія между тѣмъ не очень-то вѣрили и надѣялись на Мазепу и весь-то его отрядъ казаковъ не превышалъ 6 т. человѣкъ. Поляки и турки также не откликнулись на призывъ Карла XII. Вмѣсто Мазепы, когда стало извѣстно о его измѣнѣ, былъ избранъ въ гетманы Скоропадскій. Карлъ XII осадилъ Полтаву, которая не сдавалась. Къ ней на выручку поспѣшилъ Петръ В. и тутъ 27 іюня 1709 года свершилось кровавое скрещеніе оружія, при чемъ Карлъ XII былъ совершенно разбитъ, и вся его армія со

всѣми трофеями досталась Петру В. Остатки арміи сдались при Переволочнѣ. Карлъ XII съ Мазепою спаслись какимъ-то чудомъ, переправившись чрезъ Днѣпръ въ турецкія владѣнія.

О жизни Западно-Русскаго народа подъ властью Польши, за весь этотъ періодъ приходится мало что сказать, прибавить къ тому, что уже было высказано раньше: улучшеній не было; зависимость отъ пана, католика и еврея продолжалась, и крестьяне жили почти что впроголодь, по всей Бѣлоруссіи. Въ Литвѣ было нѣсколько легче, такъ какъ всѣ литовцы были со временъ Ягайло католики. На югѣ, гдѣ, какъ въ Подоліи, землѣ, текущей млекомъ и медомъ, было гораздо легче: постоянный обильный урожай возмѣщалъ тощій крестьянскій, на себя, трудъ. А Кіевъ съ его настойчивостью къ школьному образованію, а затѣмъ поддержка со стороны братствъ въ приходахъ, какъ и воспоминаніе о казатчинѣ и нѣкоторое со стороны запорожцевъ воздѣйствіе, умѣряли силу и власть пановъ и ксендзовъ, но и это было въ очень минимальной степени. Холопство, рабство съ притѣсненіями чувствовались вездѣ больно. Россія въ это время хотя и не была слаба, но у нея вплоть до воцаренія Елизаветы Петровны дѣло шло больше о внутреннихъ дѣлахъ и порядкахъ, о войнѣ то съ Турціею, то со Швеціею и вообще не дошло еще время до защиты своихъ. Но, то вѣрно, что Сѣверная война, Петръ Великій имѣли большое вліяніе на все Бѣлорусское населеніе. Одно уже то, что не знали, кого признавать за короля: Августа II, союзника Петра или Лещинскаго, ставленника Карла XII. А шляхта за это время совсѣмъ распустилась и народу безправному жилось тяжелѣе, чѣмъ прежде, и имъ повелѣвали чужіе государи, но которымъ этотъ народъ по страшной бѣдности ничего не давалъ или очень мало; все подвозилось съ обѣихъ сторонъ. Сама Польша начала видимо разлагаться, такъ какъ Карлъ XII, преслѣдуя Августа II до Саксоніи, бралъ съ населенія что могъ, огнемъ и мечомъ. Со смертью Августа II, въ 1733 г., въ польскія дѣла вмѣшалась Франція, и Августу III былъ предпочтенъ въ Варшавѣ Ст. Лещинскій, котораго дочь Марія была замужемъ за Людовикомъ XV. Но съ приближеніемъ къ Варшавѣ русскихъ войскъ, подъ предводительствомъ Ласси, въ защиту Августа III, и изъ-за обѣщаній, данныхъ Россіи, отдать ей Курляндію и Лифляндію, Лещинскій благоразумно и спѣшно удалился въ Данцигъ и Августъ III окончательно утвердился на тронѣ.

Народъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ не принималъ никакого участія, Литовско-русскій край зналъ твердо, что всѣ эти поляки, католики, шляхта, его отъявленные враги и угнетатели. А шляхта, раздѣлен-

ная на партіи и чувствовавшая себя прекрасно въ своихъ имѣніяхъ съ неограниченною властью, мало подумывала о государствѣ! Сеймы то и дѣло разъѣзжались, разгонялись, династія смѣнялась, повсюду была полная дезорганизація, а польское войско не существовало, такъ какъ шляхта, обязанная его собирать и кормить, находила это убыточнымъ дѣломъ, труднымъ: въ солдаты вѣдь шли только изъ подъ палки, а не съ убѣжденіемъ, защищать свое отечество. Распадъ былъ полный... Такъ продолжала жить Польша до вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II въ 1762 г.

Для возстановленія порядка въ Польшѣ и Варшавѣ, для поддержки на тронѣ Августа III, русскій посолъ Репнинъ призвалъ въ самую Варшаву русскія войска, которыя охраняли въ столицѣ Польши порядокъ и стояли на стражѣ около короля. Такъ тянулось дѣло до смерти Августа III въ 1763 г., когда снова возникъ споръ, кому царствовать? Саксонскую династію поддерживали Австрія съ Франціею, а Екатерина II и Фридрихъ II, стояли за династію Пястовъ и указывали на Станислава Понятовскаго, за котораго стояла сильная польская партія во главѣ съ Чарторыйскимъ. Сеймъ 1764 г., подъ страхомъ присутствія въ Варшавѣ русскихъ войскъ, послѣ бурныхъ преній, избралъ въ короли Ст. Понятовскаго. Какъ только это случилось, русскій посолъ, князь Репнинъ, немедленно поднялъ старый вопросъ, со времени еще Хмельницкаго, о диссидентахъ, т. е. некатоликахъ, положеніе которыхъ за все XVIII ст., было болѣе чѣмъ печальное: православныя церкви съ ихъ прихожанами обращались не спросясь въ уніатскія, православное духовенство преслѣдовалось, русскіе люди не могли занимать коронныхъ должностей и не допускались на сеймы; ихъ подчиняли католическому церковному суду и они терпѣли всякаго рода униженія и оскорбленія. Такими же несправедливыми мѣрами ополяченія, поляки-католики относились къ лютеранамъ, и Фридрихъ II присоединился къ требованіямъ Екатерины II о дарованіи диссидентамъ равноправія съ католиками. На сеймѣ польскій отказъ едва не дошелъ до кровавой расправы, и князь Репнинъ получилъ указаніе вызвать диссидентовъ къ открытой борьбѣ, для чего составить конфедерацію, которую поддержитъ Россія. Чрезъ годъ составились въ Слуцкѣ и Торнѣ двѣ конференціи: русско-православная и польско-лютеранская. За католиковъ заступался папа и шелъ противъ диссидентовъ, епископъ Солтыкъ работалъ день и ночь надъ воззваніями къ католикамъ. Князь Репнинъ арестовалъ Солтыка съ его сообщниками и отослалъ ихъ въ Россію. Эти мѣры заставили сеймъ подписать въ 1768 г. трактатъ, по которому давалась свобода вѣроисповѣданія диссидентамъ, уравнивались политически-гражданскія ихъ права съ

католиками и разрѣшались смѣшанные браки. Диссидентскія конфедераціи были затѣмъ распущены, а русскія войска ушли изъ Варшавы къ границѣ. Какъ только это свершилось, шляхтичи Красинскій и Пухальскій очень скоро составили, съ своей стороны, польско-католическую конфедерацію въ Барѣ на Подолѣ, съ цѣлію дѣйствовать какъ противъ постановленія сейма и трактата, такъ и открыто, противъ диссидентовъ и, свергнувъ Понятовскаго, снова возвести на престолъ Саксонскую династію. Тогда польскій сенатъ обратился къ Екатеринѣ, какъ къ поручительницѣ въ сохраненіи трактата и установленнаго порядка, съ просьбою усмирить не прошенныхъ шляхетскихъ конфедератовъ. Кн. Репнинъ снова вернулъ съ границы русскія войска, въ числѣ 20 т. подъ начальствомъ Кречетникова, противъ которыхъ Барская конфедерація не имѣла силъ бороться и очень скоро Баръ, Краковъ, Люблинъ, Бердичевъ, были очищены, а шайка конфедератовъ спаслась, кто какъ могъ, въ Венгрію и Силезію. Тогда польскіе конфедераты обратились за помощью къ Франціи, которая послала имъ, въ качествѣ организатора, капитана Дюмурье. Но оказалось, по словамъ послѣдняго, что войско конфедератовъ, до 17 т. всякаго сброда, ничего не стоило, было только конное, при томъ оно больше грабило, чѣмъ умѣло дѣйствовать, а шляхта, съ ея предводителями, до того мало знала военное дѣло и такъ увлеклась роскошью, да разгульною жизнью, что о серьезномъ сопротивленіи русскимъ войскамъ не могло быть рѣчи, и Дюмурье, разочарованный, поспѣшилъ возвратиться восвояси, оставивъ въ наслѣдство свои записки о раззореніи Польши.

Но затѣянная Барская конфедерація откликнулась во всей Украйнѣ, произведя религіозное волненіе въ народѣ. Взялись за оружіе запорожцы и всѣ казаки. Въ числѣ ихъ очутился казакъ Желѣзнякъ и его помощникъ Гонта и началась по всей Украйнѣ, въ особенности съ Подола, рѣзня католиковъ, уніатовъ, ксендзовъ и жидовъ, которая въ Умани выразилась страшною катастрофою: Гонта вырѣзалъ всѣхъ жителей и наполнилъ колодцы трупами дѣтей этихъ жителей. Въ Балтѣ были умерщвлены всѣ евреи; но когда казакъ Шило со своими ушелъ изъ Балты, то съ пограничнаго и сосѣдняго турецкаго мѣстечка Галты, турки и евреи напали на православное населеніе Балты и зажгли его. Шило вернулся и разорилъ Галту дотла. Такимъ образомъ въ это дѣло невольно замѣшалась Турція и хотя Кречетниковъ положилъ конецъ этому гайдамацкому своеволію, но Турція, подстрекаемая Франціею, нашла поводъ къ войнѣ. Крымскій ханъ, по приказанію изъ Константинополя, вторгся въ русскія владѣнія и опустошилъ Новую Сербію, а русскій посолъ Обрезковъ былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ. Началась,

значитъ, война съ Турціею изъ-за Барской конфедераціи. Хотя побѣды при Ларгѣ и Кагулѣ подъ начальствомъ Румянцева, а потомъ Чесменскій бой, еще въ 1770 г. доставили большую славу русскому войску и его Государынѣ, но Турція не уступала и, лишившись наконецъ Крыма въ 1771 г., все-таки продолжала войну, не соглашаясь на условія побѣдителя. А Екатерина желала мира, но не могла его добиться. Между тѣмъ національная партія въ Польшѣ, усмотрѣвъ гибель всего королевства, домогалась наслѣдственнаго короля и уничтоженія правъ сейма на liberum veto, по которому всякій шляхтичъ могъ сорвать сеймъ своимъ: не дозволимъ. Но для этого нужно было согласіе Россіи, на основаніи трактата 1768 г. о диссидентахъ. Это было невыгодно Россіи. За то Польша съ сеймомъ и королемъ по всѣмъ пунктамъ отказались отъ всякихъ переговоровъ и услугъ со стороны Россіи, и обратились за помощью къ державамъ. Откликнулась Австрія, которая стала на сторону турокъ. Пруссія отклонила всякую помощь. Франція была далеко и сама уже клонилась, если не къ упадку, то къ внутреннему безпорядку и неурядицѣ.

Екатерина II, нуждаясь, наконецъ, въ мирѣ, обратилась къ Фридриху II и предложила ему союзъ противъ Австріи, но Фридрихъ повернулъ дѣло по своему разумѣнію, устраняя Турцію и указывая на удовлетвореніе Россіи за счетъ разлагавшейся до основанія Польши. Эта комбинація улыбнулась Екатеринѣ II, и она изъявила свое согласіе, чему не противорѣчила и Австрія.

Такимъ-то образомъ состоялся первый раздѣлъ Польши въ 1773 г. Россія получила Полоцкъ, Витебскъ, Оршу, Могилевъ, Мстиславль, Гомель съ населеніемъ въ 1.600.000. Австрія взяла Галицію съ населеніемъ въ 2.500.000 жителей, Пруссія—Померанію и часть Великой Польши. Такимъ образомъ подъяремная Галиція попала изъ полымя да въ огонь, изъ польскихъ лапъ въ австрійскія, въ которыхъ пребываетъ и понынѣ.

Послѣ этого поляки задумались о своей судьбѣ и угрожающихъ опасностяхъ. Составилась польская преобразовательная партія, которая въ виду того, что король Понятовскій бездѣтенъ, установила законъ о наслѣдственномъ престолонаслѣдіи въ лицѣ саксонскаго дома съ властью исполнительною и съ отмѣною liberum veto и съ установленіемъ сейма только съ большинствомъ голосовъ. Конфедераціи, какъ противузаконныя, воспрещались. Это постановленіе подъ названіемъ конституціи 3 мая 1791 г. просуществовало не долго, такъ какъ противники ея, русская партія, образовавъ конфедерацію въ Тарговицѣ, обратились къ Екатеринѣ, прося ее возстановить порядокъ, согласно договора 1768 г. На по-

мощь Тарговицкой конфедераціи пришла 100 т. русская армія, подъ начальствомъ Каховскаго и Кречетникова. Тогда поляки обратились къ Фридриху II и просили защиты, но ихъ ходатайство было отклонено на томъ основаніи, что они приняли новую конституцію, безъ его вѣдома. Польское войско, находившееся въ Литвѣ, отступало безъ боя. Племянникъ короля, Іосифъ Понятовскій, и генералъ Ѳаддей Косцюшко были разбиты, послѣдній на р. З. Бугѣ подъ Дубенкой. Король Станиславъ-Августъ IV, по требованію Екатерины II, долженъ былъ признать Тарговицкую конфедерацію законною; она-то собралась въ Гродно на сеймъ, куда также, по настоянію русскаго уполномоченнаго Сиверса, пріѣхалъ король для открытія чрезвычайнаго сейма. Сиверсъ потребовалъ уступки Россіи: Волынскую, Минскую и Подольскую губерніи, включительно и тылъ — всю Кіевскую губернію, съ 3 м. населенія. Послѣ небольшого колебанія уступка этихъ земель Россіи была принята, а то, что требовала Пруссія, отвергнуто и сочтено за насиліе. Тутъ же король далъ обѣщаніе безъ согласія Россіи ни съ кѣмъ не воевать и договоровъ не заключать и ограничиться арміею въ 15 тыс. человѣкъ. Одновременно была занята Варшава русскими войсками подъ начальствомъ Игельстрома въ 1793 г.

Но на этомъ польскіе патріоты не могли помириться и войдя въ сношеніе съ Франціею, съ ея комитетомъ общественной безопасности, обѣщавшимъ имъ помощь, начали подготовленіе къ возстанію подъ предводительствомъ, съ властью диктатора, Ѳаддея Косцюшко. Началось съ Кракова, откуда русскія войска должны были поспѣшно выступить. Тогда возстала Варшава, ночью, спящіе русскія войска были атакованы и потеряли до 2 т. человѣкъ убитыми. Игельстромъ едва спасся. Но при Холмѣ уже генералъ Зайончикъ былъ разбитъ, а Вильна тѣмъ временемъ была занята русскими войсками, по приказанію Румянцева-Задунайскаго. Одновременно спѣшили къ Варшавѣ Суворовъ съ Украинскою арміею, при чемъ на пути онъ разбилъ поляковъ дважды. Одновременно Ферзенъ подъ Маціевицами, въ 12 миляхъ отъ Варшавы, разбилъ, ранилъ и загналъ Косцюшко съ его кавалеріей въ болото, гдѣ взялъ всѣхъ въ плѣнъ. Косцюшко тогда, бросивъ саблю, воскликнулъ: Finis Poloniae! Варшава послѣ этого сдалась Суворову безъ боя, но послѣ взятія приступомъ предмѣстья Праги. Послѣ этого произошелъ 3-й раздѣлъ Польши, при чемъ Россіи досталось вся Литва и Курляндія. Король Понятовскій отказался отъ престола и поселился въ Гроднѣ. Съ тѣхъ поръ весь Западно-Русскій край сдѣлался русскимъ краемъ. Его Екатерина II не завоевала, а, какъ она выражалась, возвратила Россіи, какъ край съ чисто русско-литовскимъ населеніемъ, ото-

рваннымъ отъ Россіи за время раздоровъ за удѣлы и татарскимъ погромомъ.

Одновременно пришлось Екатеринѣ II подумать о своевольствѣ казаковъ на Украйнѣ, о гайдаматчинѣ, о Запорожцахъ, которые не переставали грабить, своевольствовать въ Турціи, на Украйнѣ и въ степяхъ, заселяемыхъ русскимъ народомъ. Граница наша изъ-за нихъ была въ постоянномъ волненіи. Для достиженія покоя князь Потемкинъ счелъ нужнымъ уничтожить прежде всего гнѣздо своевольства—Запорожскую сѣчь. Это началось съ 1775 г. и закончилось въ 1783 году. Запорожцы должны были уйти съ ихъ насиженныхъ мѣстъ, въ Хортицѣ, а съ ними и не мало казаковъ въ другихъ губерніяхъ. Часть ихъ спаслась или удалилась къ султану; это были все теперешніе Некрасовцы, которые нынѣ возвращаются въ Россію. Другіе поселились въ Новой Россіи на общихъ правахъ; изъ наибольшей части составилось новое казачество, поселенное около Азовскаго и Чернаго морей и на острову Фанагорія, подъ названіемъ Черноморскихъ казаковъ, нынѣшняя Кубанская область, сослужившая Россіи, на Кавказѣ, хорошую службу. Возстанія и грабежъ въ Малороссіи и Украйнѣ со своевольствомъ улеглись этою мѣрою, и поляковъ послѣ этого уже мало тревожили, они зажили опять своею жизнью, подъ покровительствомъ русской короны. Отмѣтимъ тутъ, что несмотря на разгромъ и выселеніе Запорожцевъ, казаковъ, предковъ современниковъ Хмельницкаго и Полтавскаго погрома, многія казачьи семейства остались жить, изъ-за своего имущества, на своихъ мѣстахъ. Всѣхъ ихъ зачислили въ крестьянское сословіе, хотя бы и вольное. Эти-то казаки-крестьяне Украйны, Малороссіи и даже Свободской Украйны Харьковской губ. живутъ на своихъ мѣстахъ понынѣ, въ мѣстечкахъ и околицахъ. Отличаясь отъ крестьянства большею зажиточностью, они носятъ свою своеобразную казачью одежду, брѣются, крѣпко православные, съ русскимъ духомъ, предпріимчивы и, занимаясь земледѣліемъ да торговлею, сильно напоминаютъ собою время гайдаматчины. Это, видно, не крестьянинъ, — это казакъ, и въ случаѣ какихъ-либо затрудненій съ Австріею, съ католиками, они легко могутъ въ совокупности выставить, если понадобится, 100 т. иррегулярную конницу, грозную по своему національному духу.

Въ настоящее время, хозяевами острова Хортицы, этого бывшаго запорожскаго гнѣзда,—нѣмцы-колонисты, которые тамъ устроились, окруженные Днѣпромъ, какъ бы въ средневѣковомъ нѣмецкомъ рыцарскомъ княжествѣ! Тамъ не извѣстенъ русскій языкъ, тамъ все нѣмецкое, а русскія власти тамъ отсутствуютъ. Также Хортица съ тѣхъ поръ, съ 40-хъ годовъ XIX столѣтія, вѣроятно не видѣла у

себя губернатора, да и исправникъ или становой туда заѣзжаютъ очень рѣдко. Да это и не нужно, вѣдь тамъ все тихо, по-нѣмецки, тамъ не слышно русскаго говора, тамъ только свое самоуправленіе, свое пиво и брага, своя религія и все, что угодно, но только не русское.

А за тѣмъ оказалось, что несмотря на насильственно введенную унію, въ Бѣлоруссіи на столько еще крѣпко сохранялся народный духъ, вѣра, что безъ всякаго насилія, тотчасъ послѣ второго раздѣла Польши, 1.500.000 душъ присоединились къ православію. Это послужило лучшимъ доказательствомъ, до чего этотъ угнетенный народъ, благодаря только своему духовенству, крѣпокъ, какъ русскій, православный человѣкъ. Вѣдь онъ пережилъ гнетъ и насиліе многихъ столѣтій и остался вѣренъ тому, что было положено въ основу, какъ гранитная скала съ 988 г., Владиміромъ Святымъ. Это начало русской національной черты шло за все XIX ст. зигзагами то впередъ, укрѣпляясь, то слабѣя, до полнаго упадка. Что это было такъ, но не иначе, виновато на столько же теченіе русской исторіи, рокъ, какъ и русская власть, не сознававшая, гдѣ ея сила, покоящаяся, какъ и нынѣ, на массѣ. Нужны были новыя испытанія, очень большія, чтобы эта черта, національная, дошла до своихъ устоевъ, и то еще вопросъ, устоитъ ли новое теченіе, не упустятъ ли его въ противоположную, пагубную для государства сторону?

Къ несчастію, добрый поворотъ вещей длился не долго. При Императорѣ Павлѣ I, сліяніе Западно-Русскаго края съ Имперіею было отодвинуто, введеніемъ Литовскаго статута, польскаго трибунала, т. е. высшее судебное мѣсто, и насажены городскіе суды. Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. было отмѣнено и громадный край началъ управляться единовластно изъ Вильны, и въ сущности опять каждый шляхтичъ, польскій помѣщикъ имѣлъ полную волю, до смерти включительно, надъ русскимъ народомъ, православнымъ, а тѣмъ болѣе надъ уніатами, съ которыми совсѣмъ не церемонились, это вѣдь были свои и имъ, съ ихъ духовенствомъ, некуда было жаловаться, развѣ папѣ, который разумѣется дѣлалъ съ своей стороны все возможное, для улучшенія своей свѣтской власти и распространенія своего вліянія надъ Россіею съ ея народомъ. И онъ чрезъ поляковъ достигалъ своей цѣли, какъ нельзя лучше, тѣсно связавъ религію, католичество, съ политикою покоренія всѣхъ православныхъ, вѣрнѣе, говорящихъ по-русски.

Павелъ I, вступившій на престолъ въ 1796 г. и дѣлавшій все будто наперекоръ своей матери Императрицѣ, своимъ правленіемъ въ корнѣ вредилъ себѣ и всей Россіи. Все измѣнилось въ короткій

срокъ его правленія, вызвавъ неудовольствія въ странѣ, и это закончилось трагически, въ 1801 г. Вступилъ на престолъ 26 лѣтній Александръ, ученикъ Лагарпа, желавшій хорошихъ преобразованій.

Не имѣя возможности разомъ разобраться со столькими вопросами, которые горою стояли предъ нимъ, при вступленіи на престолъ, онъ обратился къ своимъ ближайшимъ друзьямъ молодыхъ лѣтъ, князю Адаму Чарторыйскому, Кочубею и Строганову. Послѣдніе двое послужили Россіи, какъ могли, и оказались не безполезными, за то А. Чарторыйскій былъ злымъ духомъ Императора и ненавистной ему Россіи. Этотъ родъ князей владѣлъ на Волыни около Дубно большими землями. Кн. Адаму Чарторыйскому дали обширное образованіе за границею, откуда вернувшись, онъ принялъ участіе, съ своимъ братомъ, въ конфедераціяхъ противъ Россіи въ 1792 г., предъ вторымъ раздѣломъ Польши, что закончилось для Чарторыйскихъ ихъ выѣздомъ за границу. Ихъ владѣнія были конфискованы. Императрица Екатерина II обѣщалась возвратить Чарторыйскимъ ихъ имѣнія, если они пріѣдутъ въ Петербургъ, какъ заложники. Въ 1795 г. оба брата явились въ Петербургъ, и тутъ завязалась тѣснѣйшая дружба между княземъ Ад. Чарторыйскимъ и великимъ княземъ Александромъ. Его отцу Павлу это не понравилось, и онъ Чарторыйскаго въ 1796 г. выслалъ за границу посланникомъ, въ Сардинію. Но чрезъ 5 лѣтъ Императоръ Александръ его вызвалъ обратно и сдѣлалъ его своимъ ближайшимъ совѣтникомъ, въ негласномъ комитетѣ по преобразованіямъ. Чарторыйскій, какъ тонкій полякъ, политикъ, какъ нельзя лучше воспользовался довѣріемъ Государя, но все на пользу своей Польши, своего католицизма и своего собственнаго благополучія, при огромной власти, какая ему была вручена. Очень скоро онъ былъ назначенъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и помощникомъ Государственной Канцеляріи Воронцова. Когда Воронцовъ заболѣлъ, онъ занялъ его мѣсто, и объявленіе войны Наполеону, въ союзѣ съ Австріею и Англіею въ 1805 г., было его рукъ дѣло. Послѣ этого 10 лѣтъ сряду длились эти войны, чуть не погубивъ Россію въ 1812 г.; поэтому понятно, что положеніе населенія вновь пріобрѣтеннаго Западно-Русскаго края не могло быть улучшено. Напротивъ того, въ 1812 г. году весь Сѣверо-Западный край былъ страшно разоренъ нашествіемъ 600 т. наполеоновской арміи, и поляки, увѣрявшіе Императора Александра въ Вильнѣ, сегодня, въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ, на другой день, по вступленіи въ Вильно Наполеона, были его преданнѣйшими слугами, вѣдь съ Наполеономъ вторгнулся въ Россію польскій корпусъ подъ командою Понятовскаго. Какое торжество для поляковъ... Между

тѣмъ у Чарторыйскаго уже давно зародилась мысль воспользоваться расположеніемъ Александра I, для образованія Польско-Литовскаго государства, въ уніи съ Россіей. Однако этому помѣшали обстоятельства и русскіе люди, и А. Чарторыйскій выѣхалъ изъ Петербурга въ 1810 г. навсегда, поселившись въ Вильнѣ. Тамъ онъ основалъ Виленскій университетъ, тамъ историкъ Лелевель читалъ страстно исторію Польши и готовилъ молодежь къ послѣдующимъ бунтамъ. Изъ Вильны то и дѣло сыпались всякія распоряженія князя, на пользу Польши, поляковъ и католиковъ и во вредъ всему русскому, которое онъ не выносилъ. Польскія школы выростали, какъ грибы, а уніатско-русскія и православныя, какія еще успѣли сохраниться, терпѣли открытыя напасти и прекращали свою дѣятельность. Православное духовенство и русскій языкъ были въ загонѣ. Вообще все направленіе А. Чарторыйскаго было открыто антирусское, даже революціоное; о немъ довели до свѣдѣнія Государя, который послалъ въ Вильну Новосильцева на слѣдствіе. Оно раскрыло всю махинацію князя, и онъ, надѣлавъ много зла Россіи, долженъ былъ въ 1823 г. сложить съ себя званіе попечителя и удалиться къ себѣ въ Пулавы, а потомъ въ 1830 г. въ Парижъ, куда онъ эмигрировалъ, принявъ открытое участіе въ возстаніи Польши, какъ президентъ сената и польскаго національнаго правительства.

Разочарованный, къ концу своей жизни, Александръ I потерялъ вѣру въ людей, давно сознавъ свою ошибку по отношенію къ Чарторыйскому, но исправить содѣянное зло пришлось его преемнику Николаю I, вступившему на престолъ въ 1825 г. Бунтъ у себя въ столицѣ, по поводу престолонаслѣдія, откликнувшійся до Кіевской губ., а затѣмъ войны съ Персіей и Турціей не дали Императору времени заняться тотчасъ же дѣлами Польши и Западнаго края. Тѣмъ временемъ, благодаря историку Лелевелю, въ Варшавѣ исподволь подготовлялся бунтъ, въ присутствіи брата Государя, Великаго Князя Константина Павловича. Въ 1830 г. бунтъ разразился окончательно, и русскія войска должны были скорехонько выступить за границу Польши, а возстаніе дошло до Литвы, уже хорошо подготовленной долгимъ тамъ пребываніемъ князя А. Чарторыйскаго. Отдѣльный польскій корпусъ Гельгуда дошелъ до Вильны, но здѣсь былъ разбитъ и прогнанъ за прусскія границы. Въ Подоліи генералъ Дверницкій, думавшій поднять крестьянъ, былъ отброшенъ со своимъ войскомъ, Редигеромъ, въ Галицію. Побѣды гвардейскаго корпуса у Остроленки и взятіе Варшавы Паскевичемъ положили конецъ бунту. Глава партіи умѣренныхъ, А. Чарторыйскій, бѣжалъ за границу, переодѣвшись конюхомъ. Польша

получила устройство сходное со всѣми русскими губерніями; Виленскій университетъ былъ закрытъ, и началась чистка Западно-Русскаго края отъ того яда, который былъ напущенъ Чарторыйскимъ на все, безъ различія, населеніе. Русское управленіе съ довѣренными людьми очень скоро извлекли оттуда все то, что вредно вліяло на русскій элементъ, и не мало ксендзовъ, поляковъ и бунтовщиковъ изъ шляхты должны были бѣжать за границу или жить долго, какъ поселенные, въ городахъ Россіи и Сибири. Русскій народъ и православіе, а отчасти и уніаты вздохнули свободнѣе, увидавъ, что у нихъ есть защита въ лицѣ самого Государя. Было обращено вниманіе на непосильную барщину, на произволъ помѣщиковъ, на сервитуты, на совращеніе въ католичество и на отстройку костеловъ. Власть помѣщиковъ, ихъ вліяніе на крестьянство было пріуменьшено до возможности, хотя рабство, крѣпостничество, не уничтожено. Между прочимъ не дозволено было продавать крестьянъ въ одиночку, безъ семьи и разрѣшено было имъ имѣть свою покупную землю и другія льготы, такъ примѣрно ограничено такое право помѣщиковъ, какъ по издѣльной крестьянской работѣ и т. д.

Вмѣсто Виленскаго университета, скомпрометтированнаго при Чарторыйскомъ и закрытаго, основанъ былъ университетъ Кіевскій, Св. Владиміра. По части экономическаго подъема, что очень важно было для послѣдующихъ поколѣній, въ смыслѣ заработковъ, было введено въ Юго-Западномъ краѣ сахароваренie, — что отозвалось благотворно на здоровьи населенія вообще и на его матеріальномъ благосостояніи. Тогда же появились въ краѣ русскіе помѣщики, маіораты, но пока еще въ ограниченномъ числѣ. Но такъ какъ въ то время православіе было однимъ изъ виднѣйшихъ признаковъ русскаго человѣка и всего народа, то Императоръ Николай I не могъ не обратить вниманія на уніатовъ, которые то и дѣло, со времени Екатерины, возвращались къ православію. Уничтоженію, навязанной русскому, уніи въ 1596 г. въ Брестѣ препятствовало завѣдываніе ею римско-католическою коллегіею. Николай I, изъявъ уніатовъ изъ вѣдѣнія этой враждебной коллегіи, учредилъ грекоуніатскую коллегію и подчинилъ ее оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода. По иниціативѣ графа Протасова и старѣйшаго изъ уніатскихъ іереевъ Іосифа Симашко, уніатское духовенство съѣхалось въ 1839 г. въ Полоцкѣ и тамъ соборне постановило просить Государя разрѣшить уніатамъ присоединиться къ прародительской православной Всероссійской церкви. Государь на прошеніи написалъ: „Благодарю Бога и принимаю“. Главный двигатель этого народнаго дѣла, Іосифъ Симашко, былъ возведенъ въ митрополиты литовскіе, и

какъ таковой, онъ завершилъ возсоединеніе съ необыкновеннымъ спокойствіемъ и успѣхомъ, въ короткое время. Въ Россіи остались только уніаты, русскіе люди, въ Холмской епархіи, но и они возсоединились въ 1874 г. Теперь ихъ можно еще встрѣтить въ довольно большомъ числѣ, за чертою русскихъ владѣній, въ Галиціи, гдѣ ихъ участь, какъ русскихъ людей, не лучше, чѣмъ когда-то было во всемъ Западно-Русскомъ, захваченномъ Польшею, краѣ.

Несчастная Крымская кампанія, которая въ 1855 г. стоила жизни Императору Николаю I, указала его наслѣднику Императору Александру II, что Россія со старымъ порядкомъ жизни и управленія должна разстаться и искать своего спасенія въ нововведеніяхъ, для поднятія государства на прежнюю высоту, съ которой оно было низвергуто постыднымъ Парижскимъ миромъ! Императоръ Александръ II, всесторонне образованный и хорошо знавшій свое великое достояніе, былъ вполнѣ готовый царственный дѣятель, для проведенія его многообразныхъ реформъ. Онъ началъ съ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, отъ уничтоженія всякаго рабства, которое въ Западно-Русскомъ краѣ имѣло особое значеніе: освобожденіе отъ ига, врага, если не татарскаго, то не худшаго, чѣмъ отъ польско-католическаго. 19 февраля 1861 г. вопросъ этотъ былъ благополучно разрѣшенъ общимъ положеніемъ о крестьянахъ, которымъ въ обезпеченіе ихъ быта было постановлено надѣлить ихъ усадьбою и полевыми угодьями. Мировые посредники изъ русскихъ, со съѣздами и присутствіями, устроили это дѣло накъ нельзя лучше и по минованіи надобности въ нихъ, передали освобожденныхъ крестьянъ на судъ русскимъ мировымъ судьямъ. Въ настоящее время, чрезъ 50 лѣтъ, когда все это закончено, ссуда уплачена и крестьяне дѣйствительно свободны тѣломъ и духомъ, удивляешься, какъ такое великое дѣло могло совершиться такъ тихо и спокойно, среди вѣчно-бунтующей шляхты! А она между тѣмъ самымъ серьезнымъ образомъ готовилась къ новому возстанію, по милости неумѣлаго управленія Польшею, послѣ намѣстника князя Паскевича и безсмысленно добродушнаго отношенія властей, которые вѣрили въ поляковъ и ради того, что скажетъ Европа, даже заискивали, пресмыкались предъ этимъ народомъ. Освобожденіе Италіи и вмѣшательство Наполеона III въ наши польскія дѣла совсѣмъ вскружили голову панамъ и перенесли бунтъ во всѣ польскія помѣстья Западно-Русскаго края, который также закипѣлъ. Банды повстанцевъ подъ общимъ предводительствомъ Лангевича разсыпались по всей Польшѣ и всему Западно-Русскому краю. Въ этомъ году возстанія приняли участіе не только все дворянство, шляхта, но ксендзы, женщины и даже дѣти! Въ январѣ 1863 г., одна

изъ главныхъ бандъ, подъ предводительствомъ Лангевича, имѣла намѣреніе вторгнуться около Дрогичина Гродненской губерніи и перенести свое оружіе чрезъ границу, въ Россію, но находившіяся тутъ русскія войска уничтожили эту банду, и Лангевичъ скорехонько удалился въ Австрію, гдѣ онъ попалъ въ тюрьму. За то русскіе офицеры, католики, каковы были гр. Гауке, Сѣраковскій, Жвирждовскій и другіе, осрамили себя на вѣки и поплатились плѣномъ и жизнью, за исключеніемъ гр. Гауке, который ускользнулъ за границу. Вѣшаніе православныхъ священниковъ и разныя другія подобнаго рода преступленія заставили правительство назначить въ Вильно, Кіевъ и Варшаву: М. Н. Муравьева, Н. Н. Анненкова и графа Берга съ особыми неограниченными полномочіями, для скорѣйшаго усмиренія этого новаго бунта. Графу Муравьеву пришлось между прочимъ разстрѣлять графа Платера за то, что тотъ, съ своею бандою, напалъ на военный транспортъ, около г. Рѣчицы Витебской губ. Такъ какъ конвой этого транспорта былъ не великъ, то его легко обезоружили и перекололи, но на выручку ему пришли близъ жившіе старообрядцы, которые въ свою очередь не дали спуску бандѣ, плѣнивъ ее и представивъ въ распоряженіе гр. Муравьева. Весь этотъ бунтъ не обошелся безъ многихъ жертвъ со стороны поляковъ; ихъ вѣшали, разстрѣливали, высылали въ Россію и въ Сибирь.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Одинъ изъ людей Іосифа Сѣмашко.

(Къ исторіи возникновенія русскихъ поселеній въ Ковенской губерніи).

Отошедшая отъ насъ жизнь представляетъ не мало поучительнаго не только въ явленіяхъ болѣе вѣской исторической цѣнности, но и въ скромныхъ дѣяніяхъ идейныхъ тружениковъ, сохранившихъ любовь къ родному уголку, заботу о его благѣ.

Эти скромные дѣятели забытыхъ жизнью уголковъ, привыкшіе къ бодрой работѣ, терпѣливые, настойчивые, старались поддержать извѣстный уровень духовныхъ интересовъ, пробуждали по мѣрѣ силъ лучшія стремленія въ окружающей косной средѣ.

Въ незамѣтныхъ, глухихъ уголкахъ часто можно наблюдать явленія, которыя ближе знакомятъ насъ съ народностью въ ея первоначальной, не тронутой сторонними вліяніями основѣ, не заслоненной крупными фактами и жизнью болѣе сложнаго характера.

Поучительно видѣть, какъ отражаются завѣты извѣстной эпохи въ умахъ пытливыхъ, въ искреннихъ сердцахъ людей, работающихъ въ тиши, безъ надежды на признаніе своихъ заслугъ современниками, не говоря уже о потомствѣ.

Очеркъ личности и дѣятельности одного изъ послѣднихъ поборниковъ школы Іосифа Сѣмашко представляетъ настоящая статья. Въ этой скромной дѣятельности слышатся отголоски прошлаго Бѣлоруссіи, выступаютъ силуэты нашей религіозной жизни въ глухомъ уголкѣ, куда забросила судьба русскаго человѣка. На этомъ сѣромъ фонѣ, гдѣ жизнь не отличается ни сложностью, ни широтою, мы

можемъ наблюдать явленія, однородныя съ тѣми, которыя, при иныхъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, получили опредѣленное развитіе, дали осязательные результаты.

Познакомимся сначала съ ареной, на которой нашла себѣ мѣсто дѣятельность скромнаго поборника церковно-общественнаго идеализма. Основой этого направленія были тѣ начала, которыя выработала народная жизнь бѣлорусса въ ея религіозной окраскѣ, а также сознательная работа лучшихъ представителей духовенства, съ особенной яркостью выразившаяся въ плодотворной дѣятельности митрополита Іосифа Сѣмашко.

Среди инородческаго племени, населяющаго Ковенскую губернію, тонутъ, какъ отдѣльные оазы, разбросанныя тамъ и сямъ скудныя русскія поселенія. Эти скромные авангарды русскаго крестьянства двигаются въ сѣверо-западный уголъ Литвы, старую Жмудь, и въ исторически бытовомъ отношеніи представляютъ явленіе въ извѣстной степени поучительное. Они создались отчасти на исторической почвѣ, отчасти являются позднѣйшими административными насажденіями. — Старое стихійное стремленіе русскаго человѣка искать воли, бѣжать отъ тяготы, устремляетъ его не только на отдаленный востокъ и благодатный югъ, оно заставило его переходить въ концѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ черезъ литовскій рубежъ.

Не только Вѣтка, явившаяся центромъ старообрядчества, но и восточныя части Литвы привлекали русское старообрядческое населеніе. И теперь главная масса старообрядцевъ населяетъ уѣзды Новоалександровскій и Вилькомирскій, самые восточные, прилегающіе къ Витебской и Виленской губ. Слѣды русскаго населенія въ Ковенской губ. сохранились въ историческихъ памятникахъ. Въ городѣ Бреславлѣ, нынѣ мѣстечко Новоалександровскаго уѣзда, въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка были православныя церкви и два монастыря, мужской и женскій. Въ глубинѣ Литвы были православные монастыри въ м. Кейданахъ (Ковенскаго уѣзда) и Сурдегахъ (Вилкомирскаго уѣзда); послѣдній изъ этихъ монастырей существуетъ и въ настоящее время. Эти монастыри служили религіозными центрами для русскаго населенія, осѣвшаго по Нѣману и его сѣвернымъ притокамъ.

Событія 1863—64 г. г. заставили обратить вниманіе на положеніе русскаго населенія этой забытой окраины. Вспомнили, что и этотъ глухой уголокъ обширной имперіи не былъ чуждъ русскаго элемента утвердившагося здѣсь совершенно самостоятельно, но лишеннаго поддержки правительства и культурной связи съ коренными русскими областями. Съ этого времени начинаются попытки усилить его количественно и возвысить его духовный уровень. Въ

этомъ порубежномъ съ Пруссіей краѣ начинается приливъ русскихъ поселенцевъ, вызванныхъ, однако, не изъ внутреннихъ губерній, населеніе которыхъ, сильное духомъ общиннаго начала, могло бы дать насельниковъ, способныхъ сохранить и на далекой окраинѣ въ чистотѣ родной языкъ, народный типъ, внести въ жизнь глухого, не знающаго ни развитія кустарныхъ производствъ, ни отхожихъ промысловъ края присущее великороссу разнообразіе промысловъ. Поселенцы были вызваны изъ сосѣдней Курляндской губерніи, въ которой они въ значительной степени утратили и чистоту языка и ясность религіознаго и племенного самосознанія. Трудно было свѣжему человѣку узнать русскаго въ этомъ тщедушномъ, низкорослом, говорившемъ на своеобразномъ нарѣчіи субъектѣ, этомъ „русскомъ тутейшей парафіи“ (здѣшняго прихода), какъ зачастую рекомендовалъ себя мѣстный поселенецъ. Сразу бросалась въ глаза рѣзкая разница между нимъ и рѣчистымъ, смѣлымъ, живымъ, щеголеватымъ старообрядцемъ, не утратившимъ ни сметки, ни бойкой рѣчи, ни симпатичнаго открытаго облика великоросса, сумѣвшаго поставить себя въ глазахъ угрюмаго и робкаго туземца.

Приглядываясь ближе къ жизни этого своеобразнаго русскаго населенія, невольно приходилось проникаться участіемъ къ нему. Глухое односелье, одинокая заброшенная избушка гдѣ-нибудь на краю мѣстечка или деревни, уголъ у хозяина-литовца — вотъ тѣ сельбища русскаго человѣка, о которыхъ такъ краснорѣчиво писалось въ оффиціальныхъ отчетахъ.

Съ грустнымъ чувствомъ приходилось приглядываться къ этимъ людямъ, являвшимся въ церковь цѣлыми семьями въ праздники Рождества и Пасхи. Не радость праздника, а какое-то подавленное, скорбное умиленіе виднѣлось на этихъ робкихъ невзрачныхъ лицахъ. Тихо и сосредоточенно оглядывали они рѣдко видимыя ими благообразныя иконы, церковную обстановку, прислушивались къ хоровому пѣнію, медленно и учащенно крестились. Не въ одну угнетенную душу лилось умилительное пѣніе, проникали слова вѣковыхъ народныхъ молитвъ. При взглядѣ на этихъ людей, молодое воображеніе невольно переносилось въ ихъ мрачные углы, убогія жилища, рисовалась жизнь покинутаго простого человѣка, лишеннаго утѣхи въ родной молитвѣ, родной пѣснѣ, близкой сердцу родной рѣчи.

То, что связывается въ нашемъ представленіи съ этнографическимъ и художественнымъ (напр. у Некрасова) типомъ бѣлорусса, находитъ свое полное выраженіе въ мѣстномъ русскомъ поселенцѣ. Поучительно наблюдать его тамъ, гдѣ онъ собирается міромъ, на базарѣ, церковномъ праздникѣ и т. п. Вездѣ бросается въ глаза его

замкнутость, бѣдность жизненныхъ впечатлѣній, то безучастіе къ окружающему, которое не даетъ возможности развиться заложеннымъ въ душу силамъ.

Однимъ изъ главныхъ тормозовъ прочной русской колонизаціи въ Литвѣ и на Жмуди являлась крайняя разбросанность русскаго населенія.

Трудно себѣ представить размѣры этой дробности, этотъ этнографическій атомизмъ. Живо вспоминается, какое тягостное впечатлѣніе производило на пишущаго эти строки, тогда гимназиста и студента поповича, чтеніе росписей православнаго населенія по приходамъ. Цѣлые листы пестрѣли цифрами 1/4, 1/2, 3/4, 1—3 для обозначенія числа дворовъ и душъ русскаго населенія. Приходы въ 300—400 человѣкъ были разбросаны въ нѣсколькихъ мѣстечкахъ и десяткахъ деревень и односелій. Къ этому нужно присоединить крайнюю малочисленность церквей. На три сѣверные уѣзда Ковенской губерніи приходилось не болѣе десятка церквей, не считая городскихъ.

Можно себѣ представить, насколько могъ быть высокъ религіозный и національный уровень развитія „русскихъ“ поселенцевъ. Въ храмѣ они могли бывать самое большее 5—6 разъ въ годъ. Даже народные учителя не могли достать положенныхъ имъ почтовыхъ лошадей, чтобы съѣздить въ церковь, не рискуя возстановить противъ себя волостныя власти, которыя подчасъ были и почто-содержателями [1]).

Самыя церкви даже въ болѣе людныхъ поселеніяхъ строились весьма медленно и возникали поздно. Такъ въ уѣздномъ городѣ Тельшахъ (наиболѣе глухой уѣздъ) и въ мѣстечкѣ Благовѣщенскѣ (прежде Хвалыне-Шавельскаго уѣзда) церкви были построены въ 1867 году. Около того же времени окончена постройкой церковь въ г. Шавляхъ, бывшая до того времени домовой. Были факты и болѣе печальные.

Село Никольское (прежде Гегобросты) Поневѣжскаго уѣзда въ теченіе 25 лѣтъ не имѣло церкви, хоть въ окрестностяхъ жила не одна семья поселенцевъ. Оффиціальная переписка о постройкѣ церкви въ этомъ селѣ возникала и прекращалась нѣсколько разъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Лучшіе люди изъ мѣстнаго духовенства, зная

[1]) Для иллюстраціи изложеннаго характеренъ фактъ, заимствованный изъ оффиціальной переписи. Въ 1871 г. одно семейство поселенцевъ, у котораго былъ покойникъ, исколесило двѣсти верстъ въ поискахъ священника. При разбросанности приходскаго населенія послѣдняго не всегда можно было застать на мѣстѣ. Поѣздки за 25—30 верстъ въ церковной практикѣ священника были дѣломъ обычнымъ.

свою администрацію, старались ковать желѣзо, пока горячо, но усилія ихъ обыкновенно разбивались объ отсутствіе казенныхъ, средствъ. Къ началу 80-хъ годовъ перестали отпускать казенныя суммы на построеніе помѣщеній для причта, исходя изъ довольно страннаго для нерусской окраины принципа, что подобнаго рода постройки должны быть возводимы на средства прихода, т. е. двухъ трехъ сотенъ бѣдныхъ поселенцевъ.

Спорадическое русское населеніе нуждалось во вліяніи церкви, школы, просвѣщенной администраціи. О степени вліянія церкви можно судить на основаніи вышеизложеннаго, что же касается школы, то послѣдняя получила болѣе или менѣе правильную организацію позже, съ половины семидесятыхъ годовъ, послѣ открытія мѣстной учительской семинаріи въ г. Поневѣжѣ. Оттуда стали выходить вполнѣ подготовленные народные учителя изъ дѣтей мѣстныхъ поселенцевъ или же пріѣзжихъ бѣлоруссовъ. До того времени народными учителями были вызванные изъ внутреннихъ губерній воспитанники духовныхъ семинарій, изъ которыхъ большинство съ теченіемъ времени уходило въ гражданскую службу. О личномъ вліяніи духовенства будетъ сказано ниже, теперь же остановимся нѣсколько на характерѣ мѣстной администраціи.

Послѣдней были свойственны всѣ тѣ качества, которыя создали ей незавидную славу въ памяти мѣстнаго населенія. Нужно сознаться, что большинство чиновничества стояло невысоко не только въ служебномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Въ хроникѣ мѣстныхъ клубовъ сохранилось много фактовъ, что чиновники проигрывали въ одинъ вечеръ цѣлыя сотни рублей. Въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи въ теченіе четырехъ—пяти лѣтъ были уволены за лихоимство предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей, воинскій начальникъ и два мировыхъ посредника. По этимъ фактамъ можно судить, каковы были низшіе агенты мѣстной администраціи. Пріемы управленія губерніей напоминали традиціи „Тысячи душъ“ Писемскаго. Калиновичей, впрочемъ, Жмудь не знала, какъ не знала администраторовъ, болѣе высокаго типа. Попытки духовенства сдѣлать что-либо для своихъ приходовъ встрѣчали со стороны мѣстной администраціи въ лучшихъ случаяхъ слабое содѣйствіе. Постройка церквей усиленно началась послѣ 1863—64 гг.

Позднѣйшіе факты построенія церквей единичны, и самыя церкви большею частью деревянныя, скупо обставленныя. Намъ извѣстны случаи построенія четырехъ—пяти церквей въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ Ковенской губерніи въ теченіе тридцати лѣтъ. Церкви, столь близкія душѣ русскаго человѣка, въ сѣверо-западной окраинѣ имѣли особое значеніе, если имѣть въ виду религіозность мѣстнаго

населенія, огромность и богатство старинныхъ городскихъ (напр. Шавельскаго) и нѣкоторыхъ мѣстечковыхъ (напр. въ м. Ракишкахъ), костеловъ, являясь необходимымъ противовѣсомъ чуждому религіозному вліянію.

Недологъ былъ медовый мѣсяцъ переселенческаго дѣла. Русскія села въ 500—600 чел. сохранились въ числѣ четырехъ, пяти для всей губерніи; и теперь они играютъ роль русскихъ оазовъ среди остальныхъ жалкихъ единицъ поселенчества. Нельзя отрицать вліянія на сохраненіе этого населенія въ духовномъ отношеніи—вліянія школы; изъ среды поселенцевъ вышло немало способныхъ народныхъ учителей. Къ чести старыхъ священниковъ и протоіереевъ, вышедшихъ изъ школы Іосифа Сѣмашко, нужно отнести, что благодаря ихъ бдительной заботливости о духовныхъ нуждахъ прихожанъ, частымъ объѣздамъ приходовъ, старая традиція единенія духовенства и паствы, наблюдаемая и теперь въ патріархальныхъ глухихъ уголкахъ Бѣлоруссіи, поддерживалась и въ отдаленной окраинѣ. Все это, въ связи съ извѣстной этнографической устойчивостью, сохранило заброшенное полурусское племя и не дало ему раствориться въ чуждой стихіи.

Отношеніе администраціи къ русскимъ поселенцамъ было довольно индифферентное. Пишущему эти строки, прожившему около сорока лѣтъ въ сѣверныхъ уѣздахъ Ковенской губерніи, не извѣстны факты, указывающіе на дѣятельность мировыхъ посредниковъ и другой администраціи въ этомъ направленіи. На приходскихъ храмовыхъ праздникахъ съ интересомъ приходилось прислушиваться къ простымъ задушевнымъ бесѣдамъ старыхъ священниковъ о нуждахъ и беззащитномъ положеніи ихъ прихожанъ, и ни одна живая, глубоко поучительная страница настоящей бытовой исторіи всплывала передъ слушателемъ. На мѣстное православное духовенство администрація смотрѣла свысока, видя въ хлопотунахъ попахъ живой укоръ своему бездѣлью. Средняя обезпеченность духовенства, живущаго на небольшое жалованье и кое-какіе доходы отъ угодій, заставляла его жить очень скромно, такъ что и съ этой стороны попъ былъ не братъ чиновнику. Своихъ сыновей большинство священниковъ воспитывало въ гимназіяхъ. Молодые поповичи, выросшіе въ патріархальной трудовой средѣ, вносили хорошую, свѣжую струю народничества въ свои семьи. Въ ихъ рукахъ бывалъ и Костомаровъ, и Гильфердингъ, и Шейнъ, и книжка „Отечественныхъ записокъ“ и многія другія теплыя и живыя книги. Въ семьяхъ священниковъ можно было встрѣтить сочиненія Некрасова, Максимова, Рѣшетникова, даже Шелгунова и Добролюбова. Все это вносила туда молодежь. Старые, добродушные батьки, полушутливо

схватывавшіеся на домашнихъ диспутахъ съ своими юными сыновьями, подъ вліяніемъ горячихъ рѣчей и хорошихъ книгъ, проникались и сами идеей народничества, конечно въ той степени, которая была доступна ихъ кругозору. Это должно было поднимать присущій имъ духъ заботливости о бѣдной паствѣ, придавать послѣдней идейную окраску. И они дѣлали что могли. Похлопотать за поселенца, тѣснимаго сельскими властями, устроить дѣтей осиротѣлой семьи, сдѣлать скромную складчину на доброе дѣло, помочь народному учителю устроить дѣтей въ гимназію или городское училище священники не считали обременительнымъ и охотно брались за такія дѣла. За столомъ батюшекъ былъ гостемъ народный учитель, часто единственный собесѣдникъ въ селѣ. Отъ сельскихъ учителей, бывавшихъ на храмовыхъ праздникахъ, преимущественно въ лѣтнее время, можно было узнать много поучительнаго, касающагося мѣстной жизни, положенія сельскаго населенія и проч.

Мѣстное литовское и жмудское населеніе, изъ среды котораго вышло много ксендзовъ, обнаруживало стремленіе къ образованію, и процентъ воспитанниковъ изъ мѣстныхъ крестьяхъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ былъ довольно значителенъ. Многіе изъ ксендзовъ воспитывали своихъ братьевъ и племянниковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и поручали народнымъ учителямъ ихъ подготовку; то же дѣлали и мѣстные зажиточные крестьяне. Такимъ путемъ народная школа завоевывала себѣ симпатіи мѣстнаго населенія, тѣмъ болѣе, что по своей натурѣ литовецъ человѣкъ мирный и уживчивый. Такое же доброжелательное отношеніе туземцевъ было и къ мѣстному православному духовенству. Въ теченіе сорока лѣтъ намъ не приходилось слышать ни объ одной непріязненной выходкѣ по отношенію православнаго священника со стороны туземнаго населенія.

Типъ мѣстнаго народнаго учителя обрисовывается симпатичными чертами. Въ своихъ одинокихъ школахъ эти труженики дѣлали настоящее русское дѣло. Имъ помогала извѣстная интеллигентность и тактъ въ отношеніяхъ къ крестьянамъ. Зажиточному крестьянину литовцу учитель бывалъ полезенъ, нерѣдко даже въ гражданскихъ дѣлахъ, столь частыхъ въ литовской окраинѣ.—Особенно цѣнило населеніе учителей, занимавшихся въ лѣтнее время садоводствомъ и пчеловодствомъ, и охотно перенимало у нихъ болѣе усовершенствованные пріемы этого новаго дѣла. Связь старыхъ, долгослужившихъ учителей съ деревней была довольно прочная.

Отъ общихъ очертаній и силуэтовъ перейдемъ къ характеристикѣ личности, въ которой довольно ярко отразились стремленія

придать этой несовершенной, зарождающейся русской народной жизни извѣстную опредѣленность.

Протоіерей Софроній Лукичъ Зосимовичъ (род. 1835 г.) получилъ воспитаніе въ Литовской духовной семинаріи, былъ по окончаніи ея учителемъ духовнаго училища въ Жировицахъ, а потомъ и смотрителемъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ былъ назначенъ младшимъ священникомъ Ковенскаго собора. Здѣсь онъ сошелся съ протоіереемъ собора Захаріей Сухановымъ, личностью умной и дѣятельной. Сухановъ много работалъ по организаціи переселенческаго дѣла въ Ковенской губерніи. Какъ старожилъ, онъ хорошо зналъ мѣстныя условія и могъ быть полезенъ при разработкѣ новыхъ для администраціи вопросовъ, выдвинутыхъ возстаніемъ 1863 года. По его иниціативѣ образовано значительное русское поселеніе въ окрестностяхъ г. Ковны. Отзывчивый, способный оріентироваться въ сложномъ дѣлѣ, владѣвшій перомъ Зосимовичъ явился незамѣнимымъ помощникомъ Суханова и скоро обратилъ на себя вниманіе высшей администраціи. Присмотрѣвшись къ мѣстной жизни, онъ понялъ ея условія, а способность писать легко и живо давала ему возможность раскрыть ихъ въ извѣстной полнотѣ. Онъ свободно могъ оріентироваться и въ нуждахъ мѣстной жизни и въ психологіи русскихъ поселенцевъ. Результатомъ его наблюденій и изученій явилась цѣлая программа развитія въ губерніи народныхъ школъ, улучшенія быта русскихъ поселенцевъ, а также роли администраціи и духовенства въ созданіи новыхъ жизненныхъ нормъ. Этотъ обширный матеріалъ былъ использованъ мѣстной администраціей. Съ однимъ изъ ея представителей, чиновникомъ особыхъ порученій при ковенскомъ губернаторѣ Салтыковымъ, Зосимовичъ близко сошелся. Работы его обратили на себя вниманіе виленскаго генералъ-губернатора Муравьева. Въ бумагахъ, оставшихся послѣ смерти Зосимовича, сохранились наиболѣе существенныя части этой программы. Различныя стороны мѣстной жизни выступаютъ совершенно опредѣленно; высказывается многое, что нашло осуществленіе въ мѣстной жизни гораздо позже; есть много такого, что еще ждетъ своего проведенія въ жизнь.

Размѣры настоящей статьи не позволяютъ освѣтить детально всѣ стороны этой программы. Ограничимся, потому, наиболѣе существеннымъ.

Однимъ изъ условій благосостоянія русскаго сельскаго населенія губерніи Зосимовичъ считалъ устройство крупныхъ поселковъ въ 300—500 душъ съ народнымъ училищемъ, не только для мальчиковъ, но и для дѣвочекъ, а также болѣе равномѣрное распредѣленіе православныхъ приходовъ. Такъ какъ русскіе поселенцы были

бѣдны и безпомощны въ веденіи даже примитивнаго хозяйства, то Зосимовичъ высказывался за устройство для нихъ ссудо-сберегательныхъ кассъ, выдачу пособій и безпроцентныхъ ссудъ. Зосимовичу же принадлежитъ мысль о привлеченіи къ участію въ этихъ кассахъ и старообрядцевъ, болѣе многочисленныхъ въ восточныхъ уѣздахъ Ковенской губерніи. Въ этомъ онъ видѣлъ основу для сближенія обѣихъ отраслей русскаго населенія. Исходя изъ мысли, что „въ будущемъ, русское населеніе должно быть жизненною, производительною силою“, онъ видѣлъ въ старообрядцахъ, болѣе стойкихъ и сплоченныхъ, надежное зерно той колонизаціи, которая должна была тѣснѣе связать Ковенскую губернію съ сосѣдними бѣлорусскими. Широкая колонизація должна была сдѣлать внушительнымъ русскій элементъ и для Курляндіи и для Сувалкской губерніи, населенной литовцами. Въ большомъ докладѣ о положеніи православнаго населенія въ Ковенской губерніи Зосимовичъ, нарисовавъ живую картину безнарядья внутренняго и внѣшняго въ жизни этого населенія, указываетъ, что положеніе не оправдываетъ назначенія и цѣли поселеній, что оно „не совмѣстно ни съ разумными намѣреніями правительства, ни съ достоинствомъ господствующей народности, столь жалко и слабо представленной на чуждой окраинѣ“.

Среди мѣстной администраціи проектъ отводитъ болѣе видное мѣсто мировымъ посредникамъ, какъ институту, близко стоящему къ мѣстной жизни. Авторъ проекта сѣтуетъ, что во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ посредники уже не пользуются прежнимъ авторитетомъ среди крестьянскаго населенія, сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда они вводили уставныя грамоты, но все же они „могутъ кое-что сдѣлать, такъ какъ устройство земельныхъ отношеній еще не вездѣ закончено“. Онъ считаетъ нужнымъ расширить компетенцію мировыхъ посредниковъ путемъ привлеченія ихъ къ заботамъ о матеріальномъ обезпеченіи народныхъ училищъ, совмѣстнымъ съ православнымъ духовенствомъ, улучшеніемъ быта русскихъ поселенцевъ, изученіемъ бытовыхъ и экономическихъ отношеній. Особенно цѣнны его наблюденія, касающіяся западной части губерніи, ея наиболѣе глухихъ уѣздовъ, Россіенскаго и Тельшевскаго, въ которыхъ дѣятельность мировыхъ посредниковъ могла быть очень полезна. Зосимовичъ горько сѣтуетъ на крайне слабое распространеніе въ нихъ русскаго языка, ничтожное число народныхъ училищъ, отсутствіе русской книги. Служа священникомъ въ Тельшахъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, онъ детально изучилъ эти условія. Зосимовичъ высоко ставилъ и роль духовенства, вышедшаго изъ школы Іосифа Сѣмашко, съ его гуманностью, терпи-

мостью къ иновѣрцамъ, дѣятельною, трезвою жизнью. Духовенство могло бы поднять престижъ русскаго дѣла въ краѣ, при условіи его организаціи, какъ общественной силы. Онъ признавалъ желательнымъ вліяніе духовенства на туземцевъ, народныхъ учителей, особенно начинающихъ. Въ своихъ выводахъ Зосимовичъ опирался на факты мѣстной жизни, весьма любопытные. Изъ другихъ проектовъ, оставшихся въ бумагахъ Зосимовича, обращаютъ вниманіе два. Первый изъ нихъ трактуетъ о приходскихъ и народныхъ училищахъ, другой касается распредѣленія школъ и приходовъ въ губерніи. Первый докладъ заключаетъ наиболѣе интересные выводы въ связи съ значительнымъ бытовымъ матеріаломъ. Мирному вліянію народной школы Зосимовичъ отводитъ первенствующее мѣсто, видя въ немъ мощное орудіе для внесенія въ среду мѣстнаго населенія здравыхъ началъ. Онъ указываетъ на то, что слишкомъ поздно взялись за организацію народной школы, выражаетъ опасеніе за прочную организацію школьнаго дѣла. Послѣдующая сорокалѣтняя исторія насажденія въ Литвѣ русской школы во многомъ подтверждаетъ вѣрность этого взгляда.

Въ проектѣ о народныхъ школахъ поражаютъ многія свѣтлыя мысли, каковы: необходимость изученія народными учителями мѣстнаго нарѣчія, сближеніе ихъ съ населеніемъ, посильная культурная помощь распространеніемъ книгъ, свѣдѣній по садоводству, огородничеству, пчеловодству и нѣкоторыхъ прикладныхъ знаній, любители и знатоки которыхъ встрѣчаются среди народныхъ учителей. Въ программу народной школы должно входить и природовѣдѣніе. „Обученіе грамотѣ по учебникамъ, слишкомъ методическое, утомляетъ дитя и не такъ рельефно показываетъ неграмотнымъ родителямъ его развитіе. Преподаваніе естественныхъ наукъ придало бы особый интересъ занятіямъ въ народной школѣ. Крестьянинъ—дитя природы. Раскрытіе тайны ея строя и жизни, уясненіе причины явленій природы принесло бы въ жизнь необразованнаго люда много новыхъ понятій, подняло бы значеніе школы“.

Проектъ основывается на детальномъ изученіи народныхъ училищъ. Онъ рисуетъ ихъ печальное состояніе при отсутствіи идеальныхъ умѣлыхъ руководителей и крайне неблагопріятныхъ условіяхъ существованія. Обрисовывается также положеніе народныхъ учителей, сносное въ матеріальномъ отношеніи, но неудовлетворительное въ образовательномъ. Учителя лишены правильнаго руководства вслѣдствіе сосредоточенія школьной инспекціи въ Ковнѣ, рѣдкихъ посѣщеній инспекторами школъ; средствъ для самообразованія учителей нѣтъ. Жалкія учебныя пособія, плохая организація книжныхъ складовъ, отсутствіе учительскихъ библіотекъ—все это

изнанка печальной дѣйствительности. Понимая сложность реорганизаціи народной школы, для которой нужны и средства и преданные дѣлу люди, и нелегкая борьба съ окружающими условіями, Зосимовичъ выдвигалъ въ своихъ проектахъ по народному образованію два фактора: образованіе учителей (въ числѣ піонеровъ школьнаго дѣла въ Ковенской губерніи встрѣчались и отставные солдаты) и устройство женскихъ школъ. Имъ высказана мысль объ учрежденіи учительской семинаріи, которая и была открыта въ 1872 г. въ гор. Поневѣжѣ. Семинарія могла бы привлечь къ образованію дѣтей мѣстныхъ русскихъ поселенцевъ и старообрядцевъ.

Женское народное образованіе для глухой окраины должно было играть особую просвѣтительную роль. Поднять женщину духовно, внести при ея посредствѣ въ семьи темнаго люда свѣтлую мысль, живое начинаніе, доступную для народа книгу—такова задача женскаго воспитанія. Въ своей позднѣйшей брошюрѣ о мѣстномъ Сурдечскомъ монастырѣ Зосимовичъ высказывалъ мысль объ устройствѣ въ Ковенской губ. женскаго монастыря, который могъ бы служить разсадникомъ учительницъ, въ частности рукодѣлій, ремеслъ. Хозяйственный духъ нашихъ монастырей поднялъ бы среди мужского населенія домашнее хозяйство и развилъ бы нѣкоторыя отрасли кустарнаго прозводства. Эта мысль нашла себѣ осуществленіе лишь 25—30 лѣтъ спустя съ открытіемъ Антолептскаго монастыря (Новоалександровскаго уѣзда).

Тепло относится проектъ къ положенію народнаго учителя, что видно изъ слѣдующихъ словъ: „почти всѣ народные учителя поступаютъ на службу прямо съ семинарской скамьи. Они прибыли въ край незнакомый, несродный для нихъ по складу жизни, чуждый по своимъ интересамъ. Въ своихъ глухихъ деревняхъ они не встрѣчаютъ ни русской души, ни русской книги, ни даже православной церкви и священника. Книгъ, которыя помогли бы наставникамъ продолжать образованіе, хоть сколько-нибудь разнообразили ихъ жизнь, у нихъ нѣтъ. Библіотеки при училищахъ рѣдкое явленіе. Учительскіе съѣзды для сближенія наставниковъ пока не учреждены. Если при такихъ условіяхъ учитель не всегда стоитъ на высотѣ своего положенія и черезъ это лишается довѣрія и уваженія, то причины этого надо искать въ томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ находится большинство учителей“.

Въ проектѣ проводится мысль, осуществленіе которой могло сдѣлать школу независимой отъ сельскихъ обществъ—полученіе учителями жалованья непосредственно изъ государственнаго казна-

чейства, куда должны быть вносимы положенныя на этотъ предметъ суммы. Онъ предлагаетъ надѣлить народныя училища землею, что увеличило бы содержаніе учителя и дало бы ему занятіе въ каникулярное время. Указывается необходимость учрежденія училищныхъ совѣтовъ съ участіемъ въ нихъ инспекціи, мировыхъ посредниковъ и духовенства. Для улучшенія школьнаго дѣла проектъ рекомендуетъ устройство библіотекъ для учителей, а также и съѣздовъ въ каникулярное время для обсужденія различныхъ педагогическихъ вопросовъ.

Приведенный выше сводъ важнѣйшихъ положеній и мыслей, разсѣянныхъ въ проектахъ Зосимовича, живо рисуетъ міросозерцаніе этого недюжиннаго ума. Отдѣльныя стороны жизни объединяются въ нихъ плодотворными началами служенія народности.

Послѣднія 25 лѣтъ жизни Зосимовичу пришлось провести при иныхъ менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Назначенный законоучителемъ Поневѣжской учительской семинаріи, учрежденной въ 1872 году, онъ принужденъ былъ отдавать большую часть своего времени преподаванію въ ней и мѣстномъ реальномъ училищѣ (съ 1882 года). Не было возможности проводить свои мысли въ болѣе вліятельныхъ сферахъ, приходилось ограничиваться скромной работой на мѣстѣ, горѣть и свѣтить для своего уголка. Но зато эта работа ушла въ глубь, отразилась на складѣ личности и міросозерцанія, придавъ имъ черты симпатичныя и глубокія. Въ немъ выработались свойства священника въ его церковно-общественномъ значеніи, которыя снискали Зосимовичу уваженіе лучшихъ людей мѣстнаго общества, какъ личности, пытливо искавшей иныхъ условій жизни для своего уголка. Ярко проявлялись эти симпатичныя черты и въ проповѣдяхъ Зосимовича, и въ его преподаваніи, и въ общеніи съ мѣстной интеллигенціей разныхъ типовъ. Изъ его проповѣдей наиболѣе типичная произнесена въ день коронованія Императора Александра III; она заключаетъ наброски своего рода общественной программы, характерной для опредѣленія міросозерцанія самого проповѣдника.

Приводимъ изъ нея наиболѣе характерныя мѣста.

„Да почіетъ же Его (Божій) Духъ святый и озаритъ яснымъ свѣтомъ царственныхъ доблестей душу Его избранника. Да ниспошлетъ Онъ ей съ неба благодатный миръ и крѣпость духа и тѣла въ минуты невзгодъ; воодушевитъ царственную душу и дастъ ей силу исполинскую въ минуты раздумья, чтобы тяжкое бремя подвига царствованія услаждало и воодушевляло душу, и она сохранила внимательность и чуткость къ движеніямъ собственнаго сердца

и къ голосу сердца народнаго, и на этомъ вѣрномъ Богу сердцѣ царевомъ покоились надежды, радости и благо народа и во дни радости и во дни печали народной.

„Да почіетъ этотъ благодатный Духъ на всѣхъ насъ; да будетъ онъ свѣтомъ и теплотою нашихъ общественныхъ роста и жизни. Да внесетъ онъ миръ въ сердца и умы колеблющіеся и маловѣрные, оживитъ сердца и умы удрученные, умилитъ души мрачныя и черствыя; да воодушевитъ и укрѣпитъ онъ нашу вѣру въ себя, въ наши силы, въ наше будущее. Да подниметъ этотъ творческій духъ нашу общественную дѣятельность, ободритъ однихъ, подвигнетъ слабѣющія силы другихъ, возбудитъ къ дѣятельной жизни сонныхъ и безпечныхъ.

„Да озаритъ и согрѣетъ онъ, Духъ блага и истины, нашу гражданскую совѣсть, громко заговоритъ въ нашемъ сердцѣ о человѣчности и правдѣ, о судѣ и любви, о человѣческихъ правахъ ближняго, безкорыстіи, честности и самоотверженіи. Да уничтожитъ онъ въ нашемъ сердцѣ неоправданныя мечты и научитъ насъ дружной работѣ на благо общее, насколько есть у каждаго изъ насъ силъ, вдохновенія и умѣнія, насколько хватаетъ жизни; да научитъ онъ насъ уважать другъ друга, чужіе труды, мысль и честныя стремленія къ служенію на пользу общественную. Да скажетъ онъ намъ, гдѣ суть нашей народной жизни и нашего развитія, и еще тѣснѣе соединитъ насъ во имя общности нашихъ интересовъ и во имя родной земли въ одно неразрывное цѣлое“...

Исканіе народныхъ началъ придаетъ симпатичный оттѣнокъ взглядамъ Зосимовича. И въ другихъ проповѣдяхъ слышится та же хорошая общественная нотка, призывъ къ самоанализу личному и общественному. Послѣдній рѣдко выливается въ форму укора нашей косности и дряблости, чаще въ немъ чувствуется бодрое настроеніе, за честную общественную работу, за свѣтлую мысль, за безкорыстное служеніе родинѣ и ближнему ратуютъ его проповѣди.

Мы не имѣемъ возможности въ небольшой статьѣ дать полный обзоръ всего высказаннаго Зосимовичемъ въ оффиціальной перепискѣ по дѣламъ учебнымъ, не можемъ входить въ подробности многихъ интересныхъ эпизодовъ педагогической и церковно-общественной жизни, въ которыхъ онъ на высотѣ своихъ излюбленныхъ воззрѣній обрисовывается, какъ личность святая и далеко недюжинная. Упомянемъ лишь о его разъясненіяхъ преподаванія Закона Божія въ средней школѣ и объ организаціи воспитательнаго дѣла въ учительскихъ семинаріяхъ. Объ эти работы проникнуты тою же широтою взглядовъ, тѣмъ же почитаніемъ общественныхъ потреб-

ностей, которыя мы видѣли выше. Подъ конецъ ему пришлось выполнить большую работу, по порученію попечителя Виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскаго. Сущность ея заключалась въ изображеніи отношеній болѣе сознательныхъ слоевъ мѣстнаго крестьянства ко всему русскому, въ зависимости отъ степени знакомства ихъ со складомъ русской жизни въ Петербургѣ, Москвѣ и др. мѣстахъ Россіи, куда попадаетъ литовскій крестьянинъ въ качествѣ солдата или для заработка. Трудъ этотъ предполагалось перевести на литовскій языкъ, но дѣло это не осуществилось. Большая статья Зосимовича (въ беллетристической формѣ) заключала много бытового матеріала, цѣннаго какъ результатъ наблюденій очевидца.

Полнѣе могутъ быть освѣщены тѣ стороны личности и воззрѣній Зосимовича, которыя даютъ намъ понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ, проникнутомъ просвѣтительными церковно-общественными стремленіями. Этотъ идеализмъ, въ которомъ встрѣчаются отраженія взглядовъ временъ Сѣмашки, отрѣшенныя отъ нѣкоторой старинной церковности, опирающіяся на болѣе широкія тенденціи во вкусѣ Хомякова, интересны элементами реформы, которые не чужды лучшей части нашего духовенства. Сближеніе народа и интеллигенціи, церкви и общества на общей почвѣ продуктивной и просвѣтительной работы наиболѣе симпатичная сторона этой программы.

Извѣстный уровень идеализма поднималъ этого человѣка надъ жизнью, заставлялъ его цѣнить хорошее настроеніе, предпочтительно передъ отраженіемъ ихъ въ административной формѣ, къ чему подчасъ склонны и мыслящіе люди. Онъ избѣгалъ говорить о мѣстныхъ епархіальныхъ дѣлахъ, въ которыхъ чувство общественнаго дѣятеля не позволяло ему видѣть чего-либо выходящаго за предѣлы заурядnаго дѣлопроизводства, далекаго отъ жизни. Служеніе интересамъ родного края онъ понималъ широко, какъ проведеніе въ жизнь началъ, выработанныхъ въ нѣдрахъ народности. Вводить эти начала въ жизнь значило придавать послѣдней устойчивость, не имѣющую ничего общаго со скороспѣлыми эфемерными мѣропріятіями, создаваемыми въ кабинетахъ и канцеляріяхъ. Зосимовичемъ еще въ концѣ шестидесятыхъ гг. были намѣчены планы церковныхъ собесѣдованій, которыя должны были обнимать не только доступный пониманію простолюдина кругъ религіозно-нравственныхъ вопросовъ, но и способствовать въ извѣстной степени общественному воспитанію заброшенныхъ за дальній рубежъ русскихъ людей. По мысли Зосимовича этого рода собесѣдованія, веденныя систематически въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, могли пробудить въ

БИБЛІОТЕКА

мѣстномъ русскомъ населеніи племенное сознаніе и, расширяя его тѣсный умственный кругозоръ, способствовать развитію въ немъ предпріимчивости, которой такъ бѣденъ бѣлоруссъ. Сохранились и программы этихъ собесѣдованій въ видѣ конспектовъ и полуобработанныхъ набросковъ.

Если вспомнить, что такіе проекты создавались за полвѣка, то становится тяжело при мысли о долгихъ годахъ безвременья, полнаго равнодушія къ идейнымъ интересамъ этихъ заброшенныхъ на чужбину выходцевъ, принужденныхъ въ одиночку вести тяжелую жизненную борьбу.

Жмудскій епископъ на покоѣ, какъ шутливо называли Зосимовича нѣкоторые изъ его друзей, считавшіе его пригоднымъ для бо̀льшаго дѣла, чѣмъ законоучительство въ захолустной семинаріи, не тяготился жизнью въ уѣздномъ городѣ. Въ свою семинарію онъ внесъ много живого, привилъ здоровыя начала. Онъ старался поддерживать ихъ, не прерывая связи съ народными учителями, своими питомцами. Это сближеніе было полезно и для него, такъ какъ онъ узнавалъ много интереснаго, касающагося самыхъ глухихъ уголковъ мѣстной жизни.

Его умъ, жадно впитывавшій все близкое къ жизни, преломлялъ усвоенное подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, который симпатично освѣщалъ отдѣльные, повидимому, мелкіе моменты и явленія. На этихъ крупицахъ жизни, какъ выражался Зосимовичъ, лежалъ отпечатокъ большого цѣлаго, осмыслить которое онъ пытливо стремился.

Все, что касалось труда, жизни, надежды и значенія народнаго учителя пріобрѣтало въ его глазахъ первостепенную важность. Помнится, какъ отзывчиво относился онъ къ тѣмъ безвѣстнымъ труженикамъ, которые изнемогали подъ гнетомъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, тяжелыхъ житейскихъ отношеній. Эти обитатели глухихъ селъ и деревушекъ были особенно близки его сердцу. При свиданіяхъ съ ними онъ не зналъ какъ ихъ обласкать, какъ поддержать духовно. Свѣтлое впечатлѣніе выносили они послѣ задушевной бесѣды со своимъ доброжелательнымъ и умнымъ законоучителемъ. Не одному изъ нихъ придали бодрости эти бесѣды, не у одного изъ нихъ сохранилось свѣтлое воспоминаніе о томъ, кто любилъ ихъ, думалъ о нихъ, болѣлъ за нихъ душою.

Народныхъ учителей онъ защищалъ, гдѣ это нужно было для пользы дѣла. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ оффиціальной перепискѣ была высказана мысль, что учительская семинарія „ошляхетниваетъ“ учителя, дѣлаетъ его бариномъ въ деревнѣ.

Зосимовичу пришлось писать по этому поводу. Въ его краснорѣчивой бумагѣ выпукло выступали тѣ стороны жизни народнаго учителя, съ которыми мѣстная администрація, учебная и неучебная, не считалась, но которыя имѣли несомнѣнно культурное значеніе, возвышая народнаго учителя въ глазахъ мѣстнаго зажиточнаго сельскаго населенія. Мирная, скромная работа народнаго учителя цѣнилась Зосимовичемъ по прочной пользѣ, приносимой ею. Чрезвычайно тепло отзывался онъ о тѣхъ скромныхъ труженикахъ, которые сохранили въ глухихъ углахъ и извѣстный уровень интеллигентности и хорошія традиціи, вынесенныя изъ учительской семинаріи.

Свое преподаваніе Зосимовичъ направлялъ къ конкретнымъ цѣлямъ. Онъ прекрасно понималъ, что тотъ кругъ свѣдѣній, который учащіеся пріобрѣтаютъ подъ руководствомъ законоучителя, цѣненъ не самъ по себѣ, какъ теоретическій придатокъ къ другимъ отраслямъ знанія, а своею внутреннею силою, истинами вѣры и нравственности. Раскрыть сущность этихъ истинъ, сдѣлать ихъ близкими душѣ ребенка и юноши—вотъ въ чемъ заключалась обязанность законоучителя. Онъ осуществлялъ ее умѣло и съ пользою. Живой, образный языкъ, способность уловить характерныя особенности излагаемаго, указывать на примѣненіе ихъ къ жизни въ соотвѣтствіи съ высшими запросами духа дѣлали его уроки не только привлекательными, но и поучительными. Помнятся программы отдѣльныхъ классовъ, составленныя изящно и содержательно. Въ нихъ выступали тѣ стороны морали и религіи, которыя наиболѣе близко соприкасаются съ жизнью. Въ высшихъ классахъ Зосимовичъ выдвигалъ тѣ стороны церковно-исторической жизни, которыя способны были пробуждать въ молодежи и живую мысль и трезвое народное настроеніе. Особенно хороши были его уроки по исторіи русской, въ частности западно-русской церкви. Старина возставала въ его изложеніи, какъ живое отраженіе народности; она была обвѣяна глубокимъ чувствомъ любви. Нѣсколько опоэтизированныя страницы прошлаго входили, какъ живая иллюстрація, въ общее міровоззрѣніе учащагося, углубляя и просвѣтляя его. Особенно полезны были эти разъясненія будущимъ народнымъ учителямъ, раскрывая имъ прошедшее родной нивы, на которой они были призваны работать, какъ сознательные сѣятели разумнаго и добраго. Законоучитель стремился привить имъ любовь къ бѣдной родной деревнѣ, скромному храму родного села, обстановкѣ и личности простого человѣка.

Болѣе выпукло эта черта выразилась въ небольшой изящной юбилейной рѣчи въ память Кирилла и Меѳодія (1885 г.), а также

въ большомъ прочувствованномъ словѣ на открытіе Поневѣжскаго реальнаго училища, дышавшаго горячею любовью къ учащейся молодежи, семьѣ и идеальному назначенію школы. Обѣ эти рѣчи были напечатаны въ мѣстномъ органѣ при учебномъ округѣ.

Зосимовичъ смѣялся надъ формализмомъ школы, ея погоней за внѣшнимъ успѣхомъ, ея мелочной регламентаціей, шедшей рука объ руку съ идейною бѣдностью. Онъ былъ врагомъ того, что мѣтко называлъ педагогической сутолокой и дребеденью. По его мысли школа должна была получить совершенно иную организацію, стать ближе къ учащейся молодежи и ея духовнымъ интересамъ, а это возможно лишь путемъ подъема авторитета учителя, предоставленія послѣднему болѣе широкихъ средствъ для дальнѣйшаго развитія.

Не только примиреніе съ тѣнями прошлаго, но и горячая любовь къ жизни отцовъ проходила яркой чертою въ церковныхъ поученіяхъ Зосимовича, въ коихъ выступала старина, обвѣянная теплымъ чувствомъ, но ошибся бы тотъ, кто видѣлъ въ этихъ задушевныхъ словахъ слѣпой диѳирамбъ прошлому. Въ поученіяхъ Зосимовича пробивалась и другая струя, такъ сказать, общечеловѣческая, исканіе живыхъ образовъ, въ которыхъ могли бы воплощаться отзвуки добра, правды, гуманности. Хороши были по тону и колориту его надгробныя слова по случаю смерти мѣстныхъ старыхъ заслуженныхъ протоіереевъ и священниковъ или же полезныхъ общественныхъ дѣятелей. Въ нихъ ярко выступали условія жизни родного уголка, его духовныя нужды. Мысль о новомъ человѣкѣ, честномъ, отзывчивомъ, близкомъ къ просвѣтленнымъ завѣтамъ добра и правды, мелькала въ этихъ поученіяхъ. Эта излюбленная мысль Зосимовича окрыляла его слово и въ извѣстной степени мирила съ невеселымъ настоящимъ. По крайней мѣрѣ, только этой надеждой на лучшее, къ которой склонны люди, умудренные опытомъ жизни, можно объяснить отсутствіе въ его рѣчахъ мрачныхъ нотъ, осужденія.

Зосимовичъ печаталъ свои поученія въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Кромѣ упомянутыхъ выше двухъ его рѣчей и брошюры о Сурдечскомъ монастырѣ (безъ имени автора) онъ помѣстилъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (за 1885 г.) воспоминанія объ епископѣ Игнатіи, одномъ изъ духовныхъ дѣятелей Сѣверо-Западнаго края. Этимъ и ограничивается все печатное наслѣдство даровитаго протоіерея. Владѣя перомъ, умѣя проникать въ смыслъ запросовъ жизни, онъ, казалось, былъ созданъ для работы на болѣе широкомъ поприщѣ, чѣмъ оффиціальная и полуоффиціальная пере-

писка. Умному и наблюдательному человѣку было что сказать о близкомъ, родномъ дѣлѣ, тронуть эту непочатую ниву. Но жизнь слишкомъ занимала его и, легко работая въ кабинетѣ, онъ не чувствовалъ возможности оторваться отъ живыхъ впечатлѣній, которыя имѣли для него прелесть чего-то цѣльнаго. Много вліяло и отсутствіе духа иниціативы, отсутствіе духовныхъ толчковъ, такъ часто наблюдаемое въ провинціи. Петербургъ, въ которомъ у него жилъ братъ—литераторъ, Зосимовичъ посѣщалъ очень рѣдко на короткое время и не имѣлъ сношеній съ пишущимъ міромъ. Впрочемъ, уйти въ міръ отвлеченныхъ идей не позволяла ему слишкомъ живая натура, сохранившая надъ нимъ свои права и въ преклонные годы. Бодрый духомъ, впечатлительный и отзывчивый, онъ не могъ сосредоточиться на одной умственной работѣ. Нужны были исключительные стимулы, чтобы выбить его изъ обычной колеи спокойнаго наблюдателя, скромнаго мыслителя въ своемъ тихомъ уголкѣ. „Не книги дѣлаютъ жизнь, повторялъ онъ не разъ, книги, такъ сказать, кристаллизуютъ жизнь, отливая въ готовыя формы всю совокупность ея живыхъ явленій. Онѣ важнѣе для потомства и исторіи, чѣмъ для современниковъ. Въ книгѣ далеко не всѣ разсѣянные лучи этой жизни собираются въ яркіе фокусы; не всегда есть и возможность — умалчиваю о художественныхъ талантахъ — осязать формы этой жизни, постигать то, что творится живыми людьми“.

Ставя серьезныя задачи періодической прессѣ, онъ сѣтовалъ, что у насъ отдѣльныя части одного цѣлаго такъ мало знаютъ другъ друга, что кровные интересы и нужды народности, столь разнообразные на противоположныхъ окраинахъ государства, не становятся достояніемъ широкихъ круговъ образованныхъ людей. Этимъ онъ объяснялъ слабое развитіе общественнаго самосознанія, обидный индифферентизмъ къ своему, въ частности къ обездоленнымъ, нуждающимся въ свѣтѣ и духовной помощи людямъ. Эту любимую свою тему онъ развивалъ задушевно; истиннымъ наслажденіемъ было слушать его въ долгіе зимніе вечера, въ уютномъ кабинетѣ, украшенномъ портретомъ митрополита Іосифа Сѣмашко. Мысль невольно переносилась отъ настоящаго къ инымъ свѣтлымъ перспективамъ, когда для бѣднаго поселенца и скромнаго народнаго учителя настанутъ лучшіе дни.

Зосимовичъ сохранилъ отзывчивость на общественные вопросы до конца своихъ дней, не забывая обязанности священника-гражданина откликаться своимъ словомъ на все, что волнуетъ человѣка и общество. Прикованный къ одру болѣзни, онъ по поводу какой-нибудь исторической годовщины исписывалъ цѣлые листы, передавая

ихъ сослуживцамъ. Немало было въ этихъ горячихъ и изящныхъ строкахъ чистыхъ и честныхъ думъ, свѣтлыхъ надеждъ; въ нихъ слышался призывъ къ работѣ мысли и души.

Любовь къ темнымъ, глухимъ приходамъ, въ которыхъ, по его выраженію, въ тишинѣ работала народная дума, теплилось хорошее, свѣтлое чувство, создавались простые, симпатичные типы, не умерла въ немъ въ поздніе годы. Много интересныхъ разсказовъ, впечатлѣній и наблюденій передавалъ онъ въ вечерніе досуги. Съ особенной любовью характеризовалъ онъ стойкихъ, честныхъ стариковъ священниковъ, а также и новое поколѣніе духовенства, стремившееся къ плодотворной дѣятельности на пользу приходовъ. Онъ любилъ переноситься въ скромную обстановку сельскаго священника, среди которой зрѣли добрыя начинанія для этихъ мелкихъ ячеекъ народности, медленнымъ трудомъ поднимаемыхъ къ духовной жизни, заброшенныхъ, захолустныхъ приходовъ. „Когда тамъ зажгутся чистыя свѣчи народности, когда наша Бѣлоруссія покроется очагами вѣры и просвѣщенія, тогда можно будетъ думать объ обновленіи общественно-религіозной жизни въ нашемъ забытомъ исторіей краѣ“, говорилъ онъ. Въ своихъ бесѣдахъ съ молодыми священниками онъ выяснялъ имъ трудности ихъ общественнаго служенія. Священнику, поставленному между приходомъ, администраціей, собственнымъ начальствомъ, а кое-гдѣ и старообрядцами, нужно было проявлять много такта, осторожности и благоразумія, чтобы не уронить ни себя, ни того дѣла, которому онъ былъ призванъ служить. Большое значеніе придавалъ онъ проповѣди, лучшей школѣ для священника. Онъ видѣлъ въ ней живую книгу для народа. Она заставляла интенсивнѣе работать мысль, пробуждала то лучшее, что обыкновенно глубоко спитъ въ душѣ. „Въ умѣлыхъ и честныхъ устахъ, говорилъ онъ, живое слово всегда можетъ оправдать себя, если въ него влита капля сердечности и сознанія нравственнаго долга“.

Зосимовичъ былъ привязанъ къ тому уголку, куда забросила его судьба. Онъ жилъ его интересами, слѣдилъ за ростомъ его духовныхъ и общественныхъ стремленій, наблюдаемымъ въ молодомъ поколѣніи интеллигенціи, съ которой онъ охотно сближался. Чутко угадывалъ онъ тѣ молодыя натуры, которыя оказывались воспріимчивыми къ высшимъ стремленіямъ. Былъ ли это судебный дѣятель, или педагогъ средней школы, или скромный народный учитель, Зосимовичъ со всякимъ бесѣдовалъ подолгу. Умный и наблюдательный, онъ извлекалъ изъ этихъ бесѣдъ необходимое для себя, молодѣлъ душою. Помнятся его бесѣды о необходимости юридической помощи бѣдному люду, защиты земельныхъ и имуществен-

ныхъ интересовъ крестьянъ, попадающихъ въ цѣпкія руки мѣстныхъ дѣльцовъ, его мысли о расширеніи курса народной и средней школы и проч.

Живой нервъ современности сказывался въ этомъ человѣкѣ. Онъ давалъ возможность сводить къ одному принципу разнообразныя явленія окружающей среды. Послѣднее опредѣленно выражалось въ его проповѣдяхъ, привлекательною стороною которыхъ являлась идейная проникновенность, сліяніе благого порыва и трезваго факта дѣйствительности. Эта интеллектуальная амальгама пріобрѣтала особую свѣжесть, благодаря теплому, задушевному тону, а также нѣкоторому налету грусти и размышленія.

И на эту живую натуру находила подчасъ тоска. Тогда Зосимовичъ брался за своихъ любимыхъ поэтовъ и въ нихъ черпалъ запасы образовъ, идей и чувствъ, утверждавшихъ его еще сильнѣе въ любви и служеніи своему темному уголку. Въ послѣдніе годы онъ носился съ мыслью о періодическомъ изданіи, въ которомъ находили бы освѣщеніе интересы народной школы. Въ немъ онъ видѣлъ средство поднять самосознаніе народнаго учителя. Это была послѣдняя вспышка тѣхъ благородныхъ стремленій, которыми ознаменовались ранніе годы его дѣятельности.

Не праздно проходила его полная свѣтлыхъ думъ и хорошихъ настроеній жизнь. Если бы этому человѣку пришлось работать въ большемъ центрѣ, чѣмъ захолустный городокъ, онъ могъ бы проявить больше дѣятельности. Но живая сила не всегда можетъ найти себѣ у насъ живое примѣненіе, а почтенный дѣятель былъ слишкомъ гордъ, чтобы напоминать о себѣ.

Многолѣтній недугъ подтачивалъ силы Зосимовича. Въ концѣ 1895 года обнаружились тревожные признаки, а съ начала слѣдующаго года онъ слегъ. Тяжелы были и для него и для окружающихъ послѣдніе пять мѣсяцевъ медленной агоніи, постепенно разрушавшей крѣпкій нѣкогда организмъ. Въ эти тяжелые дни борьбы съ недугомъ больной не забывалъ того, чѣмъ онъ интересовался въ прежніе лучшіе годы. Конечно, бесѣды его не отличались прежнимъ спокойствіемъ, прежнею идейною ясностью, но трогательно было наблюдать эти симпатичные проблески мысли въ борьбѣ съ неприглядным окружающимъ. Больной не скрывалъ отъ себя рокового исхода. Онъ не говорилъ о своихъ опасеніяхъ близкимъ. Только съ немногими испытанными друзьями онъ былъ вполнѣ откровененъ. Впрочемъ, неизбѣжный конецъ не страшилъ его. Религіозность и житейское благоразуміе примиряли его съ кончиною. „Прожита жизнь; не безъ пользы прошла она въ трудахъ и хорошихъ честныхъ мысляхъ. Я уже старъ; пора и въ иной лучшій

міръ“, говорилъ онъ. Онъ умеръ раннимъ утромъ 17 іюня 1896 года послѣ тяжелой агоніи, начавшейся еще наканунѣ.

Скромны были похороны этого человѣка, отдавшаго свою жизнь разумному служенію жизни, продумавшаго не одну свѣтлую думу для блага скромнаго родного уголка.

Въ немъ сошелъ въ могилу одинъ изъ послѣднихъ могиканъ старой жизни, которая не можетъ быть забыта, такъ какъ она коренилась на лучшихъ завѣтахъ народности. Но въ немъ эта жизнь просвѣтлялась и осложнялась новыми, высшими запросами, не теоретическими, а прямо вытекавшими изъ пониманія интересовъ народности.

Адр. Круковскій.

Царево сердце.

(Разсказъ-быль) [1]).

I.

Въ одномъ изъ невзрачныхъ уѣздныхъ городишекъ, разбросанныхъ рѣдкими точками по раздольнымъ степямъ Самарскимъ, жилъ старичекъ, несшій на своихъ плечахъ семьдесятъ съ залишкомъ лѣтъ; звали его Никономъ Павловичемъ, а у обывателей онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ „сѣденькаго миротворца“, каковое прозвище было дано ему за его мягкій характеръ и отзывчивую душу.

Богъ вѣсть, съ какихъ поръ онъ проживалъ тутъ въ должности станціоннаго смотрителя, доля котораго въ старину была суровая: ѣдетъ „большой“ чиновникъ—изволь быть на-вытяжку, а не то распушитъ до оскорбленія; остановится пьяный купчина и начинаетъ ломаться, ругаться и норовитъ такъ ни съ того ни съ сего въ ухо заѣхать,—поди, ищи съ него... Словомъ, смотрительская персона представляла собой нѣчто обреченное на поруганіе. Но Никонъ Павловичъ, благодаря мягкости и обходительности, какъ-то умѣлъ ладить съ „будоражными“ проѣзжими, и они уносили въ своемъ сердцѣ добрыя о немъ воспоминанія.

Жилъ Никонъ Павловичъ бобылемъ; жену свою схоронилъ онъ

---

[1]) Этотъ разсказъ я слышалъ отъ одного почтеннаго гражданина города Бугульмы, Самарской губ., который лично зналъ героя разсказа—„сѣденькаго миротворца“, подѣлившагося съ нимъ безхитростнымъ сказаніемъ о своей скорбной жизни и тяжеломъ странствіи въ Царское Село.

Авторъ.

ужъ, почитай, лѣтъ съ двадцать и послѣ этой утраты сосредоточилъ всѣ свои заботы на пятилѣтней дочкѣ Лизѣ, отдавая ея воспитанію всѣ досуги, умѣнье и средства. Стукнуло Лизѣ 18 лѣтъ, и Никонъ Павловичъ выдалъ ее за маленькаго чиновника изъ мѣстнаго казначейства.

Почувствовавъ одиночество, Никонъ Павловичъ затосковалъ до болѣзненности, особенно на первыхъ порахъ, когда въ его крохотной квартиркѣ все такъ живо напоминало о недавнемъ пребываніи Лизы—этого ангела-утѣшителя въ его трудовой жизни. Придетъ Лиза, начнетъ утѣшать своего старичка, а онъ молча гладитъ ее по головкѣ, да изрѣдка украдкой сбрасываетъ непослушную слезу.

II.

Прошли долгіе годы. Никонъ Павловичъ примирился со своимъ одиночествомъ, но зато не могъ смотрѣть безъ сердечныхъ мукъ на жизнь Лизы, жизнь полную тревогъ изъ-за копѣйки для завтрашняго дня.

Мужъ Лизы все сидѣлъ на пятнадцати-рублевомъ жалованьи, надежды на движеніе впередъ не видѣлось, а между тѣмъ трое малютокъ лежали непосильнымъ бременемъ на его скудныхъ достаткахъ. Жизнь шла впроголодь... Выбиваясь изъ силъ, онъ старался заслужить вниманіе начальства, но, знать, „планида такая несчастная надъ нимъ висѣла“, какъ выражался о немъ Никонъ Павловичъ, и какъ лѣтъ 12 тому назадъ онъ сѣлъ на писарскій стулъ, да такъ и застылъ на немъ, словно его тутъ приморозили. Любилъ онъ семью до полнаго самоотверженія и для нея отказывалъ себѣ рѣшительно во всемъ: платье носилъ съ цѣлою сѣтью заплатокъ и ровно никакого вниманія не обращалъ на то, что пальцы предательски выглядывали изъ дырявыхъ сапогъ. И лѣтомъ, и зимой онъ ходилъ въ одной и той же стародавней хламидинѣ, и хотя ему приходилось отъ стужи выбивать зубами барабанную дробь, однако, молодой организмъ до поры до времени выходилъ побѣдителемъ изъ этой суровой борьбы съ неумолимой стихіей. Но, наконецъ, силы его изсякли, и онъ въ борьбѣ не устоялъ: позднею осенью простудившись, онъ на вѣки угасъ, оставивъ своей Лизѣ въ наслѣдіе лишь вѣру въ Бога и Царя, что они не дадутъ погибнуть сиротамъ труженика, долгіе годы боровшагося съ злосчастьемъ на службѣ царской.

III.

Тихая квартирка Никона Павловича оживилась... Дѣтскіе голоса трещали весело и безъ умолку, а между тѣмъ ихъ дѣда и мать

угнетали скорбныя думы. Но какъ бы то ни было, все-таки жизнь сиротъ у дѣда сложилась сносно... Къ дѣдовскому заработку изрѣдка прибавлялись вещественные отклики добрыхъ людей, къ слову сказать, страшно терзавшіе самолюбіе старика. Скрѣпя сердце, онъ мирился съ такимъ безотраднымъ положеніемъ, но передъ нимъ, какъ грозный призракъ, стоялъ неотступно одинъ и тотъ же вопросъ: что будетъ съ сиротами, когда погаснетъ его послѣдній день? Разрѣшая этотъ мучительный вопросъ, Никонъ Павловичъ задумалъ обратиться съ просьбой о назначеніи сиротамъ пенсіи за службу отца, хотя и зналъ, что, за невыслугой надлежащаго срока, нѣтъ къ тому законныхъ основаній.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ пенсіи отказали, а выдали единовременно какія-то крохи, которыя ушли на подновленіе одежды, настойчиво о томъ напоминавшей своею истрепанностью.

Никонъ Павловичъ все же не упалъ духомъ, а по совѣту мѣстнаго благочиннаго написалъ прошеніе на Высочайшее имя только-что воцарившагося Государя Императора Александра II.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ канцеляріи изъ Петербурга получился отвѣтъ, что, на основаніи такихъ-то статей, просьба не можетъ быть уважена.

— Пиши Государынѣ, женское сердце къ горю отзывчиво...— опять натолкнулъ на новую мысль благочинный старика.

Опять полетѣла „слезница“ и опять тотъ же канцелярскій отвѣтъ.

Всѣ эти неудачи какъ-будто даже озлобили Никона Павловича.

— Нѣтъ, это тово... Это—штука чиновниковъ... Они самовольничаютъ... Батюшкѣ Царю мою бумагу не доложили... Вотъ возьму, да и самъ къ нему пойду, упаду въ ноги... Онъ выслушаетъ, онъ—отецъ нашъ!...

Повидимому, старикъ такъ съ горя сбрехнулъ, а оказалось, что эта мысль гвоздемъ засѣла ему въ голову, и онъ твердо рѣшилъ ее осуществить, несмотря на отговоры знакомыхъ, заподозрившихъ, что не „свихнулся ли“ бѣдняга, ежели задумалъ такую небывальщину...

Больше объ этомъ Никонъ Павловичъ ужъ ни съ кѣмъ не говорилъ, а взялъ отпускъ, обставилъ кое-какъ семью на время своего отсутствія и отправился въ далекій и трудный путь.

IV.

О подробностяхъ странствія Никона Павловича до Царскаго Села сказаніе умалчиваетъ. Извѣстно лишь, что мѣстами его под-

возили попутные ямщики, по Волгѣ плылъ на расшивѣ и по силѣ-возможности тянулъ съ бурлаками лямку, по чугункѣ не сумѣлъ добыть дарового билета и отъ Москвы отмахалъ путь по шпаламъ.

Въ Царскомъ Селѣ, гдѣ жила въ это время Государева семья, Никонъ Павловичъ пріютился у старушки—вдовы придворнаго истопника, оказавшейся столь сердобольной, что, прослушавъ грустную повѣсть своего постояльца, она всячески старалась помочь въ его домогательствахъ.

— Ты, батюшка, принарядься завтра утрышкомъ, да и иди въ царскій садъ. Тамъ свободно, не зряшныхъ-то пущаютъ. Государь кажнее утро тамъ гуляетъ. Какъ увидишь его, батюшку, сейчасъ упади на колѣни, а бумагу-то на головѣ держи... Такъ поучала истопничиха, словно дворцовые порядки были ей извѣстны до точности.

На утро Никонъ Павловичъ одѣлся въ смотрительскій сюртучишко и, напутствуемый добрыми пожеланіями истопничихи, отправился по ея указанію.

Что почувствовалъ Никонъ Павловичъ, не поддается описанію, когда на изгибѣ одной аллеи онъ почти лицомъ къ лицу встрѣтился съ Государемъ. Разомъ силы его покинули, ноги подкосились, и онъ, обнаживъ голову, упалъ на колѣни.

— Что тебѣ, старичекъ, надо?—мягко спросилъ Государь.

Никонъ Павловичъ силился отвѣтить, но языкъ не повиновался,—вылетали какіе-то несвязные членораздѣльные звуки, да руки безтолково ходили по карманамъ въ поискахъ предательски пропавшаго прошенія, которое между тѣмъ лежало въ валявшейся на землѣ фуражкѣ.

— Бумагу ищешь? Да это не она ли? И Государь, наклонившись, самъ взялъ прошеніе, въ которомъ все дѣло было изложено до мельчайшихъ подробностей.

Никонъ Павловичъ, несмотря на предложеніе Государя встать, стоялъ на колѣняхъ все время, пока онъ читалъ прошеніе.

— Что же я могу сдѣлать?—проговорилъ Государь. Законъ не велитъ, а мнѣ тѣмъ болѣе нельзя нарушать его... Но, впрочемъ, я подумаю... Иди съ Богомъ и подожди нѣсколько дней. Ну, встань же, да разскажи, какъ ты сюда добрался?

Никонъ Павловичъ всталъ и, видя такое теплое отношеніе Государя, ободрился и разсказалъ о своемъ многотрудномъ странствіи. Не разъ вздохъ вырывался изъ груди Государя.

— Ну, такъ иди же съ Богомъ...

Никонъ Павловичъ схватилъ руку Государя, поцѣловалъ и съ чисто-юношескою поспѣшностью зашагалъ изъ сада.

Нечего и говорить о томъ, съ какимъ сіяющимъ лицомъ ворвался онъ въ свою квартирку и, не говоря ни слова, началъ цѣловать и руки, и морщинистыя щеки, и голову растерявшейся истопничихи.

— Что ты, батюшка?.. Что съ тобой?.. Инда измялъ всю!—лепетала, улыбаясь, истопничиха, догадавшаяся о благополучномъ исходѣ дѣла своего постояльца.

Восторженно разсказалъ Никонъ Павловичъ о своей встрѣчѣ съ Государемъ. Истопничиха только „ахала“ да всплескивала руками, дивясь необычайной простотѣ обращенія Государя и отзывчивости Царева сердца.

V.

Прошло три дня, въ теченіе которыхъ у Никона Павловича съ истопничихой не было никакого другого разговора, какъ только на неувядаемую тему о встрѣчѣ съ Государемъ. Они обсуждали каждое его слово, строили разныя предположенія и въ концѣ концовъ рѣшили, что все въ совокупности является знаменіемъ удачи. Дѣйствительно, ихъ соображеніе скоро оправдалось.

На четвертый день, утромъ, къ истопничихиной хибаркѣ подъѣхала придворная карета, а черезъ минуту вошелъ „гербовый“ лакей и доложилъ, что Никона Павловича требуютъ во дворецъ.

Истопничиха и Никонъ Павловичъ стояли словно застывшіе и довольно неумно „пучили очи“ на пришельца.

— Пожалуйте сейчасъ же, карета васъ ждетъ—проговорилъ вѣжливо лакей

Истопничиха первая вышла изъ оцѣпенѣнія и, толкнувъ совсѣмъ безцеремонно въ бокъ своего постояльца, проговорила: что же ты, батюшка, столбомъ-то стоишь? Одѣвайся скорѣе, видишь—ждутъ...

Никонъ Павловичъ засуетился и при помощи старушки скоро оказался въ „полномъ парадѣ“ и вышелъ на улицу.

Лакей отворилъ дверцы кареты, Никонъ Павловичъ неуклюже нырнулъ въ нее, и карета тронулась.

У дворцоваго подъѣзда Никона Павловича встрѣтилъ какой-то чиновникъ и со словами „пожалуйте за мною“ повелъ его во дворецъ. Миновавъ цѣлую амфиладу комнатъ, поражающихъ роскошью и какою-то величественною тишиною, чиновникъ указалъ Никону Павловичу затворенную дверь и, веля войти въ нее, быстро зашагалъ назадъ.

VI.

Съ замираніемъ сердца, дрожащею рукой Никонъ Павловичъ началъ вертѣть затѣйливую дверную ручку, но дверь не повинова-

лась; онъ сдѣлалъ нѣсколько такихъ неудачныхъ поворотовъ, когда ручку повернули извнутри. Дверь отворилась, и Никонъ Павловичъ очутился передъ Государемъ.

— А-а!.. Это ты, старина!.. Иди-ка сюда — весело проговорилъ Государь.

Опять ноги измѣнили Никону Павловичу: онъ палъ на колѣни.

— Вставай, вставай!.. ты вѣдь теперь у меня въ гостяхъ... садись... И Государь, взявъ за плечи старика, усадилъ его въ кресло.

Никонъ Павловичъ и секунды, кажется, не усидѣлъ и мгновенно всталъ.

— Э—э!.. да ты, видно, не хочешь сидѣть у меня... Ну, такъ пойдемъ къ Государынѣ,—она хочетъ тебя видѣть. И, взявъ со стола конвертъ, Государь подалъ его Никону Павловичу со словами: возьми, это на дорогу тебѣ пригодится...

Никонъ Павловичъ принялъ конвертъ, поцѣловалъ государеву руку и, по его мановенію, послѣдовалъ за великимъ хозяиномъ.

VII.

Они вошли въ комнату, въ которой за чайнымъ столомъ сидѣла вся государева семья.

Государь не успѣлъ выговорить и слова, какъ Никонъ Павловичъ ринулся къ Государынѣ, упалъ передъ нею на колѣни и громко проговорилъ: Царица-матушка, позволь мнѣ, старичишкѣ, поцѣловать твою руку... И, не дождавшись отвѣта, взялъ ея руку, поцѣловалъ, оросивъ ее слезами благоговѣнія.

— Ужъ позволь, царица-матушка, и у дѣточекъ твоихъ ручки расцѣловать?

— Ну, ступай, цѣлуй—улыбаясь, проговорилъ Государь.

Пока Никонъ Павловичъ обходилъ вокругъ стола и, что-то бормоча себѣ подъ носъ, раздавалъ свои поцѣлуи безъ исключенія всѣмъ сидящимъ, Государь разсказывалъ своей супругѣ что-то на непонятномъ Никону Павловичу языкѣ. Видно было, что она близко принимала къ сердцу государевы рѣчи,—не даромъ вздохи вырывались изъ ея груди.

— Теперь слушай, старина — серьезно заговорилъ Государь, близко подойдя къ Никону Павловичу. О твоей дочкѣ и внучкахъ мы съ Государыней позаботимся. Поѣзжай домой, успокойся самъ и утѣшь ихъ. Да смотри, ужъ по шпаламъ не маршируй... Вотъ и Государыня кое-что тебѣ на дорогу приготовила.

Государыня вручила Никону Павловичу такой же конвертъ.

— Теперь прощай!.. Поѣзжай домой и поцѣлуй отъ насъ своихъ внучатъ.

Никонъ Павловичъ отвѣсилъ низкій поклонъ, перекрестился и, сопутствуя Государю, вышелъ опять въ тѣ же комнаты, гдѣ Государь еще разъ сказалъ ему „прощай“, а поджидавшій тотъ же чиновникъ вывелъ его на крыльцо. Подкатила карета и доставила его до истопничихиной хибарки.

VIII.

Еще въ дверь не успѣлъ войти Никонъ Павловичъ, какъ сердобольная старушка просто засыпала его вопросами: „что?.. какъ?.. видѣлъ ли Государя?.. а Государыню? и т. д.“.

Никонъ Павловичъ отъ пережитыхъ волненій словно развалился по всѣмъ швамъ, утомленно опустился на стулъ и медленно, тихо началъ:

— Да, матушка, пораженъ!.. Не ожидалъ... Такая милость, такое вниманіе къ этакому, можно сказать, червяку... Воистину, онъ—отецъ земли русской, защитникъ угнетенныхъ, утѣшитель несчастныхъ... Вотъ видишь, чье это? Самъ Государь и сама матушка-царица своими руками дали мнѣ!..

Онъ смолкъ и дрожащими руками вскрылъ конверты: въ нихъ лежало по сту рублей.

Пробылъ въ Царскомъ Селѣ Никонъ Павловичъ еще около двухъ дней и, задушевно простившись съ дорогой старушкой, отправился въ свое родное гнѣздо.

IX.

Нечего и говорить о томъ, съ какою радостію встрѣтили сироты своего кормильца и заступника, съ какимъ восторгомъ они разсматривали дѣдовскія покупки, которыя онъ называлъ „царскими подарками“.

Нечего и о томъ говорить, что „сѣденькій миротворецъ“ былъ предметомъ вниманія всего городишка: его зазывали въ гости, останавливали на всѣхъ перекресткахъ, и всюду онъ вынужденъ былъ разсказывать о своемъ необычайномъ странствованіи. Словомъ, Никонъ Павловичъ сталъ „героемъ“, передъ несокрушимой волей духа котораго преклонялся каждый обыватель.

X.

Прошло около четырехъ мѣсяцевъ со времени возвращенія Никона Павловича восвояси, а объ исходѣ дѣла его все еще не было

ни слуху, ни духу. Онъ кое-гдѣ наводилъ справки, но тщетно: никто ничего не зналъ...

Но вотъ, ожиданіямъ его насталъ конецъ... Однажды, поздно вечеромъ, въ квартиру его кто-то постучалъ.

Никонъ Павловичъ отперъ дверь, и въ комнату вошелъ предводитель дворянства. Молча онъ вынулъ изъ кармана бумагу и громко прочиталъ о дарованной семьѣ „сѣденькаго миротворца“ царской милости: вдовѣ съ трехлѣтней дочерью назначалась пенсія, девятилѣтняго сынишку повелѣно помѣстить на казенный счетъ въ кадетскій корпусъ, а старшую годомъ дочь—на такомъ же основаніи въ одинъ изъ институтовъ.

Благоговѣйная молитва и слезы радости завершили эту благодатную вѣсть.

Для сиротъ наступили свѣтлые дни!

С. И. Сластниковъ.

Свѣтлое воспоминаніе объ Александровскомъ малолѣтнемъ въ Царскомъ Селѣ корпусѣ.

(Изъ записокъ Стараго Помѣщика) [1]).

Я уже говорилъ ранѣе въ своихъ запискахъ, что мой отецъ умеръ въ 30-мъ году, когда мнѣ не было еще и года, но не упомянулъ, что, умирая и благословляя меня, онъ сказалъ: будь военный и пролей кровь за Царя и Отечество. И этотъ завѣтъ его сталъ моей мечтой съ самаго ранняго дѣтства, почему когда въ 1837 г. моей матерью было получено изъ Петербурга увѣдомленіе, что я зачисленъ въ Александровскій малолѣтній въ Царскомъ Селѣ корпусъ, куда и требовалось меня доставить, я былъ въ восторгѣ и какъ теперь помню наше туда путешествіе. Старый помѣщичій возокъ былъ наполненъ перинами, подушками и пр., а важи наверху различнымъ платьемъ и другими вещами. Я съ матушкой и няней Марьей Михайловной Винокуровой помѣщались въ возкѣ, а на козлахъ съ ямщикомъ сидѣлъ нашъ старый лакей и, такимъ образомъ, отправляясь черезъ Пензу, Нижній и Москву, до Петербурга пришлось ѣхать по ухабамъ изъ Саратова цѣлый мѣсяцъ.

Въ Царскомъ Селѣ Александровскій малолѣтній корпусъ былъ такимъ чуднымъ заведеніемъ, которое въ настоящее время врядъ ли гдѣ-либо можно встрѣтить. Директоромъ корпуса въ то время былъ генералъ-лейтенантъ Хатовъ, завѣдующій хозяйственной частью полковникъ Дихеусъ, а начальницей вдова генерала Кронъ. Тамъ было нѣсколько ротъ и взводъ малолѣтнихъ; каждой ротой и взводомъ завѣдывали особыя почетныя дамы, имѣя въ помощь нянекъ; кромѣ этого въ каждой ротѣ было по одному заслуженному, старому гвардейскому унтеръ-офицеру, на обязанности которыхъ лежало слѣдить за выправкой и маршировкой кадетъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1909 г.

Всѣ мы были одѣты въ военную форму, не исключая и взвода малолѣтнихъ, гдѣ въ мое время были и такіе, на которыхъ нельзя было надѣть еще и штанишекъ, такъ какъ одинъ даже былъ на рукахъ у кормилицы.

Обращеніе съ нами въ этомъ корпусѣ, какъ равно и содержаніе насъ было удивительно по своей гуманности и царской щедрости.

Кромѣ класснаго ученія сообразно возраста, насъ въ реакраціонномъ залѣ учили маршировкѣ и гимнастикѣ. И вотъ однажды въ это время къ намъ пріѣхалъ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній Великій Князь Михаилъ Павловичъ, человѣкъ пожилой, высокаго роста и сильнаго сложенія.

Мы выстроились по ротамъ, и онъ, обходя, спрашивалъ иногда фамиліи, особенно интересуясь тѣми, отцы которыхъ были убиты въ сраженіяхъ; подойдя же къ взводу малолѣтнихъ, онъ ласкалъ ихъ и даже нѣкоторыхъ бралъ на руки. Шутя и играя съ кадетами, онъ растянулся на полу и приказывалъ имъ поднять себя; малыши, конечно, не могли этого исполнить, несмотря на его настойчивость, но одинъ карапузъ нашелся и запустилъ ему въ мягкія части булавку, такъ что Великій Князь живо вскочилъ и, расцѣловавъ лилипута, далъ ему даже коробку конфектъ.

За время моего пребыванія въ Александровскомъ корпусѣ было два замѣчательныхъ случая помѣщенія туда дѣтей: первый случай—сына Шамиля; мальчуганъ этотъ интересовалъ насъ и своимъ происхожденіемъ и шрамомъ на рукѣ отъ полученной, по его словамъ, пулевой раны. Это былъ въ высшей степени живой и быстроглазый мальчикъ, но мало похожій на азіата. Второй случай—сына лѣсничаго, фамилію котораго я не припомню. Его родители жили одиноко въ глуши казеннаго лѣса и были ограблены и убиты разбойниками, которые дѣтей ихъ, этого мальчика и еще грудного ребенка, не тронули.

Пока эти сироты не были найдены, мальчикъ питался жалкими остатками пищи, а грудного ребенка подкладывалъ подъ собаку съ ея щенятами. Императоръ Николай Павловичъ приказалъ помѣстить ихъ въ казенныя заведенія.

Затѣмъ въ началѣ 40-хъ годовъ я былъ переведенъ въ Павловскій корпусъ, о которомъ буду писать особо.

В. А. Шомпулевъ.

Памяти К. Д. Кондзеровскаго.

Въ послѣднее время все чаще раздаются голоса о необходимости, въ виду сильнаго возростанія вооруженныхъ силъ, сложности современнаго военнаго дѣла и громаднаго его прогресса во всѣхъ отношеніяхъ, обратить особое вниманіе на наилучшую подготовку офицеровъ какъ въ смыслѣ расширенія ихъ научныхъ познаній, такъ и выработки болѣе твердыхъ и самостоятельныхъ характеровъ, способныхъ проявлять иниціативу и рѣшаться брать на себя отвѣтственность въ нужную минуту. Вопросъ этотъ капитальной важности и удачное его разрѣшеніе будетъ способствовать поднятію арміи на должную высоту и сдѣлаетъ ее снова грознымъ орудіемъ, безъ могучей помощи котораго не можетъ быть достигнуто полное возрожденіе нашей родины.

Важность соотвѣтственнаго воспитанія и образованія молодыхъ людей, посвятившихъ себя военной службѣ, понятна сама собою и надъ этими серьезными вопросами, съ перемѣннымъ успѣхомъ, работали и работаютъ многіе.

Въ настоящей замѣткѣ намъ хотѣлось бы напомнить объ одномъ изъ лучшихъ работниковъ на этой нивѣ, который, къ сожалѣнію, въ свое время не былъ оцѣненъ по достоинству и по независящимъ отъ него обстоятельствамъ не могъ принести крайне важному и трудному дѣлу подготовки офицеровъ той пользы, которую можно было ожидать отъ человѣка большого ума и почина, съ сильнымъ самостоятельнымъ характеромъ и глубоко преданнаго своему дѣлу.

Мы говоримъ о покойномъ Константинѣ Даниловичѣ Кондзеров-

скомъ, бывшемъ въ 1874—1875 годахъ, въ чинѣ полковника, и. д. начальника 2 военнаго Константиновскаго училища.

Для характеристики этого рѣдкаго начальника и педагога мы позволимъ себѣ привести приказъ, отданный имъ по училищу 12 октября 1875 года, за № 287, по случаю отчисленія его отъ должности.

Первый пунктъ этого приказа дословно гласитъ слѣдующее: „Высочайшимъ приказомъ 6 октября я отчисленъ отъ исправленія должности начальника 2 военнаго Константиновскаго училища съ переводомъ въ генеральный штабъ и съ прикомандированіемъ къ главному штабу. Объявляя объ этомъ по училищу, я считаю долгомъ еще разъ благодарить всѣхъ бывшихъ моихъ сотрудниковъ и помощниковъ по службѣ въ училищѣ по строевой, учебной, хозяйственной и канцелярской частямъ.

Благодарю юнкеровъ за ихъ примѣрное поведеніе и за отлично усердную службу: съ истиннымъ удовольствіемъ я долженъ сказать, что, въ теченіе годового слишкомъ начальствованія моего, я всегда былъ свидѣтелемъ неослабнаго рвенія въ молодыхъ людяхъ.

Поставивъ задачею училища подготовлять для арміи передовыхъ офицеровъ, способныхъ занять впослѣдствіи постъ отдѣльнаго начальника, я старался, прежде всего, поднять почетное званіе юнкера военнаго училища на ту высоту, на которой оно должно стоять; я старался поднять нравственный уровень юнкеровъ.

Стремленіемъ моимъ было уничтожить то обаяніе, какое почему-то, вообще, приписывается системѣ строгихъ наказаній: я желалъ воспитывать юнкеровъ, будущихъ офицеровъ, въ духѣ правды и справедливости, безпредѣльной преданности Престолу и любви къ своему ремеслу; но подъ воспитаніемъ я не разумѣлъ только правильное примѣненіе таблицы дисциплинарныхъ взысканій къ проступкамъ молодыхъ людей: нравственная сторона человѣка, по мнѣнію моему, должна стоять на первомъ планѣ.

Я старался провести юнкерамъ, будущимъ начальникамъ, тотъ взглядъ, что начальникъ обязанъ заботиться о своихъ подчиненныхъ по закону, и что здѣсь не можетъ быть мѣста прихоти; что произволъ начальника, а не дѣйствія строгозаконныя, подрываютъ дисциплину и болѣе всего вредятъ ей, что военные самодуры такъ же опасны для арміи, какъ и статскіе на своихъ мѣстахъ и въ общежитіи. Я желалъ, чтобы молодые люди прониклись мыслью, что въ основѣ всякаго благовоспитаннаго человѣка, тѣмъ болѣе начальника, должно лежать уваженіе человѣческаго достоинства, какъ бы низко ни стоялъ человѣкъ; что тотъ, кто не уважаетъ этого въ другихъ, самъ не заслуживаетъ уваженія; что авторитетъ начальника, под-

держиваемый единственно одной палкой, весьма не проченъ, да и не почетенъ. Что точное выполненіе каждымъ своихъ обязанностей, примѣръ начальника для подчиненныхъ и строгое выполненіе требованій воинской дисциплины составляютъ основу службы, и что къ этому обязываетъ каждаго не страхъ наказанія, а долгъ и совѣсть.

Что тотъ начальникъ, который вздумалъ бы дѣлать поблажки своимъ подчиненнымъ, ради пріобрѣтенія популярности, можетъ ожидать не уваженія, а скорѣе презрѣнія отъ нихъ. Но я того мнѣнія, что если начальникъ предоставляетъ своимъ подчиненнымъ пользоваться закономъ или существующими постановленіями, имъ предоставленными, и слѣдитъ только, чтобы подчиненные ими не злоупотребляли, то онъ исполняетъ свой долгъ.

Напротивъ, вожденіе молодыхъ людей на помочахъ, излишняя надъ ними опека и навязываніе непрошенныхъ благодѣяній скорѣе вредитъ дѣлу, чѣмъ приноситъ пользу.

Точно также въ учебномъ дѣлѣ стремленіемъ моимъ было возбудить въ молодыхъ людяхъ любовь къ труду и поселить въ нихъ убѣжденіе о необходимости пріобрѣтенія научныхъ познаній, которыя только и могутъ дать превосходство имъ по службѣ и поставить выше другихъ. Словомъ сказать, я стремился къ тому, чтобы въ юнкерѣ выработался характеръ, извѣстнаго рода законъ, опредѣленныя убѣжденія; чтобы онъ, явясь съ ними на службу въ войско, въ состояніи былъ бы принести дѣйствительную пользу и быть замѣтнымъ, а не стушевываться въ массѣ,—иначе была бы не понятна и цѣль учрежденія военныхъ училищъ.

Въ къ чему я стремился и чего желалъ достигнуть; результаты не могли быть еще видны, но не было и малѣйшей причины сомнѣваться въ успѣхѣ, въ особенности при дружномъ содѣйствіи всѣхъ тѣхъ, кому ввѣрена судьба молодыхъ людей, будущихъ офицеровъ. Если проводимые мною взгляды и высказываемыя убѣжденія казались многимъ странными и, чего добраго, не своевременными, то никто не можетъ сказать, что они не честны и не желательны.

Тому, кто привыкъ дѣйствовать всегда открыто и идти прямымъ путемъ, всякія другія дѣйствія и пути могутъ казаться только позорными. Я могу въ заключеніе повторить то, что не разъ было высказано мною, а именно, что я не знаю другой службы, кромѣ какъ по долгу совѣсти и присяги; этого по службѣ я добивался и отъ всѣхъ моихъ подчиненныхъ".

Вотъ что думалъ, проводилъ въ жизнь и смѣло высказывалъ,

35 лѣтъ тому назадъ, полковникъ Кондзеровскій о постановкѣ воспитанія и образованія офицеровъ.

Полагаемъ, что приведенный приказъ, и безъ дальнѣйшихъ поясненій, вполнѣ рельефно очерчиваетъ незаурядную личность бывшаго начальника Константиновцевъ и убѣдитъ многихъ, что въ лицѣ К. Д. Кондзеровскаго, окончившаго свои дни, если не ошибаемся, въ скромной роли командира пѣхотной бригады, мы потеряли крупную величину. Этотъ въ высшей степени скромный, но даровитый и сильный духомъ полковникъ безспорно могъ бы принести значительно большую пользу родинѣ, сильно нуждающейся въ крупныхъ дѣятеляхъ, и не только въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ подготовка офицеровъ, составляющихъ, по справедливости, душу и мозгъ арміи, но и на самыхъ высшихъ командныхъ или административныхъ должностяхъ.

Д. Баланинъ.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей (1806—1812) [1]).

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

---

28 августа 1811 г., когда Энгельгартъ взялъ Ломскій островъ, великій визирь совершилъ переходъ близъ Слободзеи; объ этомъ узнали, три дня спустя, въ Виддинѣ, куда было прислано приказаніе визиря о наступленіи въ Малую-Валахію. Ахметъ, недовольный бездѣйствіемъ Измаилъ-Бея и той пассивностью, въ которой его держалъ Зассъ, приказалъ немедленно ему явиться въ Краіово.

Мула-Паша, испуганный счастливымъ переходомъ великаго визиря и опасаясь его успѣховъ, результаты которыхъ могли бы угрожать его жизни, началъ колебаться, вывертываться и наконецъ соглашаться со своими компатріотами. Онъ передалъ Измаилъ-Бею большой укрѣпленный островъ и, кромѣ того, назначилъ ему 4.000 чел. изъ своихъ войскъ, но, вѣрный своимъ меркантильнымъ принципамъ, онъ продалъ ему это одолженіе за 4.000 дукатовъ, которые и получилъ очень аккуратно.

Зассъ былъ далекъ отъ мысли о возможности такой сдѣлки. Занявъ Ломскій островъ, обезпечивъ свое положеніе редутами и полагая, что теперь нечего опасаться Измаилъ-Бея, пробывшаго болѣе мѣсяца въ бездѣйствіи, онъ отослалъ генералу Кутузову 5 эскадроновъ Дерптскихъ драгунъ и три батальона Выборгскаго

---

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1910 года.

полка. Эти войска были отправлены по просьбѣ командира Выборгскаго полка, хотя они и не были ему нужны, и Зассъ согласился на это. Это была единственная ошибка Засса, въ этотъ энергичный періодъ сраженій, гдѣ его поведеніе служило образцомъ отваги, твердости и дѣятельности. Онъ отправилъ графа д'Орурка въ Сербію съ его отрядомъ и поручилъ ему устроить диверсію, которая была хорошо предусмотрѣна и могла бы быть очень полезной, если онъ самъ остался бы достаточно сильнымъ передъ Виддиномъ.

23-го августа, графъ Орурк подошелъ къ Флорентинѣ, турецкой крѣпости, построенной на правомъ берегу Дуная, совершенно оставленной турками. Въ то же время братъ его, полковникъ, командиръ полка встрѣтилъ, подлѣ деревни Гирсова 1.000 турецкихъ фуражировъ и разсѣялъ ихъ.

7-го сентября Измаилъ-Бей, желая нанести рѣшительный ударъ Малой Валахіи, собралъ 1.500 человѣкъ, занялъ большой островъ и подошелъ къ Калафату, въ 9-хъ верстахъ отъ праваго фланга Засса. Онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ исполненія задуманнаго плана, состоявшаго въ томъ, что если Зассъ отступитъ на Ольту, то турки двинутся на Краіову, а если Зассъ будетъ отходить на Краіово, то Измаилъ направится на Ольту у праваго фланга нашей Слободзейской позиціи. Этотъ планъ былъ хорошо задуманъ, что дѣлаетъ честь Измаилу, но успѣхъ не былъ на его сторонѣ.

Отрядъ Засса составляли четыре слабыхъ пѣхотныхъ полка, которые онъ поставилъ на свой правый флангъ, какъ только замѣтилъ движеніе непріятеля и узналъ, что ихъ прежніе ретраншаменты были совершенно пусты. Эти четыре полка дрались съ геройской отвагой, особенно Мингрельскій полкъ. Два снаряда попали въ каре этого полка, которымъ командовалъ тогда подполковникъ Колотинскій, но, несмотря на то, что эти снаряды причинили громадную потерю въ людяхъ, несмотря на энергичныя атаки турокъ, устремившихся на этотъ славный полкъ, онъ не только не растерялся, но не оставилъ ни своего мѣста, ни своего строя. Ночь положила конецъ сраженію, и обѣ воюющія стороны расположились бивакомъ другъ противъ друга.

Между тѣмъ, генералъ Зассъ находился въ самомъ тяжеломъ и даже критическомъ положеніи, ибо непріятель былъ въ 6 разъ сильнѣе его и при томъ имѣлъ преимущество въ силѣ своей позиціи. Много надо было имѣть твердости и рѣшимости, чтобы удержаться противъ непріятеля, и генералъ Зассъ выказалъ и то и другое, хотя въ карманѣ у него лежалъ приказъ Кутузова объ отступленіи, когда онъ найдетъ это нужнымъ.

Кутузовъ послалъ ему этотъ непонятный приказъ въ первый

моментъ тревоги, но полученіи извѣстія о переходѣ турокъ въ Слободзею. Никто изъ насъ ничего не зналъ; онъ не сообщалъ намъ о немъ, а Зассъ скрылъ его отъ своего корпуса [1]). Мы объ немъ узнали только три мѣсяца спустя.

Рѣшеніе Засса дѣлаетъ ему большую честь, онъ не только избѣжалъ многихъ опасностей, но, отступивъ, онъ потерялъ бы страну и армію. Имѣя въ своихъ рукахъ оправдательный документъ для отступленія, онъ не поколебался и рѣшилъ сражаться; немногіе генералы были бы способны на подобную рѣшимость, и эта рѣшимость спасла Малую Валахію, а, быть можетъ, даже насъ самихъ въ Слободзеѣ.

Между тѣмъ, онъ принужденъ былъ перемѣнить позицію, отойдя назадъ; но онъ не оставлялъ своихъ редутовъ и примкнулъ къ нимъ свой лѣвый флангъ. Затѣмъ онъ приказалъ вернуться форсированнымъ маршемъ графу д'Орурку и, къ счастью, Измаилъ-Бей не помѣшалъ исполнить это движеніе.

Когда графъ д'Оруркъ соединился съ Зассомъ, войскамъ была отдана слѣдующая диспозиція:

На правомъ флангѣ, въ двухъ верстахъ позади Калафата:
Генералъ-маіоръ графъ д'Оруркъ.
3 батальона Охотскаго полка.
5 эскадроновъ Волынскихъ уланъ.
4 эскадрона Переяславскихъ драгунъ.
Въ центрѣ генералъ-маіоръ графъ Воронцовъ.
Казаки Мелентьева.
3 батальона Шлиссельбургскаго полка.
2 батальона Мингрельскаго полка.

---

[1]) Единственный приказъ, который Кутузовъ долженъ былъ дать Зассу въ томъ положеніи, въ какомъ они оба тогда находились, это: скорѣе погибнуть со всѣмъ его корпусомъ, чѣмъ покинуть берега Дуная. Хотя Зассъ не нуждался даже въ такомъ приказѣ; но кто ближе знаетъ Кутузова, не удивится тому, что онъ написалъ совершенно обратное. Въ этомъ приказѣ говорилось, однако, что онъ предоставляетъ Зассу дѣйствовать такъ или иначе. Всѣ приказы Кутузова, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, были написаны съ такимъ адскимъ лукавствомъ; онъ всегда придумывалъ средства, чтобы избѣгнуть отвѣтственности и сбыть ее другому. Онъ перенялъ этотъ великій талантъ отъ фельдмаршала Румянцева.

Прим. Ланжерона.

Удивительно пристрастный и несправедливый, во всѣхъ отношеніяхъ, отзывъ иностранца Ланжерона къ нашимъ знаменитымъ полководцамъ Кутузову и Румянцеву. *Ред.*

На лѣвомъ флангѣ генер. Зассъ и оба генер. Рѣпнинскіе.

3 батальона 43-го егерскаго полка.
Казаки Кутейникова.
Тираспольскіе драгуны.
Чугуевскіе уланы.

Всего Зассъ имѣлъ въ то время 5—6.000 челов., чего было достаточно въ его положеніи. Но войска его ежедневно уменьшались, благодаря обычнымъ болѣзнямъ въ іюлѣ и въ августѣ на берегахъ Дуная. Генералъ Збіевскій, полковникъ Зассъ и многіе хорошіе офицеры заболѣли и должны были быть увезены въ Краіову.

8-го сентября Зассъ ожидалъ, что турки будутъ продолжать вчерашнюю атаку или же вышлютъ конные отряды внутрь страны, но вѣроятно они были очень утомлены или напуганы вчерашнимъ упорнымъ сопротивленіемъ, такъ какъ не сдѣлали ни того, ни другого, они ограничились тѣмъ, что укрѣпились въ Калафатѣ и на небольшихъ возвышенностяхъ, которыя его окружали.

Тогда Зассъ снова окружилъ ихъ въ занятыхъ ими позиціяхъ тремя маленькими укрѣпленными лагерями и линіей волчьихъ ямъ, которыя были выкопаны чрезвычайно быстро и, такимъ образомъ, турки 15-го числа увидали себя охваченными съ трехъ сторонъ и подвергались опасности попасть въ плѣнъ. Особенно опасность эта возрасла послѣ того, какъ они сдѣлали ошибку, покинувъ 10-го числа прежнюю крѣпость, немного ниже Виддина, которую тотчасъ же и занялъ Зассъ, удлиннивъ тѣмъ линію обхвата еще на 4 версты.

Съ каждымъ днемъ турокъ сжимали все больше и больше новыми редутами и мѣшали имъ даже фуражировать. 17-го сентября Измаилъ-Бей, желая еще разъ попробовать исполнить приказаніе великаго визиря, снова произвелъ общую атаку съ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, но, потерявъ 300 или 400 лучшихъ стрѣлковъ, былъ отбитъ.

30-го сентября Измаилъ-Бей, зная, что къ генералу Зассу должны подойти еще подкрѣпленія, задумалъ попытаться вновь произвести нападеніе и произвелъ очень энергичную атаку, направленную преимущественно на правый флангъ русскихъ, гдѣ былъ полковникъ д'Оруркъ. Турки атаковали одинъ изъ нашихъ редутовъ съ особой храбростью, но д'Оруркъ выдвинулъ каре Охотскаго полка, который вышелъ на путь отступленія противника, и турки принуждены были пробиваться съ большими потерями. 20 пушекъ, поставленныя въ разныхъ редутахъ, производили безостановочную пальбу и наносили туркамъ много потерь.

Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли подполковника Мелентьева, очень храбраго офицера, но грабителя больше, чѣмъ то позволяется быть казаку. Въ его экипажѣ нашли огромнѣйшую сумму денегъ.

Измаилъ-Бей, видя, что его предпріятія терпятъ неудачи, отправилъ свою конницу на другую сторону Дуная, а укрѣпленія свои рѣшилъ охранять одною пѣхотою.

1-го октября генералъ Зассъ получилъ еще подкрѣпленія: 3 батальона Вятскаго полка и 5 эскадроновъ Чугуевскихъ уланъ подъ командою генераловъ: Сандерса и Лисаневича. 4-го числа онъ узналъ о счастливомъ переходѣ генерала Маркова передъ Слободзеей и, чтобы сыграть маленькую комедію для окончанія этой утомительной кампаніи, онъ велѣлъ 8 октября графу д'Орурку и Воронцову перейти Дунай съ 5-ю батальонами, 17-ю эскадронами и казачьимъ полкомъ. Они соединились съ 1.000 сербовъ подъ командою Витко-Петровича, и этотъ отрядъ, несмотря на то, что принужденъ былъ сдѣлать большой обходъ по дорогѣ на Неготинъ, чтобы взять съ тыла лагерь турецкой кавалеріи подъ Виддиномъ, несмотря на то, что онъ заблудился однажды, вдругъ появился 9-го октября въ 4-хъ верстахъ отъ Виддина, гдѣ ихъ атаковала турецкая кавалерія. Войска Мулы-Паши съ нѣсколькими пушками соединились съ кавалеріей Измаила-Бея, но графъ Воронцовъ, командовавшій отрядомъ, не прекращая боя, все время двигался къ высотамъ, гдѣ находились 4 разрушенныя деревни, и остановившись въ 5-ти верстахъ отъ Виддина, на правомъ берегу Дуная, быстро устроилъ сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ, гдѣ стоялъ Зассъ.

Не владѣя Виддинской крѣпостью, не имѣя при себѣ орудій, при помощи которыхъ можно бы дать серьезный отпоръ турецкой конницѣ и безъ которыхъ нельзя было атаковать ее, несмотря на все это, набѣгъ графа Воронцова имѣлъ такой же успѣхъ и результаты, какъ и экспедиція Маркова.

Сербы, а особенно ихъ начальникъ, прекрасно дрались въ этомъ дѣлѣ.

Послѣ боя, Зассъ приказалъ графу Воронцову расположиться позади Виддина, на большой дорогѣ въ Бесковицы и въ Софію, чтобы задержать турецкіе обозы съ провіантомъ. Мула-Паша догадался объ этомъ и просилъ начать переговоры, вслѣдствіе которыхъ турки обязались оставить Калафатъ и лѣвый берегъ Дуная, русскіе же должны очистить окрестности Виддина, на что Зассъ и согласился. Кара-Османъ-Оглы съ своей конницей, которую онъ едва могъ содержать, сейчасъ же отошелъ; но вскорѣ было получено извѣстіе о перемиріи, заключенномъ въ Слободзеѣ, и взаимный приказъ оста-

ваться на своихъ позиціяхъ. Турки остались въ Калафатѣ, а графъ Воронцовъ уже успѣлъ соединиться съ Зассомъ.

Немного времени спустя, Кутузовъ, неизвѣстно почему, сталъ утверждать, что перемиріе не касается праваго нашего фланга, и приказалъ Зассу вновь переправить черезъ Дунай отрядъ войскъ изъ его корпуса. Вслѣдъ за симъ, генералъ Степанъ Рѣпнинскій, который долженъ былъ жениться на племянницѣ Засса, и заслуживающій возможности отличиться, былъ посланъ взять Ломъ-Паланку. Предпріятіе это ему не удалось; онъ сжегъ только предмѣстье, но не могъ атаковать крѣпости, неся большія потери отъ огня турокъ, засѣвшихъ по окрестнымъ деревнямъ. Рѣпнинскій плохо зналъ мѣстность, и попытка его атаковать одинъ изъ верковъ крѣпости, стоила 43 егерскому полку огромныхъ потерь. Дѣло это произошло 4-го ноября.

Графъ Воронцовъ, узнавъ, что въ 25-ти верстахъ вверхъ по теченію рѣки Ломъ, находится укрѣпленная деревня подъ названіемъ Василевское, служившая складочнымъ мѣстомъ для продуктовъ и товаровъ, прибывающихъ со всѣхъ сторонъ въ Виддинъ и въ лагерь Измаилъ-Бея, двинулся туда и взялъ ее 12 ноября. Дѣло началось 11 ноября, съ турецкими войсками, подошедшими встрѣчать обозъ. Въ Василевскомъ находились магазины, которые были разграблены.

Между тѣмъ Измаилъ-Бей, опасаясь потерять путь отступленія, не могъ больше оставаться въ Калафатѣ и въ ночь на 13-го ноября покинулъ его, двинувшись сначала на большой островъ, а потомъ и совсѣмъ перебрался на правый берегъ.

Въ это время Зассъ получилъ приказъ Кутузова о возобновленіи перемирія, а графъ Воронцовъ все еще оставался около Ломъ-Паланки до 2-го декабря. Время года уже было позднее, погода убійственная, и снабженіе провіантомъ являлось очень затруднительнымъ. Все это заставило Засса приказать графу Воронцову перейти обратно Дунай и поставить всѣ войска на зимнія квартиры.

Эта кампанія доставила безконечную славу генералу Зассу и войскамъ, бывшимъ подъ его начальствомъ. Часто сражаясь и всегда съ большой отвагой, войска находились въ поразительномъ порядкѣ. Зассъ выказалъ большую энергію, много мужества и, самое главное, замѣчательную твердость характера.

Онъ получилъ Владимірскую ленту. Согласно всѣмъ законамъ онъ могъ разсчитывать на Георгія 2-ой степени, также, какъ и я [1]),

[1]) Я также получилъ Владиміра 1-ой степени.

но намъ ихъ не дали, съ тѣхъ поръ какъ Кутузовъ былъ пожалованъ Георгіемъ не первой степени. Я даже думаю, что, наградивъ 2-ою степенью такъ быстро и такъ легкомысленно Маркова, навѣрное раскаивались. Конечно, Зассъ не былъ доволенъ, да и иначе и не могло быть [1]).

Военныя дѣйствія въ Сербіи.

Измаилъ-Бей, находясь со всѣми войсками, какими только могъ располагать, въ Малой Валахіи, не могъ дѣйствовать противъ сербовъ и босняковъ и принужденъ былъ оставить ихъ въ покоѣ. Впрочемъ, турки иногда имѣли съ нами перестрѣлки или производили нѣсколько разбойничьихъ наѣздовъ. Болѣе серьезнымъ было только одно дѣло, происшедшее между Ниссой и Баніей, гдѣ собралось 4 или 5.000 турокъ и стали угрожать крѣпостямъ Баніи и Кургуповицѣ. Тогда Георгій Черный послалъ туда 6.000 челов., которые соединились съ полковникомъ Полторацкимъ, командовавшимъ батальономъ Нейшлотскаго полка, бывшимъ тогда гарнизономъ въ Баніи, вмѣстѣ съ 50 казаками и нѣсколькими уланами.

Георгій Черный двинулся на турокъ, застигъ ихъ въ 15-ти верстахъ отъ Ниссы и атаковалъ. Позиція непріятеля была очень хорошая, но они не имѣли артиллеріи, тогда какъ сербы имѣли 6 пушекъ. Турки были опрокинуты и преслѣдуемы въ продолженіи 5-ти верстъ, при чемъ они потеряли не мало людей.

Заключеніе мира.

Вернемся теперь къ тому, что происходило въ Бухарестѣ.

Былъ уже декабрь мѣсяцъ, но переговоры о мирѣ не подвигались, чѣмъ въ Петербургѣ были недовольны. Тамъ поговаривали уже о вызовѣ Кутузова. Жена Кутузова увѣдомила его о появившимся въ обществѣ шумѣ и совѣтовала ему найти возможность заключить миръ до пріѣзда его замѣстителя, но кого именно, она не знала.

Въ Петербургѣ же уже шептали другъ-другу на ухо, что избраннымъ будетъ адмиралъ Чичаговъ, хотя это совершилось 4 мѣсяца спустя.

---

[1]) (1827 г.) Зассъ былъ безъ сравненія лучшій генералъ во всей Молдавской арміи и послѣ достиженія военныхъ почестей, его ни въ чемъ нельзя было упрекнуть, исключая его чудовищной безнравственности, которая возмущала императора. Онъ прекрасно служилъ въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 г.г., но никогда его не хотѣли повышать или давать самостоятельное командованіе. Покинувъ армію, онъ въ нуждѣ уѣхалъ умирать въ Польшу, послѣ того какъ промоталъ сумасбродными и безпутными дебошами около милліона рублей, въ кампаніи Малой Валахіи.

Кутузовъ, смущенный своимъ положеніемъ и боровшимся въ немъ недостаткомъ энергіи и самолюбіемъ, несмотря на всѣ свои усилія, не могъ скрыть своего безпокойства. Наконецъ онъ довѣрилъ свои заботы мнѣ и открылъ задуманный имъ планъ, который ему и удался.

Онъ питалъ ко мнѣ безусловное довѣріе, и я тогда былъ единственный въ арміи, который пользовался имъ. Онъ былъ привязанъ ко мнѣ, и я, несмотря на то, что его недостатки и проступки часто доводили меня до бѣшенства, не могъ не поддаться его обаянію и любезности. Я служилъ ему ревностно и преданно.

Однажды онъ прислалъ за мной въ 7 часовъ утра. Меня ужасно это удивило, такъ какъ онъ не имѣлъ привычки вставать такъ рано; раньше 10—11 час. онъ никогда не принималъ, Я тотчасъ же явился къ нему, и онъ меня принялъ очень дружески и заперъ дверь своего кабинета на ключъ. Эти приготовленія предсказывали, что обсуждаться будетъ какая-нибудь серьезная вещь. Онъ сообщилъ мнѣ, что онъ смѣненъ (чего мы еще не знали тогда), и что онъ погубитъ свою честь и репутацію, если не заключитъ мира. Онъ прибавилъ, что не ожидаетъ, чтобы окончаніе заключенія мира было бы такъ близко, какъ онъ того бы желалъ, посредствомъ конгресса, медленность котораго его сокрушаетъ, что онъ рѣшилъ вести переговоры прямо съ великимъ визиремъ и что онъ избралъ меня для того, чтобы сдѣлать нѣсколько предложеній ему, которыя, какъ полагалъ Кутузовъ, онъ приметъ. Я ему возразилъ, что я никогда не былъ повѣреннымъ дипломатическаго корпуса, и что у меня мало привычки къ лукавству и сдержанности, необходимыхъ для такого порученія; во-вторыхъ, я не былъ избранъ для сего Императоромъ. Кромѣ того, я подчеркнулъ свою иностранную фамилію, что̀ безпокоило русскихъ, и вся тяжелая отвѣтственность можетъ пасть на меня, если бы порученные мнѣ столь секретные переговоры, что опять таки могло многимъ не понравиться, не удались бы.

Онъ мнѣ отвѣтилъ, что отвѣтственность онъ беретъ на себя, а моя 22-хъ лѣтняя отличная служба и моя хорошо извѣстная преданность къ новому отечеству, которое меня уже усыновило, не давали возможности смотрѣть на меня какъ на иностранца.

Снабдивъ меня словесными, очень пространными, инструкціями, онъ просилъ меня ѣхать тотчасъ же.

Осторожность (которая никогда не была моимъ главнымъ качествомъ) надоумила меня просить у Кутузова разрѣшенія взять съ собой русскаго генерала. И я предложилъ ему Эссена, который находился тогда въ Журжевѣ, гдѣ командовалъ корпусомъ передовыхъ войскъ.

Онъ одобрилъ эту предосторожность и сказалъ, что мой выборъ ему очень пріятенъ. Эссенъ былъ всѣмъ извѣстенъ своею честностью и скромностью.

Я уѣхалъ въ тотъ же день съ г. Матье-Пизани, однимъ изъ переводчиковъ при нашей миссіи въ Константинополѣ. Пріѣхавши въ Журжево, я сообщилъ Эссену, подъ секретомъ, смыслъ моего порученія, причиной котораго я выставилъ осмотръ передовыхъ войскъ. Затѣмъ я просилъ великаго визиря назначить мнѣ время, когда бы онъ могъ меня принять; онъ просилъ меня быть у него на слѣдующій день утромъ, и я въ 10 час. поѣхалъ въ Рущукъ.

Такъ какъ нравы и обычаи турокъ неизвѣстны всѣмъ тѣмъ, которые будутъ читать эти записки, то я опишу церемоніи, съ которыми я былъ принятъ, и обѣдъ, которымъ меня угощалъ великій визирь.

Одинъ изъ его главныхъ свитскихъ офицеровъ встрѣтилъ меня у выхода изъ лодки, со свитою въ 50 кавалеристовъ и сотней янычаръ, которые стояли шпалерами до дома великаго визиря, находившагося недалеко отъ берега. Мнѣ подали лошадь, убранную богатой попоной, такую же подали и Эссену. 20 человѣкъ, неся большіе шесты съ серебряными набалдашниками, провожали меня пѣшкомъ. Пріѣхавъ къ Ахмету, я увидалъ, что дворъ и комнаты его были наполнены его офицерами и янычарами; самого его не было въ той комнатѣ, гдѣ онъ долженъ былъ меня принять. Великій визирь, какъ и всѣ турецкіе сановники, не могутъ вставать съ дивана передъ „невѣрной собакой“ (какъ они насъ называютъ) и, желая вѣжливо принять, они обыкновенно выходятъ въ другую комнату. Передъ тѣмъ, какъ принимаемый, которому они не хотятъ нанести обиды, входитъ въ пріемную въ одну дверь, великій визирь, не нарушая своего обычая и не оскорбляя своихъ предразсудковъ, быстро входитъ въ другую дверь и садится на диванъ, на почетное мѣсто, въ углу комнаты.

Визирь сѣлъ на подушку, сложивъ крестообразно подъ себя ноги, а около него держали на подушкѣ, въ золотой коробкѣ, закрытой золоченой тканью, государственную печать, которую мы имѣли глупость отдать ему. Позади его, на стѣнѣ висѣли оружіе, гербъ и знамя. Онъ пригласилъ меня сѣсть по правую руку, а Эссена посадилъ по лѣвую. Намъ принесли варенья, кофе и трубки. Это также честь, оказываемая тѣмъ лицамъ, которымъ хотятъ выказать уваженіе. Мой переводчикъ Пизани все время стоялъ.

Въ обѣденный часъ принесли маленькій круглый столъ, какого-то серебрянаго металла, и поставили передъ визиремъ. Двое изъ

его людей положили ему шитыя шелкомъ и золотомъ салфетки на колѣни и на шею. Слуги, передъ тѣмъ какъ подавать ему что-нибудь, становились на колѣни (великому визирю также какъ и англійскому королю услуживаютъ только на колѣняхъ). Намъ тоже принесли по двѣ салфетки, но безъ колѣнопреклоненія. Въ комнатѣ находилось до 50 человѣкъ, между ними былъ Боснякъ - Ага, съ которымъ великій визирь обращался, какъ мнѣ казалось, довольно безцеремонно. Сидѣли же только мы трое.

Намъ подавали болѣе 60-ти блюдъ, иныя были превосходны: супы слѣдовали за вареньемъ, жаркое за пирожнымъ, безъ разбора и выбора. У насъ не было ни ножей, ни вилокъ, только къ супамъ и соусамъ подавались маленькія, чернаго дерева, ложки, украшенныя бриліантами и кораллами; для остальныхъ блюдъ мы пользовались пальцами и едва мы брали щепотку, какъ блюдо исчезало и замѣнялось другимъ. (Это была сцена изъ обѣда Санхо-Панчо на островѣ Бипатарія).

Для питья намъ давали шербетъ, родъ лимонада, очень вкуснаго, но они портили его, прибавляя туда розовой воды, особенно противной съ мясомъ. Великій визирь не только самъ не могъ пить вина, но даже не смѣлъ подавать его у себя и намъ. Ахметъ объяснилъ мнѣ это, прося извинить за то, что онъ намъ не подалъ вина.

Передъ и послѣ обѣда, мы должны были омыть руки въ большой серебряной посудинѣ, куда былъ положенъ кусочекъ мыла, и великій визирь, омывъ свои руки и бороду, причесалъ ее; затѣмъ, насъ надушили деревомъ алоэ и аміамомъ и снова принялись за трубки и разговоры.

Во время обѣда для насъ былъ данъ концертъ; впрочемъ было бы лучше, если бы его не было.

Я никогда не слыхалъ подобной дисгармоніи; 10 громадныхъ тромбоновъ, 20 маленькихъ, настроенные на различные тона, и 8 кларнетовъ, составляли этотъ оркестръ. Между тѣмъ надо было находить прелестной эту ужасную музыку, которая въ продолженіе часа драла намъ уши. Великій визирь сожалѣлъ о потерѣ регента, убитаго или взятаго Марковымъ. Да, это прискорбно, должно быть, онъ былъ талантливый человѣкъ!

Покинувъ визиря, я съ такимъ же церемоніаломъ былъ провожаемъ до моей лодки. По азіатскому обычаю, требующему дѣлать подарки, визирь подарилъ мнѣ прекраснаго арабскаго коня и шаль для моей жены, извиняясь, что стоимость шали не особенно велика, такъ какъ у него при себѣ ихъ осталось немного, а что всѣ лучшія въ лагерѣ.

По возвращеніи моемъ въ Бухарестъ, я ему послалъ хорошую запряжку на шесть русскихъ лошадей.

Разговоръ, который я имѣлъ съ этимъ оригинальнымъ человѣкомъ, очень интересенъ. Въ немногихъ словахъ я объяснилъ ему смыслъ моей миссіи, я ему сказалъ, что глубокое уваженіе и довѣріе, которыя къ нему питалъ главнокомандующій, заставили послѣдняго просить его опредѣлить съ нимъ однимъ условія мира, основаніемъ которыхъ я предложилъ р. Серетъ, какъ границу.

Онъ подумалъ минуту и затѣмъ произнесъ свою знаменитую рѣчь.

„Я тронутъ довѣріемъ и уваженіемъ Кутузова; мои чувства къ нему есть и будутъ такія же, какія были и раньше; я его зналъ, еще когда онъ посломъ пріѣзжалъ въ Константинополь, и съ тѣхъ поръ я чувствую къ нему самое искреннее расположеніе. Я люблю русскихъ, мнѣ пришлось быть у нихъ плѣнникомъ; я тогда былъ еще маленькимъ офицеромъ, и они ко мнѣ относились съ поразительной заботливостью, интересомъ и даже уваженіемъ. Если бы не проклятый этикетъ моего настоящаго положенія, который меня страшно стѣсняетъ, я бы просилъ Кутузова пріѣхать въ Журжево, гдѣ я бы его встрѣтилъ. Тотъ же самый этикетъ мѣшаетъ Кутузову пріѣхать сюда. Мы могли бы встрѣтиться посреди Дуная, въ лодкахъ, но это было бы комично, а во-вторыхъ, то, что мы говорили, не было бы секретно. Во всякомъ случаѣ, вы пріѣхали ко мнѣ, вы пользуетесь довѣріемъ Кутузова и заслуживаете моего. Я слышалъ о вашей репутаціи и буду съ вами говорить откровенно. Вотъ мои взгляды. Стыдитесь, вы, которые обладаете ¼ земного шара, воюете изъ-за нѣсколькихъ вершковъ земли, которая вамъ даже ненужна (онъ былъ правъ) и при какихъ обстоятельствахъ? Когда вы должны ожидать нападенія Наполеона, который увлекъ за собой половину Европы противъ васъ! Я бы могъ воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы отказать заключить миръ, что даетъ мнѣ право притянуть къ себѣ армію, которая вамъ очень нужна и можетъ васъ спасти (онъ былъ правъ). Я могъ бы способствовать вашей гибели, продолжая жестокую и затруднительную для васъ войну, но я смотрю дальше, спасая васъ, мы спасаемъ самихъ себя, послѣ вашей погибели (если бы это совершилось) сдѣлаемся жертвами Наполеона мы[1]), и я хочу предотвратить это двойное несчастье.

Безъ Испаніи, которая меня удивляетъ, и которою я восхищаюсь,

[1]) Дѣйствительно, послѣ того, какъ Наполеонъ насъ покорилъ бы, онъ хотѣлъ идти на турокъ, а затѣмъ черезъ Азію, въ Индію. Но какъ могъ это знать Ахметъ? Маркизъ де-Маскарель говоритъ по этому поводу про знатныхъ людей: „они знаютъ все, не знавши ничего“.

вы бы уже цѣлый годъ воевали съ Франціей. Въ Европѣ только три государства остались самостоятельными: Англія, Россія и мы. Соединимся мы двое противъ нашего общаго врага, всякая капля крови, пролитая нами въ этомъ фатальномъ сраженіи, будетъ для Наполеона каплей яда. Какъ вы не понимаете этого? Я вамъ отдаю Прутъ и ничего больше. Прутъ или война? Наши жертвы огромны; одинъ Измаилъ вамъ много заплатилъ (онъ былъ все время правъ), а вы имѣете еще 4 крѣпости и одну чудную провинцію".

„Вотъ условія мира, въ остальныхъ частностяхъ мы легко сойдемся и обсудимъ ихъ".

Я ничего не могъ отвѣтить на эту энергичную, умную, полную смысла рѣчь. Я подумалъ только: меня страшитъ умъ этого человѣка. Генералъ Эссенъ, Пизани и я не могли въ себя придти отъ удивленія, услыхавъ этого бывшаго матроса, пирата, безъ образованія, не умѣющаго ни читать, ни писать, рѣшающаго важнѣйшіе политическіе вопросы Европы такъ сознательно и логично.

Я думалъ сначала, что Пизани составлялъ фразы; но онъ переводилъ слово въ слово, и я заставилъ его повторять каждую фразу.

Рѣчь этого визиря, достойная знаменитѣйшихъ дипломатовъ Европы, произвела глубокое впечатлѣніе на Кутузова, когда, на слѣдующій день, я пріѣхалъ отдать ему отчетъ о моей поѣздкѣ. Онъ мнѣ сказалъ, что, не питай онъ ко мнѣ такого довѣрія, онъ не повѣрилъ бы этому чуду. „Садитесь къ этому столу, продолжалъ онъ, и напишите слово въ слово вашъ разговоръ съ великимъ визиремъ". Я исполнилъ его приказаніе, затѣмъ онъ взялъ перо и собственноручно написалъ Императору Александру письмо, при которомъ отправилъ мою записку.

Я почти увѣренъ, что это письмо Кутузова имѣло громадное вліяніе на миръ, который онъ имѣлъ счастье заключить до пріѣзда Чичагова, но это вліяніе нѣкоторое время не обнаруживалось.

Кутузовъ просилъ меня снова поѣхать въ Рущукъ, предупредить визиря, что онъ увѣдомилъ о его предложеніяхъ Императора и надѣется въ скоромъ времени получить благопріятный отвѣтъ.

Я вторично отправился въ Рущукъ, въ сопровожденіи генерала Турчанинова. При второмъ свиданіи съ великимъ визиремъ, я былъ принятъ съ такимъ же церемоніаломъ, какъ и въ первый разъ. Меня угостили такою же музыкой, я также обѣдалъ съ великимъ визиремъ, но разговоръ не былъ веденъ только о политикѣ, мы говорили о военномъ дѣлѣ, и его признанія (быть можетъ черезъ чуръ искренныя) изъ устъ великаго визиря меня бы сильно удивили, если бы я не зналъ, что онъ партизанъ-фанатикъ новой системы регулярнаго войска.

Онъ мнѣ жаловался на составъ и недисциплину своихъ войскъ. „Какая чудная организація въ вашей арміи! Какая рѣдкая іерархія подчиненности (субординаціи)! Кутузовъ передаетъ вамъ приказанія, вы ихъ передаете Эссену, Эссенъ слѣдующему, и все идетъ, какъ слѣдуетъ, а я? Я, великій визирь, долженъ быть во главѣ всѣхъ нападеній, если я только хочу, чтобы мои люди дрались бы.

„Вы меня ранили на аванъ-постахъ, я васъ видалъ, мы оба были не на своихъ мѣстахъ, но если бы не я, никто не пошелъ бы. Вы имѣете каждый день правильный отчетъ о состояніи вашей арміи, а я никогда не знаю, что я имѣю въ своей [1]). Я принужденъ созывать банды разбойниковъ. Одинъ начальникъ, имѣя 500 человѣкъ, бралъ провизіи на 2.000 человѣкъ. Одинъ байрактаръ долженъ имѣть подъ начальствомъ у себя не менѣе 100 человѣкъ, а онъ порою не имѣетъ и 20-ти.

„Послѣ пораженія, половина моей арміи дезертируетъ, можемъ ли мы долго воевать съ вами?

„Если бы мы имѣли регулярную пѣхоту, тогда бы наша громадная кавалерія могла бы быть страшной; она уничтожила бы всѣ непріятельскія войска, которыя наводились бы на нее нашими пѣхотинцами. Я бы желалъ въ предстоящемъ сраженіи между вами и Наполеономъ командовать у васъ кавалерійской линіей. Съ ея помощью и съ вашей пѣхотой и артиллеріей вскорѣ не осталось бы въ живыхъ ни одного француза“.

Замѣтивъ, что я смѣюсь при послѣднемъ его выраженіи, онъ прибавилъ: „вы полагаете, что я шучу? нѣтъ, серьезно; я бы считалъ за величайшее счастье драться въ вашихъ рядахъ; я люблю войну и провелъ въ ней почти всю свою жизнь и смотрите“, сказалъ онъ, снимая свой тюрбанъ, „смотрите мою голову (она была разсѣчена ударами сабель). Я получилъ 50 подобныхъ ударовъ, сражаясь за моего повелителя противъ разбойниковъ“. Ахметъ былъ человѣкъ лѣтъ 50-ти приблизительно, средняго роста, смуглый съ оставшимися знаками вѣтряной оспы и краснухи, волосатый до концовъ пальцевъ; съ ужасной физіономіей и видомъ профессіональнаго разбойника, но глаза у него были живые и умные.

Я никогда не могъ понять, что заставило турокъ принять нашъ

---

[1]) Турецкая армія можетъ быть сравнима съ эмигрирующей націей; несмѣтное число безполезныхъ личностей слѣловало за нею; когда говорили, что турокъ 10.000, навѣрное $^2/_3$ изъ нихъ—слуги, купцы, иностранцы, греки, жиды, армяне и т. д. Каждый турокъ, офицеръ или чиновникъ, имѣетъ при себѣ толпу паразитовъ, проживающихся въ арміи безъ всякой пользы.

миръ столь необходимый для насъ [1]). Я убѣжденъ, что ни одинъ членъ турецкаго конгресса не былъ ни подкупленъ, ни ожидалъ какихъ-нибудь благъ.

Самый значительный изъ нихъ, Галибъ, былъ бѣденъ и остался бѣднымъ. Князь Мурузи тоже не нуждался въ нашей протекціи, чтобы получить мѣсто господаря. Въ ожиданіи 6-ти мѣсячнаго мира, человѣкъ, даже не погруженный въ военное или дипломатическое дѣло, могъ ясно увидѣть, что мы сами собой принуждены были бы отступить за Днѣстръ. Какая же была причина заключать этотъ миръ, удобный для насъ? То, что мнѣ высказалъ великій визирь, могло имѣть вліяніе только на глубокомысленныя и предусмотрѣнныя предположенія этого удивительнаго человѣка, да на умнаго и очень образованнаго Галибъ-Еффенди, но безъ сомнѣнія не могло вліять на другихъ министровъ и на султана. Меня увѣряли, что бѣдствіе арміи такъ испугало великаго повелителя, что онъ еще болѣе сталъ страшиться янычаръ и приказалъ визирю заключить миръ, котораго желали послѣдніе и народъ.

Откинувъ всѣ эти причины и наши послѣдніе неожиданные успѣхи, мы были счастливы стоять на Днѣстрѣ и вернуться къ прежнему положенію. Казалось, великій визирь думалъ, что сохраненіе его собственной головы зависѣло отъ этого мира, котораго онъ хотѣлъ и долженъ былъ заключить. Въ общемъ, надо было надѣяться на Русскаго Бога (Roussky-Bog), такъ какъ извѣстно, что все имъ удается на войнѣ и въ дипломатіи.

Ахметъ сильно безпокоился за свою судьбу, такъ какъ имѣлъ основаніе опасаться, какъ приметъ султанъ вѣсть о гибели своей арміи. Онъ старался не выказывать своихъ тревогъ; усугублялъ свою строгость, продолжалъ рубить головы и не былъ увѣренъ, сбережетъ ли еще свою на 24 часа [2]). Великій визирь, кончающій

---

[1]) (1827). Позднѣе мы увидимъ настоящую причину 1-ой части кампаніи 1812 г.

[2]) (1827). Онъ ее сохранилъ, но былъ отставленъ и сосланъ, благодаря интригамъ посла Наполеона г-на Андреосси, который имѣлъ несчастье пріѣхать въ Константинополь послѣ подписанія договора и, чтобы отомстить, открылъ глаза султану о невыгодности этого мира. Ахметъ умеръ два года спустя, въ своей ссылкѣ. Галибъ-Еффенди былъ отосланъ въ маленькую деревню въ М. Азіи, куда онъ былъ сосланъ послѣ того, какъ былъ великимъ визиремъ. Князь Дмитрій Мурузи былъ казненъ въ Шумлѣ, по приказанію великаго визиря, замѣнившаго Ахмета. Но турецкая политика мало занялась этимъ злодѣйствомъ, также и интригами принца Карауса, называвшаго себя валахскимъ княземъ, который видѣлъ въ лицѣ Мурузи себѣ конкуррента и боялся, что тотъ займетъ его мѣсто. Это одинъ изъ обыкновенныхъ случаевъ у фанаріотовъ. Россія будетъ вѣчно обязана г-ну Андре-

свою карьеру обыкновенно въ ссылкѣ или фатальной веревкой, ожидающей каждую минуту быть наброшенной на его шею, въ обыкновенное время чрезвычайно могущественъ; онъ можетъ отрубать головы, онъ единственный шефъ арміи, политики и внутреннихъ дѣлъ. Эти привилегіи превосходны, но перспектива, которую великій визирь всегда помнитъ, должна сильно отравлять наслажденія его деспотизма, если только деспотизмъ можетъ имѣть наслажденія.

Приложеніе.

Документальныя записки.

1) Рапортъ графа Ланжерона военному министру о невозможности предпринять наступательныя дѣйствія въ Болгаріи въ 1811 году.

2) Письмо Барклай-де-Толли графу Ланжерону отъ 7-го апрѣля 1811 года.

3) Планъ оборонительной кампаніи на Дунаѣ.

Документальныя записки.

А.

Выписка изъ моихъ рапортовъ военному министру Барклай-де-Толли.

Записка, доказывающая невозможность предположенной экспедиціи въ Болгарію, въ началѣ года.

1811.

Когда графъ Каменскій предложилъ Его Императорскому Величеству зимнюю экспедицію съ 50-ью баталіонами, армія, которой онъ командовалъ, состояла изъ девяти дивизій, которыми онъ могъ располагать: 25 баталіоновъ были уже на правомъ берегу Дуная, готовые къ походу, а 25 другихъ должны были ихъ поддержать. Въ это время непріятельская страна была еще цѣла и вполнѣ могла снабдить продовольствіемъ такое громадное число войскъ, безъ ущерба для магазиновъ.

Взятіе Ловчи, разбитіе лучшихъ войскъ Вемъ-Паши, овладѣніе позиціей турокъ, на которую они больше всего разсчитывали, и

осси. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы онъ пріѣхалъ во-время (что онъ легко могъ сдѣлать), то помѣшалъ бы миру и намъ пришлось бы плохо. Андреосси путешествовалъ, какъ посланникъ, тогда какъ надо было ѣхать, какъ курьеру, онъ вездѣ останавливался и пріѣхалъ, когда миръ былъ уже заключенъ.

внезапная остановка всѣхъ операцій, которыя они имѣли въ виду, чтобы отнять у насъ Плевну, породили въ нихъ ужасъ и не было сомнѣнія, что если бы корпусъ принца Евгенія Вюртембергскаго собрался въ Плевнѣ 12-го февраля по плану главнокомандующаго, онъ могъ бы овладѣть безъ особенной трудности Врацей и Тырновомъ и можно было бы даже попробовать перейти Балканы, не имѣя намѣренія удержаться тамъ долго, въ виду трудности продовольствія зимой въ странѣ, которая представляетъ къ тому меньше средствъ, чѣмъ равнины, расположенныя между этими горами и Дунаемъ.

Вызовъ пяти дивизій изъ Молдавской арміи, находившейся тамъ, уменьшилъ ее въ 4 раза, а болѣзнь главнокомандующаго сдѣлали невозможнымъ продолжать эту экспедицію, которая могла быть поддерживаема только значительными средствами, и нравственное вліяніе было уже нарушено съ того момента, какъ турки узнали объ уменьшеніи нашихъ силъ. Прошедшее время дало возможность врагамъ оправиться отъ перваго страха и укрѣпиться, какъ только они могли во всѣхъ пунктахъ, которые намъ надо было атаковать, чтобы попасть на Балканы. Во Врацѣ они имѣли 7.000 чел. съ 10-ю или 15-ю пушками, подъ командою босняка Розъ-Вели и Усуфы-Аги, лучшихъ изъ партизановъ. Позиція въ Врацѣ была для нихъ чрезвычайно важна, такъ какъ она находилась въ тылу нашего движенія къ Софіи; кромѣ того Ессини-Бей командовалъ въ Этрополѣ 5.000-мъ войскомъ изъ Азіи и каракалпаковъ, и эту позицію, въ сущности довольно маловажную, нельзя было взять, не имѣя корпуса на Искерѣ, чтобы сдѣлать шагъ къ Врацскому и Тырновскому гарнизонамъ. Этотъ послѣдній могъ развернуться въ 7.000 человѣкъ (включая помощь, только что полученную ими) съ 17-ю пушками. Взятіе этого мѣстечка не могло быть особенно полезнымъ для экспедиціи на Софію и не произвело бы сильнаго впечатлѣнія на турокъ. Только въ томъ случаѣ, если бы признали необходимымъ занять для наступательныхъ дѣйствій всѣ выходы Балканъ, которыми можно было бы овладѣть съ Тырнова, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ было бы очень трудно; тѣмъ болѣе, въ случаѣ отступленія это движеніе было бы безполезно и даже опасно, такъ какъ Враца была уже занята.

Раньше всего надо обратить вниманіе на Врапу, если только будетъ признано необходимымъ совершить экспедицію по ту сторону Дуная.

Интересно разсмотрѣть, достигнетъ ли эта экспедиція желаемыхъ результатовъ, а именно: 1) скрыть обратное возвращеніе 57-ми дивизій, 2) рѣшительнымъ ударомъ заставить турокъ заключить миръ; и 3) отнять всѣ средства у турокъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ

на Дунаѣ. Ваше превосходительство прекрасно знаете сами, что касается перваго пункта. Турки были уже увѣдомлены объ уменьшеніи Молдавской арміи. Относительно же второго пункта, они отлично понимали, что послѣ этого уменьшенія намъ невозможно будетъ удержаться на Дунаѣ. Предположивъ даже, что мы бы взяли все, что находится по эту сторону Балканъ, они бы перешли на другую ихъ сторону и никогда не согласились бы на миръ, будучи хорошо увѣренными въ невозможности съ нашей стороны долго вредить имъ. Слѣдовательно, единственно видимыя преимущества, которыя мы могли извлечь изъ подобной экспедиціи (предположивъ, что она удалась),—это разрушить всѣ деревни, находящіяся между Балканами и Дунаемъ, и увести всѣхъ жителей въ Молдавію. Но такимъ образомъ, мы не отнимали возможности у турокъ атаковать насъ со стороны Никополя и усиливали тяжелое впечатлѣніе на жителей своими опустошеніями ихъ страны. Тѣмъ не менѣе, мы имѣли только ту выгоду, что въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ могли продовольствовать на счетъ этой страны 16.000 человѣкъ, безъ всякаго расхода съ нашей стороны. Такимъ образомъ, мы лишали себя единственной позиціи, на которой въ будущемъ намъ возможно было прямо основаться на другой сторонѣ Дуная, дабы, имѣя возможность сдѣлать какую бы то ни было экспедицію, безъ того, чтобы не тащить за собой громаднѣйшій обозъ и провіантъ, существенно важно не разорять тѣ земли, по которымъ мы проходимъ и откуда мы были принуждены доставать продовольствіе. И такъ, намѣренія Императора не могли быть приводимы въ исполненіе экспедиціей такого рода. Предположивъ даже, что я имѣлъ бы возможный успѣхъ, но этотъ успѣхъ съ тѣми средствами, которыми я могъ располагать, какъ въ продовольственномъ отношеніи, такъ и съ дѣйствительными силами, не могъ быть настолько серьезенъ, чтобы безъ колебанія предпринять указанную экспедицію. Защищая всѣ позиціи, которыя необходимо надо было стеречь, я могъ располагать только 8.000 челов. пѣхоты и кавалеріи. Съ такими силами брать укрѣпленія, защищаемыя должнымъ числомъ турокъ и вооруженными разбойниками, которыхъ нельзя упрекнуть въ трусости, вещь невозможная. Несмотря на самыя лучшія распоряженія, можно было бы потерпѣть неудачу, чего необходимо опасаться, въ виду сильнаго нравственнаго вліянія какъ на нашихъ солдатъ, такъ и на непріятеля. Турки, опечаленные потерями подъ Ловчей, боялись еще насъ и продолжали думать, что ихъ ретраншаменты не дѣлаютъ ихъ непобѣдимыми. Одна неудача возвратила бы имъ прежнюю вѣру, а большой успѣхъ навелъ бы на нихъ новый ужасъ (безъ чего ихъ нельзя было принудить къ миру).

Мнѣ кажется, что, принявъ оборонительное положеніе, не предпринимая другихъ операцій, мы сохранимъ славу, пріобрѣтенную въ прошедшей блестящей кампаніи, и увѣримъ себя въ новыхъ успѣхахъ!

B.

Барклай-де-Толли графу Ланжерону 7-го апрѣля 1811 года.
Письмо главнокомандующаго.

Графъ!

Всякій разъ, какъ я имѣю удовольствіе получить ваши реляціи, я считаю своимъ долгомъ представить ихъ очамъ Его Императорскаго Величества Государя, который благоволитъ обозначать ихъ помѣтками, выражающими его искреннее удовольствіе. Я не замедлилъ также представить ему послѣднее письмо Вашего Сіятельства и спѣшу увѣрить Васъ, графъ, что расположеніе Его Величества къ вамъ настолько благопріятно, на сколько Вы бы того желали. Императоръ былъ радъ случаю для, такъ сказать, болѣе близкаго знакомства съ генераломъ, извѣстнымъ своими талантами и умомъ. Прочитавъ съ интересомъ Ваши различные рапорты, Его Величество съ удовольствіемъ сохраняетъ ихъ какъ доказательство Вашего усердія къ службѣ и Вашихъ способностей, благодаря чему Вы пріобрѣли его расположеніе. Я далекъ отъ мысли даже выразить Вамъ малѣйшее неудовольствіе Его Величества. Императоръ никогда не захочетъ требовать отъ своихъ генераловъ невозможнаго или несогласнаго съ долгомъ службы, и Вы можете быть увѣрены, графъ, что Его Величество Васъ уважаетъ и пребываетъ къ вамъ особенно благосклоненъ. Съ невыразимымъ удовольствіемъ передаю Вамъ это и, пользуясь случаемъ, прошу принять и т. д.

С.-Петербургъ, 7-го апрѣля 1811 года. Барклай-де-Толли.

C.

Планъ оборонительной кампаніи на Дунаѣ.
(Посланный военному министру).

На случай, когда обстоятельства принудятъ Молдавскую армію, уменьшенную на 4 дивизіи, принять оборонительный образъ дѣйствій, имѣю честь представить Вашему Сіятельству планъ кампаніи этого года.

Силы арміи составляли 70 баталіоновъ, 80 эскадроновъ, 14 казачьихъ полковъ (изъ которыхъ два назначены для магазиновъ и для главной квартиры), 7 батарей 12 фунт. пушекъ, 7 конной

артиллеріи, 5 ротъ осадной артиллеріи, 4 понтонныхъ роты, 4 батальона пандуровъ (венгерскіе пѣшіе солдаты) и 500 хорватовъ.

Всѣ эти войска, соединенныя вмѣстѣ, равнялись 50 или 60.000 чел.; ужасный климатъ этой страны, особенно на лѣвомъ берегу Дуная, къ несчастью заставляетъ насъ предвидѣть еще большее сокращеніе арміи; въ августѣ мѣсяцѣ, когда климатъ становится самымъ вреднымъ и когда начнутся оборонительныя операціи со стороны турокъ, я думаю, что наша армія тогда можетъ выставить не болѣе 45.000 вооруженныхъ людей.

Операціонная линія, тянувшаяся отъ Килія до центра Сербіи, имѣла болѣе 1.000 верстъ, но я предполагаю, что 45.000 человѣкъ будетъ достаточно для защиты страны, которой Дунай и наша флотилія такъ сильно способствуютъ.

Турки не настолько образованы, чтобы они сами могли составить разумный планъ кампаніи, но возможно, что они могутъ воспользоваться совѣтами европейскихъ офицеровъ, которые руководятъ ихъ операціями. Совершивъ уже 7 кампаній въ этой странѣ, я изучилъ ее во всѣхъ ея подробностяхъ и предполагаю, что переходъ Дуная со стороны турокъ могъ быть испробованъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но все это не могло имѣть серьезныхъ послѣдствій.

Они думаютъ попробовать переправиться въ Бессарабію, но эта разоренная страна отъ Варны до Тульчи-Исакчи никакъ не можетъ быть годной для ихъ предпріятій. Отъ Браилова до Силистріи переходъ Дуная невозможенъ. Въ Силистріи же онъ возможенъ, такъ какъ тамъ есть мостъ, по которому и совершаются всегда переходы. Въ Туртукаѣ онъ также невозможенъ. Отъ Туртукая до Рущука и Систова онъ невозможенъ, вслѣдствіе занятія—Рущука. Между Ольтой и Жіа онъ представляетъ нѣкоторыя затрудненія. Въ общемъ (исключая Виддинъ), благодаря нашей флотиліи, я думаю мы съумѣемъ защитить этотъ переходъ Дуная, но въ Виддинѣ переходъ очень возможенъ, такъ какъ ему помогаетъ крѣпость а также, находящаяся тамъ турецкая флотилія.

Въ Виддинѣ начальствуетъ Мулла-Паша, преемникъ Пасванъ-Оглы; онъ болѣе торговый человѣкъ, чѣмъ воинъ. Онъ совершенно независимъ и, кажется, не хочетъ допустить прибытіе къ нему турецкихъ войскъ. Я считаю необходимымъ (и я уже сдѣлалъ по этому поводу всѣ необходимыя распоряженія) привязать его къ себѣ какими-нибудь торговыми выгодами; я думаю, что это мнѣ удастся, и тогда это будетъ счастливымъ для насъ событіемъ.

У него есть флотилія, которую я бы не желалъ, чтобы онъ передавалъ туркамъ, но можетъ быть онъ будетъ вынужденъ это

сдѣлать. Въ такомъ случаѣ, первымъ долгомъ моимъ будетъ атаковать и разрушить эту флотилію, какъ только она выйдетъ. Графъ Каменскій предлагалъ Вашему Сіятельству срыть Никополь и Силистрію, какъ это было сдѣлано съ Систовомъ.

Никополь, построенный на 5 горахъ, и не способенъ ни къ какой защитѣ. Силистрія находится отъ него въ 6 миляхъ и требуетъ по крайней мѣрѣ 6.000 человѣкъ, т. е. 12 нашихъ батальоновъ.

Я вполнѣ соглашаюсь съ графомъ Каменскимъ и считаю необходимымъ срыть эти двѣ крѣпости, но покуда ничто еще насъ не торопитъ.

Что же касается Рущука, то его необъятность дѣлаетъ защиту очень трудной, такъ какъ онъ требуетъ по меньшей мѣрѣ 7 или 8.000 человѣкъ противъ серьезной атаки.

Я осмѣлюсь предложить Вашему Сіятельству мои взгляды по этому поводу. Если причины, заставляющія насъ—собрать войска на нашихъ западныхъ границахъ, перестанутъ существовать и если будетъ можно начать наступательную войну, Рущукъ, какъ база, положительно невозможенъ; это центръ, откуда могутъ начаться всѣ операціи. Большія дороги ведутъ изъ этого города въ Шумлу, Тырново и Плевну, и самъ городъ географическимъ положеніемъ страны назначенъ быть какъ депо. Силистрія, по правдѣ сказать, находится ближе къ нашимъ транспортамъ, прибывающимъ изъ Молдавіи и Польшѣ, но разница только въ 60 верстахъ: отъ Бузео до Силистріи 120 верстъ, а отъ Бузео до Рущука 180 вер. Но, если война возгорится съ другой стороны и мы потеряемъ всякую надежду продолжать эту наступательную войну, я бы также предложилъ срыть и Рущукъ.

Составъ почвы мѣшаетъ хорошо укрѣпить мостъ, и малѣйшій вѣтеръ, своимъ дуновеніемъ, сноситъ его и разрушаетъ. Необходимо проложить и поддерживать фашинную дорогу изъ Журжи въ Рущукъ, гдѣ мѣстность часто бываетъ затоплена, особенно много воды бываетъ въ іюнѣ и въ іюлѣ мѣсяцахъ, когда снѣгъ въ горахъ Венгріи начинаетъ таять и стекаетъ по склону ихъ быстрыми потоками.

Построивъ мостъ въ 7 верстахъ ниже Рущука, гдѣ онъ былъ и въ прошломъ году, и соорудивъ недоступное предмостье, окруженное волчьими ямами, мы имѣли бы тѣ же выгоды, что и при обладаніи Рущукомъ. Мостъ былъ бы лучше защищенъ, а предмостное укрѣпленіе, для своей охраны, требовало только 3 или 4 батальона.

Украинскій и Бѣлостокскій полки, замѣнившіе въ 8-ой и 10-ой дивизіи Московскій и Кіевскій полки, имѣютъ еще вторые

батальоны въ Одессѣ. Я прошу Ваше Сіятельство повелѣть имъ присоединиться къ своимъ полкамъ, тогда въ нашей арміи будетъ 72 батальона. Я прилагаю здѣсь распредѣленіе арміи. Ваше Сіятельство увидите, что собираю всѣхъ, кого только могу, что бы не раздѣлять войска и перенести достаточно силъ на угрожаемый пунктъ.

Въ случаѣ же перехода турокъ черезъ Дунай, не надо имъ давать возможности долго оставаться на лѣвомъ берегу, такъ какъ они имѣютъ обыкновеніе очень быстро укрѣпляться и въ 4—5 дней построятъ у себя сильные ретраншаменты. Если же турецкій отрядъ захотѣлъ бы направиться въ Силистрію и Никополь, то можно тогда перейти Дунай у предмостнаго укрѣпленія и напасть на непріятеля тамъ, гдѣ его застанутъ. Часто нѣкоторыя наступательныя движенія служатъ лучшимъ средствомъ для защиты.

Наконецъ, если морскіе берега хорошо защищены и не вызываютъ никакого безпокойствія о себѣ отъ Кюстенджи до Аккермана, тогда я предложилъ бы перейти къ Траянову валу, который всего въ 60 верстахъ изъ Черноводъ въ Кюстенджи.

Укрѣпивъ эти два пункта и имѣя войска въ Карассу, странѣ совершенно безлѣсной, но покрытой озерами и рѣками и гдѣ 10.000 русскихъ могутъ разбить 50.000 турокъ, мы укорачиваемъ такимъ образомъ операціонную линію на 500 верстъ и угрожая турецкому правому флангу, мы можемъ остановить ихъ операцію и помѣшать имъ вывести свои войска изъ Шумлы и Варны.

Вотъ что я имѣю честь предложить Вашему Сіятельству, прося Васъ прислать мнѣ Ваши приказанія какъ можно скорѣе. Мнѣ было бы очень нужно получить ихъ около 4-го апрѣля. Теперь же, до 1-го іюня намъ нечего бояться никакихъ предпріятій со стороны турокъ.

Распредѣленіе войскъ.

I. Сербскій отрядъ.

9 баталіоновъ, включая тѣхъ, которые были въ Бѣлградѣ.
10 эскадроновъ.
2—казачьихъ полка.
6—12-ти фунтовыхъ пушекъ.
12 пушекъ конной артиллеріи.
300 кроатовъ.

II. Правый корпусъ въ Малой Валахіи.

4 баталіона.
4 пандурскихъ полка.

15 эскадроновъ.
2 казачьихъ полка.
18—12-ти фунтовыхъ пушекъ.
12 пушекъ конной артиллеріи.

III. Главныя силы близъ Бухареста.

19 баталіоновъ (и 21, если вторые баталіоны Украинскаго и Бѣлостокскаго полковъ соединятся — съ нами).

IV. Тырновскій гарнизонъ.
2 баталіона.
1 казачій полкъ.

V. Журжевскій гарнизонъ.
1 баталіонъ.

VI. Лѣвый корпусъ въ Слободзеѣ на Ялашницѣ.
6 баталіоновъ.
15 эскадроновъ.
1 казачій полкъ.
12—12-ти фун. пушекъ.
12 пушекъ конной артиллеріи.

VII. Брайловскій гарнизонъ.
3 баталіона.
1 казачій полкъ.
1 рота піонеровъ.

VIII. Отрядъ въ Табакѣ и Бессарабіи.
3 баталіона.
5 эскадроновъ.
1 казачій полкъ.
12—12-ти фун. пушекъ.
12 пушекъ конной артиллеріи.

IX. Измаильскій гарнизонъ.
4 баталіона, изъ которыхъ одинъ въ ретраншаментахъ, вновь выстроенныхъ на островѣ Чаталѣ.

X. Килійскій гарнизонъ.
2 баталіона.

XI. Рущукскій гарнизонъ.
9 баталіоновъ.
1 казачій полкъ.
1 рота піонеровъ.

XII. Для службы на флотѣ.
3 баталіона.

XIII. Флотилія въ устьяхъ Ольты.

Въ Рущукѣ.
„ Браиловѣ.
„ Измаилѣ.
„ Сушинскомъ рукавѣ.

XIV. Осадная артиллерія въ Гальбенѣ между Фальчи и Бендерами и артиллеристы въ крѣпостяхъ для понтонной службы.

XV. Большіе продовольственные магазины.

Въ Слатинѣ на Ольтѣ.
„ Бухарестѣ.
„ Бузео.
„ Фальчи.

XVI. Малые магазины.

Въ Сербіи.
„ Краіовѣ.
„ Бузео между Бухарестомъ и Ольтой.
„ Капачени на Аржицѣ.
„ Слободзеѣ.
„ Табакѣ.
„ Крѣпостяхъ.

XVII. Положеніе артиллеріи въ кампаніи.

Въ Бухарестѣ.
„ Текучѣ.

Примѣчанія.

1-е. Я полагалъ необходимымъ имѣть войска у сербовъ. Эта нація, у которой я былъ въ 1809 году, и которую я считаю весьма храброй, но способной къ быстрому упадку духа, требовала поддержки. Одинъ русскій отрядъ усилилъ бы сербовъ, устрашилъ бы турокъ и помогъ бы нашему правому флангу, такъ какъ, если бы турки взялись бы за перестройку Кургузовицы, Баніи, Брегова, Неготины, Дуду и Бирзы-Поланки, они бы легко могли перейти Дунай или въ Бирзѣ-Поланкѣ или черезъ островъ Ольмаръ, тѣмъ болѣе, что наша флотилія не могла тутъ появиться.

Этому сербскому отряду суждено не только защищать страну, но даже вести наступательную войну съ турками противъ Ниссы, что могло произвести огромную перемѣну въ ихъ счастьѣ и въ нашемъ.

Дѣйствительно, если можно было кого опасаться, такъ это австрійцевъ, отрядъ—сильно рисковалъ, но я надѣюсь, что мы могли быть увѣрены въ немъ.

2-е. Правый корпусъ, размѣщенный въ Краіовѣ, предполагалъ двигаться черезъ Черой на Калафатъ, противъ Виддина, или налѣво, между двумя рѣками: Ольтой и Жіо. Достаточно было 50-ти казаковъ и 200-ти пандуровъ, чтобы наблюдать за Орговскимъ гарнизономъ въ Чернецѣ.

3-е. Главный корпусъ, расположенный близъ Бухареста и въ его окрестностяхъ, которыя я считалъ менѣе вредными, могъ бы быстро перейти въ Малую Валахію или въ Рущукъ, противъ Силистріи по Аирѣ и по Аржишъ; всѣ сообщенія были бы быстры и надежны.

4-е. Турно прекрасная маленькая крѣпость; ея положеніе мѣшало бы предпріятіямъ турокъ близъ Никополя и помогало бы нашей флотиліи, которая была бы въ устьѣ Ольты

5-е. Одного баталіона было бы достаточно въ Журжевѣ, которому мало угрожало.

6-е. Слободзейскій корпусъ слѣдитъ за Силистріей, находясь въ 120 вер. отъ Журжево и 70 вер. отъ Браилова.

7-е. Трехъ баталіоновъ было довольно въ Браиловѣ, который, я считаю, больше подвергался опасности, а Слободзейскій корпусъ и отрядъ въ с. Табакѣ можетъ быстро придти туда на помощь. Я принимаю на себя надзоръ и руководство работъ въ этой крѣпости.

8-е. Табакскій отрядъ можетъ быстро подать помощь Измаилу и Браилову или на берегу моря, если бы турки стали угрожать десантомъ.

Его расположеніе было хорошее, здоровый воздухъ, чистая вода; я тамъ пробылъ въ лагерѣ два года подрядъ.

9-е и 10-е. Измаилъ и Килія находятся въ лучшемъ оборонительномъ положеніи.

11-е. Для Бухареста не хватило бы 9-ти баталіоновъ, въ случаѣ серьезной атаки; но если бы подобная опасность угрожала ему, они могли бы тотчасъ же получить помощь изъ главныхъ силъ.

12-е. Для службы въ флотиліи необходимо имѣть три баталіона и даже больше.

13-е. Такъ какъ легче спускаться внизъ по рѣкѣ, чѣмъ подниматься вверхъ, я помѣстилъ бы одинъ болѣе сильный отрядъ флотиліи въ устьяхъ р. Ольты, другой, очень маленькій—передъ Рущукомъ и близъ Туртукая, еще такой же маленькій—передъ Браиловомъ и въ Измаилѣ и, наконецъ, самый сильный—въ устьяхъ.

Это весьма важный пунктъ, съ которымъ я хорошо знакомъ, и черезъ который непріятельская флотилія и даже флотъ могли бы войти въ Дунай.

14-е. Осадная артиллерія мнѣ совершенно ненужна; тамъ, гдѣ я ее помѣщу, находятся прекрасныя пастбища для лошадей, и она будетъ ближе къ Польшѣ.

Я передѣлаю всѣ мосты Прута въ Фальчѣ, въ Валодониссѣ, въ Киліи, между Рени и Галацомъ и Браиловомъ.

Казаки, отправленные въ разные корпуса, будутъ разставлены вдоль Дуная и передъ Рущукомъ, чтобы слѣдить за всѣми движеніями непріятеля.

Полевая артиллерія очень значительна и даже черезъ-чуръ многочисленна, такъ что можно будетъ извлечь двѣ батареи 12 фунт. и двѣ—конной артиллеріи.

Понтоны размѣщены будутъ на различныхъ пунктахъ близъ рѣкъ: Ольты, Жіо, Аржицы, Солошицы и т. д.

Сообщилъ Е. Каменскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. [1].

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

36.

29-го мая 1828 г. Шаево.

Хотя на прошедшей почтѣ отправилъ я къ Вамъ, почтенный Николай Ивановичъ, письмо со стихами, и новаго въ Кологривѣ въ теченіи недѣли ничего не послѣдовало, однако самый долгъ повелѣваетъ извѣстить Васъ о полученіи письма отъ 26-го апрѣля съ корабля Парижа; гдѣ-то Вы сегодня, то-есть мѣсяцъ спустя? пишу и думаю: теперь бы знать хотѣлось, а извѣстіе придетъ, когда уже его опять тамъ не будетъ. Дай Богъ только, что бы Вы турокъ били. Къ слову о войнѣ съ сими чалмоносцами, помните ли Вы, любезнѣйшій, какъ, бесѣдуя съ Вами въ домѣ Паульсона и разложивъ карту, я проповѣдовалъ о нападеніи на нихъ высадкою войскъ изъ Крыма на южный берегъ Чернаго моря? видно я имѣлъ честь сойтись въ мысляхъ съ кѣмъ-нибудь изъ высокихъ особъ, разпоряжающихъ военными дѣйствіями, да и турки, кажется, знаютъ вполнѣ важность нападенія съ этой стороны, о которой нынѣ какъ бы въ первые догадались; только нужна сила; а сильны ли Вы тамъ, не знаю. Другой вопросъ: сказывалъ ли я Вамъ когда, что случайно довелось мнѣ однажды, лѣтъ десять тому назадъ, прочитать письмо матери [2] Грибоѣдова къ сыну? Онъ тогда, чиномъ Титуляр-

---

[1] См. „Русская Старина“ іюнь 1911 г.

[2] Настасья Ѳедоровна Грибоѣдова ум. въ 1834 г.

ный Совѣтникъ, вошелъ снова въ службу и сбирался въ Персію съ Мазоровичемъ [1]): мать, радуясь его опредѣленію, совѣтовала ему отнюдь не подражать своему пріятелю, *мнѣ*, потому де, что эдакъ, прямотой и честностью, не выслужишься, а лучше дѣлай, какъ твой родственникъ *такой-то*, который подлецъ, какъ ты знаешь, и все впередъ идетъ; а какъ же иначе? вѣдь самъ Богъ, кому мы докучаемъ молитвами, любитъ, чтобъ передъ нимъ мы безпрестанно *кувыркъ да кувыркъ*.—Такъ вѣщала нѣжная мать, и видно Богъ услышалъ ея молитвы и умилился ея кувырканьемъ, ибо сынъ лезетъ въ гору ужасно; Вы меня увѣдомили о производствѣ его въ Статскіе Совѣтники [2]); но съ тѣхъ поръ онъ уже произведенъ въ Дѣйствительные Статскіе и на правахъ тайнаго ѣдетъ посланникомъ въ Таврисъ, съ небольшимъ жалованьемъ 7.200 червонцевъ въ годъ: Dieu prodigue ses biens à ceux qui font voeu d'être siens [3]). Замѣтьте d'abondance [4]), что всѣ, тако на путь спасенія грядущіе, начинаютъ съ того, что разрываютъ всѣ связи со мною дабы не имѣть впередъ непріятныхъ встрѣчъ. Скажите пожалуйста, нынѣшній Грейгъ [5]) сынъ что ли Екатерининскаго? Долго ли Вы были въ Крыму? успѣли ли тамъ что осмотрѣть? напримѣръ Георгіевскій (коли не ошибаюсь) монастырь, построенный, если вѣрить преданію, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ древле былъ храмъ Діаны, человѣческою кровью окропляемый, и гдѣ произходитъ дѣйствіе Еврипидовой Ифигеніи въ Тавридѣ? Вы должны теперь принимать сильнѣйшее прежняго участіе во всѣхъ сихъ греческихъ воспоминаніяхъ, когда вы подвизаетесь за святое Греческое дѣло противъ новѣйшихъ скиѳовъ, людорѣзовъ, коли не людоѣдовъ; и не клеплю ли я на древнихъ? они тоже *только* рѣзали въ честь своей богини, какъ нынѣшніе въ честь своего пророка. Lavigne въ одной изъ новыхъ своихъ Messeniennes, подъ названіемъ: le Vaisseau, кажется, слишкомъ надѣется на силу сего англинскаго корабля, убѣждая его низложить съ грековъ иго Султана: но болѣе одного на это дѣло

---

[1]) 6-го іюля 1818 г. повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Персіи былъ назначенъ Симонъ (Семенъ) Ивановичъ Мазаровичъ, а секретаремъ при немъ А. С. Грибоѣдовъ, замѣстившій его въ 1828 г., въ званіи полномочнаго министра, (см. о С. И. Мазаровичѣ Архивъ Раевскихъ, редакція и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго т. I, 1908 стр. 290—291).

[2]) Грибоѣдовъ произведенъ въ статскіе совѣтники 15-го марта 1828 г.

[3]) „Богъ расточаетъ блага тѣмъ, которые дали обѣтъ быть ему вѣрными".

[4]) „Вдобавокъ".

[5]) Алексѣй Самуиловичъ Грейгъ, адмиралъ, главный командиръ Черноморскаго флота, членъ Госуд. Совѣта, р. 1766, ум. 1845 г., сынъ Самуила Карловича Грейга (1735—1793), героя Чесменскаго боя (1770).

потребуется, и я желаю, чтобъ Ваши одиннадцать, хоть отчасти, исполнили желаніе поэта. Колумбъ его не хорошъ, какъ нѣмцы говорятъ ganz subjectiv, то-есть не вѣщь самое главное, а мнѣніе автора; тутъ въ сновидѣньи вся исторія Америки отъ Кортеца [1]) и Вальверда [2]) до Вашингтона и Боливара [3]), и (что не совсѣмъ безпристрастно) ни слова нѣтъ о почтенномъ братѣ Лас-Казасѣ [4]); хуже всего, что самъ Колумбъ не имѣетъ лица и не дѣйствуетъ, и что читатель не перенесенъ ни въ то время, ни въ то мѣсто, а слышитъ въ прекрасныхъ стихахъ декламацію либерала нашихъ дней. Извините, любезнѣйшій, мою болтовню: пишу, что въ умъ бредетъ. Дай Богъ только, чтобъ письмо къ Вамъ дошло и застало Васъ, какъ на Руси говорится, въ святой часъ. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

37.

17 іюля 1828 г. Шаево.

Извините, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что отвѣчаю на полу-листѣ; судя по себѣ, я полагаю, что и Вамъ письмо пріятнѣе кажется чѣмъ длиннѣе, тѣмъ лучше; но теперь я въ хлопотахъ; завтра отправляюсь за двѣсти верстъ изъ Кологривской усадьбы въ Чухломскую. Какія пустяки! подумаете Вы, есть о чемъ хлопотать!—Въ самомъ дѣлѣ, больше поэзіи плыть отъ покоренной Анапы [5]) къ устьямъ Дуная, мимо Ахилловыхъ береговъ; но при всемъ томъ часто сухая деревенская проза болѣе требуетъ вниманія, попеченія и заботъ, нежели все громкое и блестящее. Чѣмъ долѣе живу въ отдаленной нашей сторонѣ, тѣмъ сильнѣе удостовѣряюсь, что здѣсь-то имянно трудъ и есть, котораго уже плоды красуются на вѣтвяхъ и забываютъ о бѣдныхъ корняхъ, роющихъ землю въ темнотѣ. Сельская тишина, миръ полей, пустыя безсмысленныя слова столичныхъ богатыхъ жителей, неимѣющихъ никакого понятія о томъ, какъ трудно хлѣбъ сѣять, платить подати, ставить рекрутъ и какъ-нибудь жить; едва большое количество бѣдныхъ и работою изнуренныхъ крестьянъ можетъ содержать одного человѣка comme il faut. Но оставимъ это и потолкуемъ о другомъ. Съ отъѣзда Вашего я ничего не знаю о литературѣ, никто ко мнѣ не пишетъ

---

[1]) Fernando Cortez, покоритель Мексики, р. 1485 г., ум. въ 1547 г.

[2]) Vincent de Valverde, ум. въ 1543, спутникъ Пизарро въ Перу.

[3]) Bolivar y Ponte, прозванный Вашингтономъ Южной Америки; р. въ 1783 г., ум. въ 1830 г.

[4]) Barthélemy de Las-Casas, епископъ въ Мексикѣ, извѣстный своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ туземцамъ; р. въ 1474 г., ум. въ 1566 г.

[5]) Анапа сдалась 12-го іюня 1828 г.

объ ней, а можетъ быть и писать нечего. Гречевы плутни также мало удивительны, какъ жары въ Іюлѣ, но конечно мудрено и неловко бороться съ нимъ издали; на его сторонѣ вся выгода мѣстоположенія, онъ засѣлъ въ крѣпости; впрочемъ теперь крѣпости пошли на сдачу, и я увѣренъ, что время и путные люди также выживутъ романтиковъ съ Парнаса, какъ мусульманъ изъ Европы. Вы укоряете меня въ лишнихъ похвалахъ Пушкину; я нарочно перечиталъ и не вижу тутъ ничего чрезмѣрнаго, ни даже похожаго на то; я почти опасаюсь, что онъ останется недоволенъ въ душѣ и также будетъ неправъ. На дняхъ, перечитывая Расина, вздумалось мнѣ испытать своихъ силъ надъ всѣмъ извѣстнымъ разказомъ Ѳерамена [1]), и злой духъ помогъ мнѣ его откачать довольно скоро; хорошо ли, другой вопросъ, далеко не разрѣшенный; посылаю его къ Вамъ, каковъ онъ ни есть. Во всякомъ случаѣ это дѣло не дурное: родъ задачи, урока, une étude d'après Raphael. Я дивлюсь, какъ въ музеяхъ, университетахъ и т. п. не задаютъ молодымъ людямъ съ нѣкоторою способностью къ стихотворству задачъ въ этомъ родѣ; трудясь надъ превосходнымъ образцомъ, вникая въ него прилежно, задорясь не вездѣ по крайней мѣрѣ уступить ему, они бы и поэзію и фактуру стиховъ хорошихъ узнали сами собою въ сто разъ болѣе и лучше, чѣмъ изъ всѣхъ педантическихъ теорій и по пошлымъ предразсудкамъ выбранныхъ примѣровъ. Если издатель Аѳинея Павловъ, то я ничего путнаго не жду; его переводъ Маріи Стуартъ и нѣкоторыхъ сценъ Расиновой Андромахи вдоволь меня съ нимъ ознакомили; а спѣшныя похвалы его дарованіямъ нѣкоторыхъ Московскихъ старо-классиковъ тоже, что похвалы Николеву [2]), Шатрову [3]) et compagnie. Прощайте, почтеннѣйшій, будьте здоровы: c'est un grand point; у меня зубы болятъ; несносно. Пишите все въ Кологривъ, ибо я изъ Чухломы черезъ мѣсяцъ, а много два, возвращусь

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

---

[1]) Изъ „Федры“ Расина. См. соч. Катенина т. II стр. 69—71.

[2]) Николай Петровичъ Николевъ р. 1758 г., ум. 1815 г., писатель, пользовавшійся въ свое время большою извѣстностью, авторъ трагедіи „Сорена и Замиръ“ (представл. въ 1-ый разъ на Московскомъ театрѣ 12 февр. 1785 г.). См. мой очеркъ, напеч. въ „Филологическихъ Запискахъ“ 1890, вып. III и IV—V и въ „Русской Поэзіи“ С. А. Венгерова, вып. V (1895).

[3]) Николай Михайловичъ Шатровъ, поэтъ, р. 1767, ум. 1841 г.; его стихотворенія (3 ч.) изд. въ Спб. въ 1831 г.

38.

7-го сентября 1828 г. Шаево.

Писать къ Вамъ чаще, говорите Вы, любезнѣйшій Николай Ивановичъ: очень согласенъ, очень радъ; но о чемъ писать *отъ себя* изъ Кологрива? будь я въ Петербургѣ, дѣло другое: сталъ бы Васъ увѣдомлять о томъ о семъ; но здѣсь мнѣ остается только отъ другихъ ожидать увѣдомленій. Благодарю Васъ за присланныя Вами; Ахилловъ островъ въ особенности любопытенъ, видно по разсказу Вашему, что Ѳетида не ошиблась въ выборѣ, и что это точно *край неприступный*, о которомъ *вѣсти молва не доноситъ*, хотя изрѣдка случается къ нему приставать мимо плывущимъ и претерпѣвшимъ кораблекрушеніе; вѣрность и точность моего стихотворенія въ этомъ мѣстномъ статистическомъ отношеніи прибавляетъ ему достоинство въ моихъ глазахъ. Вы хвалите стихи второй пѣсни Ада, ничто не можетъ быть мнѣ пріятнѣе, почтенный Николай Ивановичъ; да, Ваше одобреніе всякой разъ утѣшаетъ меня, я въ немъ какъ будто вижу заранѣе судъ не потомства, ибо и послѣ насъ и всегда будутъ дураки en majorité, но лучшихъ, умнѣйшихъ, просвѣщеннѣйшихъ судей поэзіи и искуствъ, какіе будутъ со времянемъ, и чей голосъ станетъ слышнѣе, когда страсти современныя умрутъ. Лучшая глава Онѣгина, по моему, шестая; я ее недавно прочелъ; въ ней поединокъ Онѣгина съ Ленскимъ; Вы видите, что и самое содержаніе давало много средствъ стихотворцу. Не знаю, что подумать о немъ, тоесть Пушкинѣ. Еще въ Апрѣлѣ послалъ я къ нему Старую быль и приписку въ стихахъ и письмо въ прозѣ весьма дружеское, le tout черезъ Погодина; не получая отвѣта, писалъ я къ Каратыгину справиться, доставилъ ли Погодинъ мой пакетъ Пушкину; къ сожалѣнію, Каратыгинъ его ни разу не засталъ дома, и, съ этой стороны, дѣло по сію пору не разъяснено; между тѣмъ справился я у Погодина, черезъ знакомаго въ Москвѣ, и оказалось, что письмо мое послано куда слѣдовало еще тогда; стало Пушкинъ получилъ и молчитъ: худо; но вотъ, что хуже: К. Н. Голицынъ, мой закадычный другъ, восхищающійся Старой былью и въ особенности пѣснью Грека, полагаетъ, что моя посылка къ Пушкину есть une grande malice; если мой пріятель, другъ, полагаетъ это, можетъ тоже казаться и Пушкину; конечно не моя вина, знаетъ кошка, чье сало съѣла, но хуже всего то, что я эдакъ могу себѣ нажить новаго врага, сильнаго и непримиримаго, и изъ чего? изъ моего же благого желанья сдѣлать ему удовольствіе и честь: выходитъ, что я попалъ кадиломъ въ рыло. Такъ и быть подожду еще, узнаю на-

вѣрно, черезъ Петербургъ, въ чемъ бѣда, а тамъ думаю объясниться; я не хочу безъ грѣха прослыть грѣшникомъ. Строева статья [1]) точно любопытная, тѣмъ паче, что стихи 1729-го года не совсѣмъ дурны, и нѣкоторые изъ нихъ гораздо лучше фактурою и языкомъ многихъ печатаемыхъ нынѣче; тонъ Строева тотъ самый, глупый, или, точнѣе сказать, дурацкій, какой у насъ вообще въ журнальныхъ статьяхъ и спорахъ о словесности употребляется; въ сравненіи съ Бестужевымъ или Розингомъ это еще хорошій тонъ. Съ позволенья Вашего, я Кафтырева письмо оставлю у себя, въ немъ вѣдь ничего, кромѣ тогоже, что и у Татаринова [2]), стало онъ дубликатъ для Васъ лишній, а для меня пригодный. На Павлова плоха надѣжда: метроманъ, безъ дарованія, рѣдко бываетъ, я уже не говорю, умный, но даже честный человѣкъ; иногда явно, а чаще того скрытно ненавидитъ онъ всякаго поэта, чье превосходство надъ собой чувствуетъ, всякую критику основательную, предвидя, что послѣдствія ея для него рано или поздно окажутся вредны. Это чувство живетъ въ нихъ не только къ живымъ, даже къ мертвымъ; они стоятъ упорно за принятыя однажды мнѣнія и боятся, если видятъ, что его другой кто хочетъ поколебать; допустивъ это, думаютъ они, и мы подвергнемъ себя утратѣ той части похвалъ или славы, какую уже, благодаря Бога и добрыхъ людей, успѣли нажить, или что еще, принуждены будемъ уступить ее другимъ, которыхъ мы, пока живы, никогда впередъ себя не пустимъ. Крайне бы желалъ я, имъ вопреки, чтобъ Вы вознамѣрились твердо и нашли время заняться порядочно всѣмъ этимъ дѣломъ и обнародовали на счетъ русскаго языка и словесности или поэзіи (ибо, кромѣ ее, что у насъ есть?) мнѣніе толковое, безпристрастное и, такъ сказать, *ученое*, ибо по сіе время болѣе всего губитъ насъ невѣжество, къ стыду нашего времени господствующее и съ неимовѣрною смѣлостью произносящее вкривь и вкось свои нелѣпые приговоры. Вы, сударь, не невѣжа; однако ошиблись, и врядъ ли Вамъ долго жить, когда Вы смогли *всклепать*

---

[1]) „Письмо“ Павла Мих. Строева (1796—1876) къ „Издателю Сына Отечества“ (С. О. 1828 г. 118 № 7 стр. 265) касается спора, возникшаго между Полевымъ и М. И. (Бахтинымъ) о томъ, кто у насъ первый ввелъ тоническое стихосложеніе. Первый приписывалъ это нововведеніе—Ломоносову, второй—Тредьяковскому. Строевъ утверждалъ, что „тоническіе, шестистопные стихи съ цезурою и почти всѣ мужскіе“ были уже извѣстны въ 1729 г. и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ семь стихотвореній, извлеченныхъ имъ изъ „Историческихъ, Генеалогическихъ и Географическихъ примѣчаній къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ того года.

[2]) Петръ Петровичъ Татариновъ, пріятель Н. И. Бахтина, умеръ въ чинѣ дѣйств. статск. сов. 14 авг. 1858 г.

на Бюфона; статья объ угрѣ очень глупа, правда; но ее писалъ Lacepède [1]), также какъ и всю исторію рыбъ, уже по смерти Г. le Comte de Montbard [2]). Достойный сей его преемникъ и треску прославилъ весьма отлично и въ исторіи лягушекъ премило уговариваетъ дамъ разводить ихъ въ садкахъ для своего удовольствія. Господи помилуй! и все это хвалили! и еще хвалятъ! Когда же придетъ день Господень? Вы совѣтуете мнѣ написать Колумба: не знаю, что отвѣтить; теперь нѣтъ охоты, а что впредь Богъ вѣсть. И другія вѣщи иногда вертятся въ воображеньи, но все недовольно постоянно; некогда заняться ничѣмъ эстетическимъ, слишкомъ много заботъ хозяйственныхъ; голова полна ариѳметическихъ разчетовъ, я теперь въ *одной* усадьбѣ кормлю ежедневно болѣе ста человѣкъ; со стороны можно подумать, что я богатый человѣкъ, а я просто бѣднякъ, въ долгу, трудящійся, какъ собака, чтобъ выпутаться и хоть вторую половину жизни провесть спокойно. Увидѣть Васъ мнѣ сильно хочется, но врядъ ли Вы, по возвращеньи своемъ изъ Турціи, меня найдете въ Петербургѣ, я все не вижу возможности вскорѣ туда возвратиться и (признаться ли) сильной охоты нѣтъ; всего бы лучше Вамъ навѣстить меня здѣсь. Пустота здѣшняго края не можетъ уже испугать человѣка, бывшаго въ городахъ совершенно пустыхъ: какъ страшны эти Ваши собаки и кошки! такъ и подираетъ морозомъ по кожѣ, какъ вздумаю объ нихъ. Не забудьте, милый, хоть изъ *Одессы*, привести съ собою сѣмянъ хорошихъ, огородныхъ, тоесть *капусты разной, тыквъ и душистыхъ травъ*; хочется на нашемъ сѣверѣ, гдѣ ровно ничего не знали, и гдѣ я уже кое-что развелъ, развесть еще по лучше. Не думайте, однако, чтобы я въ деревнѣ сдѣлался Діоклетіаномъ или Кандидомъ садовникомъ: нѣтъ, я не имѣю ни особой склонности къ мѣлкимъ сельскимъ работамъ, ни достаточнаго досуга, чтобы подробно въ нихъ вникнуть; я увѣренъ, что пѣтъ жизни, болѣе исполненной трудовъ, какъ жизнь русскаго деревенскаго помѣщика средняго состоянія и Вы повѣрите мнѣ, когда своими глазами вблизи на нее посмотрите. У насъ теперь уже осень, сильные утренники, листья на половину пожелтѣли и свалились, а на черномъ морѣ и тогда, какъ письмо дойдетъ къ Вамъ, тоесть черезъ мѣсяцъ, будетъ еще тепло и можетъ быть жарко: благословенный край, только не въ политическомъ отношеніи. Гдѣ Вы зиму (коли тамъ есть зима) про-

---

[1]) Соч. Бюффона „Histoire naturelle générale et particulière“ переизд. и дополнено Lacépède въ 1817—1819 г.г.

[2]) Бюффонъ родился въ Montbard.

ведете? Кончайте съ Турками поскорѣе; на первый разъ освободите Грековъ, и то хорошо. Къ стати, мой планъ войны отчасти исполняется, Паскевичъ [1]) воюетъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ я хотѣлъ, а что кораблей мало, je n'y puis rien. Прощайте, милый. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

39.

16-го октября 1828 г. Шаево.

Поздравляю, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, съ чиномъ Коллежскаго Совѣтника. Давно, не получая отъ Васъ писемъ, грущу и не знаю, гдѣ Вы; съ сожалѣніемъ видѣлъ въ газетахъ, что К. Меншиковъ раненъ [2]), искренно желаю ему скораго и, сколько можно, полнаго выздоровленія: NB что я приписываю долгое невзятіе Варны имянно его ранѣ. Но мнѣ ли отселѣ говорить о войнѣ, которой вѣсти доходятъ сюда Богъ вѣсть какъ и когда. Я имѣю къ Вамъ рѣчь другую: посылаю при семъ новое, послѣднее мое стихотвореніе; начало было еще въ Петербургѣ, коли Вы помните, но оно далеко не важнѣйшая часть моей Елегіи [3]). Судите ее, почтенный, и строго судите: скажите всю правду, ибо ничто не вреднѣе поэту собственнаго ослѣпленія; я же теперь такъ ослѣпленъ, такъ очарованъ своимъ произведеніемъ, что и сказать стыдно; одно только скажу: въ моихъ глазахъ оно лучше всего, что я когда-либо сдѣлалъ, и если бы одну вѣщь я принужденъ былъ выбрать для сохраненія въ потомство, не колеблясь бы эту всѣмъ предпочелъ. Все это (какъ выше сказано) не для того говорится, чтобы Ваше сужденіе предубѣдить въ пользу ея; напротивъ, чтобы Вы съ большимъ вниманіемъ замѣтили въ ней все, что не такъ: разумѣется въ частяхъ, ибо если она въ цѣломъ не годна, горе вѣчное Мстиславу! Ахъ! какъ бы мнѣ хотѣлось самому ее Вамъ прочесть и такъ и сякъ потолковать; но покуда это невозможное дѣло. Не знаю, что подумать о Пушкинѣ; онъ мою Старую Быль и приписку ему получилъ въ свое время, тоесть въ маѣ, просилъ усердно Каратыгину (Ал. Мих.) извинить его передо мной: лѣтомъ онъ ничего

---

[1]) Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ р. въ 1777 г., ум. въ 1856 г. Главнокомандующій русской арміею въ Азіи (1828—1829 г.), въ 1831 г. получилъ титулъ Князя Варшавскаго.

[2]) Кн. А. С. Меншиковъ былъ раненъ ядромъ въ обѣ ноги подъ Варною 9-го августа 1828 г.

[3]) Стихотвореніе Катенина „Элегія", напечатанное въ его „Сочиненіяхъ", т. I стр. 101—109, появилось въ свѣтъ въ первый разъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1830 г.

не могъ писать, стихи не даются, а прозой можно ли на это отвѣчать? Но завтра, завтра все будетъ. Между тѣмъ, по сіе время отвѣта ни привѣта нѣтъ, и я начинаю подозрѣвать Сашиньку въ нѣкотораго рода плутнѣ: что дѣлать? подождемъ до конца. О какихъ мизерахъ я пишу! самому стыдно; но и то сказать: не все ли на свѣтѣ grande — либо petite misére? напримѣръ, что мизернѣе или мизирнѣе того, что я принужденъ вѣкъ свой губить въ пошлыхъ хлопотахъ? строю новую винокурню, работы, что при осадѣ крѣпости, издержки по состоянію моему необъятныя, и все конца не вижу; а весь конецъ, что будутъ курить вино по семи ведеръ съ четверти ржи, и что я могу получить нѣсколько тысячь рублей барыша!—Осень довольно теплая продолжается; въ прошломъ году объ эту пору здѣсь уже слишкомъ двѣ недѣли ѣздили на саняхъ, а нынѣче еще снѣгу нѣтъ, и нигдѣ вода не замерзала. Пока тамъ, гдѣ Вы находитесь, рѣжутся люди, мы здѣсь припасаемъ рекрутъ и признаться не безъ труда: въ теченіи года сходитъ шестьнадцать человѣкъ съ тысячи душъ: много; да и въ отдачѣ не безъ хлопотъ; высшее правительство полагаетъ, что все легко, потому что мѣра не высока; но въ ней ли одной сила? къ каждому прыщу (безъ шутокъ) придираются и какъ не придираться? Если примутъ рекрута, котораго послѣ въ Депо обракуютъ, каждый членъ присутствія повиненъ заплатить 500 руб. Кому же охота подвергаться? Я Васъ уже просилъ о сѣмянахъ, особенно о тыквахъ и италіанской капустѣ brocoli: не льзя ли мнѣ изъ Одессы по почтѣ прислать? Я вѣдь такъ говорю въ предположеніи, что князь Вашъ тамъ лѣчитъ свою рану, а Вы при немъ находитесь; но какъ ошибочны предположенія за двѣ тысячи верстъ! Прощайте, милый Николай Ивановичъ, любите меня по прежнему et ultra. Вы видите, какъ я объ Васъ думаю и какъ забочусь (знаю, что мои стихи Вамъ по большей части нравятся) сообщать тотчасъ все, что Богъ дастъ. Будьте здоровы, пишите чаще, если можно; но когда и гдѣ мы увидимся? Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

40.

4-го ноября 1828 г. Шаево.

Отвѣчаю вмѣстѣ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, на Ваши два письма отъ 28-го сентября и 5-го Окт. Я былъ въ гостяхъ у нашего предводителя, за 75 верстъ отъ своего дома, когда получено первое, и затѣмъ, по неволѣ, одну почту пропустилъ. Я уже прежде догадался, что Вы должны быть въ Одессѣ, а коли съ княземъ отправитесь оттолѣ въ Москву, не забудьте моихъ просьбъ на

счетъ сѣмянъ и хорошаго турецкаго табаку, котораго для меня чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Благодарю Васъ за извѣстіе о братѣ Александрѣ: дай Богъ ему возвратиться живу и здорову изъ войны, довольно кровопролитной, какъ кажется; дѣла его точно разстроены. Но онъ самъ виновенъ, и отецъ его сдѣлалъ все, что могъ. Впрочемъ это еще не совершенно бѣда, ибо, хотя бы и все его имѣніе пошло на заплату долговъ, у него въ виду остается мое: жениться прошла моя пора, а изъ родни онъ всѣхъ милѣе, и мнѣ бы даже хотѣлось имѣть его при себѣ; но это все дѣло будущее, а лучше поговоримъ о настоящемъ. Очень радъ успѣхамъ Вашей литературной войны; я началъ съ того, что выписываю Атеней или Аѳиней; Сынъ Отечества тоже постараюсь достать, а коли не удастся, придется и за него деньги платить. Любопытнѣйшее во всякомъ случаѣ остается еще впереди, ибо нѣтъ сомнѣнія, что Гречи и Полевые не задремлютъ, и сраженье загорится. Какъ Вы полагаете? не удобное ли теперь время для напечатанія моихъ стихотвореній? только вотъ что: обстоятельства отнюдь не позволяютъ мнѣ самому ѣхать отселѣ ни въ Петербургъ, ни въ Москву: во первыхъ карманныя, а во вторыхъ смѣшно нарочно за этимъ скакать. Угодно ли Вамъ будетъ — взять на себя трудъ издателя? подумайте объ этомъ, почтеннѣйшій, разсмотрите дѣло со всѣхъ сторонъ и дайте мнѣ знать Ваше мнѣніе. Изъ Петербурга давно не получалъ писемъ, и потому вовсе не знаю, что тамъ дѣлается. Саша Пушкинъ упорно отмалчивается. Варна сдалась [1]) точно кстати, и дай Богъ, чтобъ Порта согласилась на независимость Грековъ, и на томъ кончилась война. Европейскія державы помогаютъ мало, а Россія одна врядъ ли имѣетъ довольно силы, чтобы забираться въ даль. Денегъ ни у кого нѣтъ; внутреннее правительство, забывъ обо всемъ остальномъ и важнѣйшемъ, хлопочетъ единственно о сборѣ податей и недоимокъ и хлопочетъ напрасно; ибо où il n'y a rien le roi perd son droit [2]). Я имѣю около 300 душъ крестьянъ и винокурню и въ деревнѣ едва едва могу кое-какъ жить: судите по этому о прочихъ. Будьте здоровы и продолжайте писать. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

41.

4-го декабря 1828 г. Шаево.

Видно, Вы не получили еще моей Елегіи, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, ибо не пишите о ней ни слова въ письмѣ изъ Николаева отъ 8-го Ноября, я однако жъ давно ее къ Вамъ отпра-

[1]) Варна сдалась 29 сентября 1828 г.

[2]) „Гдѣ нѣтъ ничего, и король теряетъ свои права".

вилъ; впрочемъ, если и теперь та къ Вамъ не дошла, спросите ее у Каратыгина. Атеней я выписываю, но еще не получилъ; а Сына Отечества любопытные для меня № попросилъ бы Васъ изъ Питера мнѣ, хоть на время, для прочтенія доставить. Князь Н. С. Голицынъ пишетъ ко мнѣ объ отвѣтѣ Вашемъ Полевому, что въ Атенеѣ, и вотъ Вамъ точная выписка изъ его письма sans y changer un seul iote [1]): „Приношу тебѣ жалобу на Бахтина; вотъ, что онъ написалъ о твоемъ стихотвореніи: on lui reproche avec raison de ne pas soigner sa versification [2]). Кто этотъ on? Марлинскій, Розингъ, Туманскій [3]), житель Тентелевой деревни [4])? отъ другихъ я этого не слыхалъ. Плетневъ [5]) только въ планахъ находитъ недостатки, В. Кюхельбекеръ поставилъ твои стихи (какъ стихи) на равнѣ съ Жуковскимъ и Батюшковымъ. Досадно на Бахтина. Впрочемъ отвѣтъ его Полевому преумный и предѣльный". Ясно, что я на этотъ счетъ своего мнѣнія имѣть не могу, и мнѣ остается желать, чтобъ Вы, прочитавъ мою Елегію, разположены остались согласиться съ Голицынымъ: признаюсь, однако, что, полагая сравненіе съ другими подобными вѣщами основаніемъ оцѣнки чего бы то ни было, я, по совѣсти, не знаю: кто же изъ современныхъ мнѣ русскихъ стихотворцевъ болѣе занимается чистотою и отдѣлкою своихъ стиховъ. Самые лучшіе изъ нихъ, въ разныхъ школахъ и родахъ, довольно небрежны на этотъ счетъ, и передъ безпристрастнымъ и просвѣщеннымъ судьею я не знаю, съ которымъ бы изъ нихъ, имянно въ этомъ отношеніи, состязанье могло мнѣ быть опаснымъ.—Ради Бога, не почитайте сказаннаго мною голосомъ оскорбленнаго самолюбія; ибо, во первыхъ мое самолюбіе не такъ глупо, чтобы оскорбляться замѣчаніями критики и требовать похвалъ полныхъ; а во вторыхъ, оно обязано Вамъ благодарностью, какъ смѣлѣйшему и сильнѣйшему моему заступнику; но я съ Вами разсуждаю по пріятельски, не прикидываясь, дѣлаю свои замѣчанія и паки желаю знать: кто изъ нынѣшнихъ нашихъ поэтовъ, по мнѣнію Вашему, a plus soigné sa versification?—Табакъ Вашъ хорошъ и пріѣхалъ въ самую пору: примите мою благодарность. Пожалѣйте обо мнѣ, любезнѣйшій; я теперь въ хлопотахъ, ровно по уши; на-

---

[1]) „Не измѣняя въ немъ ни одной іоты".

[2]) „Его справедливо упрекаютъ въ небрежности его версификаціи". Эти слова взяты изъ статьи Бахтина въ „Атласѣ" Бальби.

[3]) Вас. Ив. Туманскій, поэтъ, р. 1802 г., ум. 1860 г.

[4]) Н. И. Гнѣдичъ.

[5]) Плетневъ, Петръ Александровичъ, критикъ, академикъ, профессоръ Спб. унив., р. 1792 г., ум. 1865 г.

дѣюсь, правда, что большая ихъ часть къ новому году минетъ, но покуда крайне не весело. Гдѣ Менщиковъ теперь находится? какъ бы хотѣлось увидѣть Васъ и о многомъ потолковать! Какъ это мудрено! Какъ жаль! Прощайте. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

42.

11-го января 1829 г. Шаево.

Какъ Вы могли подумать, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, чтобы Голицынъ хотѣлъ насъ поссорить? во-первыхъ, тутъ не за что ссориться, а во-вторыхъ онъ не такой человѣкъ. Болѣе нѣсколько виноватъ я, сообщивъ Вамъ замѣчаніе его, что Вы сочли за родъ укора; но еще разъ повторяю: мнѣ ли Васъ укорять, когда я Васъ благодарить обязанъ? и опять: мнѣ ли съ Вами не быть вполнѣ откровеннымъ? Правда Ваша, что онъ Голицынъ (какъ пишетъ Олинъ) по сіе время отдавалъ мнѣ справедливость (какъ стихотворцу) только на словахъ, тогда какъ Вы вознесли голосъ во всеобщее услышаніе, но позвольте сказать, что не всякой человѣкъ равно на все способенъ: можно написать нѣсколько хорошихъ стиховъ и не быть въ состояніи выдержать полемическій журнальный споръ; впрочемъ и это съ моей стороны одна догадка, а главное дѣло въ томъ, что онъ живетъ въ деревнѣ и лѣнивъ. Атенея жду не дождусь, а первыя два письма въ Сынѣ Отечества я прочелъ съ жадностью и никакихъ другихъ замѣчаній сообщить не могу, кромѣ: pulchre, bene, recte, optime [1]) и все тому подобное. Доказательства выписками изъ документовъ неоспоримы; невѣжество, педантство и дурной полурусскій слогъ Полеваго обличены и осмѣяны; а (что всего было мудренѣе) подлые доносы Телеграфа о неуваженіи къ Петру 1-му и, яко бы несправедливомъ, обвиненіи нашихъ прежнихъ монарховъ въ ненависти къ исторіи не только искусно опровергнуты, но еще справедливость преждѣ сказаннаго смѣло и сильно новыми примѣрами поддержана: sic надобно всегда творить, помня Фигаро: qu'il s'avise de parler latin, j'y suis grec: je l'extermine [2]). Теперь моя очередь ожидать отъ Васъ подробныхъ замѣчаній на счетъ посланныхъ въ Туречину стихотвореній; ихъ три: 2-я пѣснь Данте, разказъ изъ Федры и Елегія. Коли рѣчь уже объ нихъ зашла, давайте говорить объ изданіи. Само собою разумѣется и бѣла дня яснѣе, что издержки и выручки, тоесть

[1]) „Прекрасно, хорошо, правильно, превосходно“.

[2]) „Свадьба Фигаро“. А. III сц. 15. („Пусть заговоритъ хоть по-латыни— я ему такъ отрѣжу по-гречески“).

деньги туда и сюда, дѣло мое; но не въ томъ важность. Все изданіе (въ двухъ нетолстыхъ частяхъ) едва ли станетъ въ полторы тысячи, а назначивъ цѣну экземпляра въ 10 либо 12 рублей (что у насъ весьма не дорого), можно съ нѣкоторой основательностью надѣятся свести концы съ концами, а на первый случай c'est tout ce qu'il faut. Главное въ томъ состоитъ, чтобы этому изданію напередъ дать извѣстность; но сіе время мои литературные враги сильнѣйшимъ противъ меня оружіемъ употребляли молчанку: это уже вѣрнымъ служитъ наставленіемъ моимъ пріятелямъ дѣйствовать совершенно противнымъ образомъ; того ради я полагаю, что весьма полезно и даже необходимо объявить, какъ водится, по журналамъ и открыть подписку, съ такимъ извѣстіемъ für das Publikum, что оныя стихотворенія будутъ напечатаны тогда-то *непремѣнно* и въ такомъ *только* числѣ экземпляровъ сколько окажется г.г. подписчиковъ. Вообще, я не имѣю въ виду барышей, а любопытенъ знать, много ли in dem Publikum порядочныхъ людей. Нужно ли мнѣ сказывать Вамъ, что для меня пріятно бы было, еслибы постарались увеличить число подписчиковъ, еслибъ объ этомъ похлопотали; почему бы напримѣръ Вамъ не потолковать объ этомъ съ Каратыгинымъ? я бы на его мѣстѣ пріятнымъ долгомъ себѣ поставилъ этому способствовать. Надобно непремѣнно, чтобы, хоть pro forma, *знаменитые* любители поэзіи etc. удостоили вписать свое имя въ списокъ. Что же касается до предувѣдомленія отъ издателя, оно, я думаю, тоже необходимо, но краткое и дѣльное, безо всякихъ смѣшныхъ похвалъ, а въ рѣшительномъ и степенномъ тонѣ. Кромѣ голубой книги, пропущенной цензоромъ, должны войти въ первую часть (оригинальную) Старая быль и Елегія; во вторую (переводную) двѣ пѣсни Ада, разказъ Θерамена и (коли можно) разказъ Цинны; его я самъ осудилъ *тогда*, вскорѣ послѣ бѣдственнаго 14-го дек., но *теперь* никакія приличія не предписываютъ таить переводъ отрывка изъ такой всѣмъ извѣстной пьэсы и сверьхъ того переводъ, уже напечатанный слишкомъ 10 лѣтъ тому назадъ [1]). Извините, почтеннѣйшій, всю подробность сихъ подробностей; я имѣю самолюбіе какъ всѣ люди, и кажется довольно на своемъ вѣку несправедливостей вытерпѣлъ, чтобъ имѣть право желать нѣкотораго вознагражденія; я, если не единственно, то, по крайней мѣрѣ, болѣе всѣхъ надѣюсь на Васъ: mettez vous le coeur au ventre [2]), и все будетъ

---

[1]) Отрывокъ изъ Корнелевой трагедіи „Цинна“ (Д. I. явл. 3) былъ напечатанъ въ „Сынѣ Отечества“ 1818 г., ч. 44. № 12, стр. 229—231. Въ „Сочиненіяхъ“ Катенина (1832) его нѣтъ.

[2]) „Соберитесь духомъ“.

хорошо. Вы сами видите, что Полевой et comp. уже замолкли; ихъ надо заставить сознаться, или, хоть *теплыхъ*, разогрѣть и перетянуть на свою сторону: Бурбоны снова воцарились во Франціи отъ того только, что никогда въ изгнаніи не отказались отъ своихъ правъ. Кончаю право потому, что вся бумага изписана, а бесѣдовать бы еще хотѣлось; увы! гдѣ нашъ диванъ? Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

P. S. — С. О. Кн. 6-ая стр. 169 въ скобкахъ: *Замѣтьте, М. Г. всѣмъ извѣстно* [1]). Это безподобно!

43.

(Февраль 1829 [2]). Кострома).

Недивитесь, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что я Вамъ давно не отвѣчаю: одна причина, да хороша. Перваго числа нынѣшняго мѣсяца отправился я, уже нездоровый, по дворянскимъ дѣламъ изъ Кологрива въ Кострому, дорогой простудился до глубины костей и теперь въ Костромѣ лежу, терпя несносную боль во всѣхъ частяхъ тѣла, безъ рукъ и безъ ногъ. Власть Ваша надъ моей Елегіей; творите, какъ хотите; кажется, однако, что я послѣ того сдѣлалъ въ ней нѣсколько перемѣнъ. Важнѣйшія двѣ за нужное полагаю Вамъ здѣсь сообщить, что бы и напечатано было, какъ ниже слѣдуетъ:

Въ небѣ безоблачномъ рѣдкія искрились звѣзды

а въ другомъ мѣстѣ:

Душу мертвящей видомъ кровей и пожаровъ [3]),

ибо это необходимо.

Ваши четыре письма противъ Полевого я наконецъ всѣ прочиталъ и могу только сказать: что дальше, то лучше. Отъигрываться молчаніемъ—одно средство, оставшееся Полевому и ему подобнымъ, они, кажется, къ нему уже и прибѣгли, но Вамъ надо говорить.

Письмо мое вручитъ Вамъ здѣшній Совѣтникъ Николай Николаевичъ Колюпановъ, брата его, Петра, Вы, кажется, знавали въ Петербургѣ. Прощайте, почтенный, будьте здоровы и пожелайте мнѣ здоровья.

Павелъ Катенинъ.

---

[1]) Второе письмо М. И. къ Булгарину. „Сынъ Отечества“ 1828 г. ч. 118 № 6 стр. 169.

[2]) На этомъ письмѣ, не датированномъ, имѣется надпись Бахтина: „получено 28-го февраля 1829 г.“.

[3]) Соч. Катенина I, 105, 107.

44.

(Мартъ 1829 г. Кострома)[1]).

Я все очень боленъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и конца болѣзни не предвижу, вчера было мнѣ легче, можетъ быть, съ радости, что Голицынъ нарочно пріѣхалъ меня навѣстить, ночью сдѣлалось опять хуже, и я въ такихъ безпрестанныхъ перемѣнахъ, мучусь и почти отчаиваюсь; вчера же получилъ я нечаянно экземпляръ Сѣверныхъ цвѣтовъ и преучтивое письмо отъ Сомова, онъ благодаритъ за старую быль и проситъ впредь стиховъ, мнѣ кажется послѣ этого лучше гораздо Елегію отдать ему для напечатанія, нежели Гречу, и вообще стихотворенія въ Альманахахъ привлекаютъ болѣе вниманія, чѣмъ въ журналахъ, правда, что эдакъ она выйдетъ не прежде новаго года, хотя ихъ сборъ начинается еще съ Марта, но къ чему же намъ спѣшить, право, Николай Иванычъ, мой совѣтъ предпочесть Сомова, ибо онъ самъ проситъ. Пишите пожалуйста, жду нетерпѣливо Вашихъ писемъ, а на этотъ счетъ безъ Вашего отвѣта, я самъ Оресту отвѣчать немогу. Гдѣ Князь Менщиковъ? При чемъ Вы теперь въ Петербургѣ? Прощайте.

Павелъ Катенинъ.

P.S. Изъ письма Сомова видно, что не цензура не пропустила моей приписки Сашѣ Пушкину, но что онъ самъ не за благоразсудилъ ее напечатать: не льзя ли ее рукописно разпустить по рукамъ для поясненія его отвѣта?

45.

31 марта 1829 г. Кологривъ.

Пишу своеручно, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты: 1-е. Здоровье мое все очень хило, ноги болятъ, руки слабы, желудокъ едва сносенъ, силы изчезли, тѣло исхудало; не смотря, однако, ни на что, отказался я отъ веснованія въ Костромѣ; вѣра моя въ благотворное могущество врачебнаго искуства далеко не равняется съ увѣреніемъ, что мнѣ въ своемъ домѣ гораздо спокойнѣе и пріятнѣе жить, чѣмъ на чужой квартирѣ: сихъ ради причинъ, пустился я, какъ говорится, на волю Божію, и сперва, при сильномъ тепломъ вѣтрѣ съ дождемъ, а потомъ при еще сильнѣйшемъ холодномъ вѣтрѣ съ морозомъ, пережидая на ночлегахъ дни и часы нестерпи-

[1]) Это письмо тоже безъ даты. Надпись Бахтина: „Получ. 9-го марта 1829 г. Отв. 11-го марта 1829 г.“.

мыхъ для больного вьюгъ, доплелся кое-какъ до города Кологрива, а дни черезъ два буду и совсѣмъ дома. Resumé всего вышеизложеннаго: остался живъ и то покуда хорошо. 2-е. Гречъ est un coquin, и Вы весьма похвально поступили, сказавъ ему сіе въ глаза; Гречъ est un poltron и, коли цензоръ пропустилъ Елегію in statu quo, нѣтъ нужды никому за нее трепетать; я ни за что не соглашусь ее портить, замѣченныхъ Вами стиховъ нѣтъ возможности, по плану и ходу цѣлаго, ни выкинуть, ни перемѣнить безъ пзкаженія или уродованія, et je n'en ferai rien. При семъ приложено письмо къ Оресту, которое прошу ему доставить, ибо я не знаю даже его квартиры; я отвѣчаю на его просьбу, что готовъ служить, и что Вы вручите ему новую мою Елегію, буде онъ согласенъ на уговоръ: печатать ее только, если найдетъ хорошей, а не то оставить въ покоѣ, ибо штука Булгарина съ драматическимъ альманахомъ, гдѣ онъ, выпросивъ Андромаху, объявилъ, что ни одной Андромахи никому не надо, отлучили меня отъ довѣренности къ ихъ братьи; а быть зазваннымъ въ гости, откуда уѣхать не льзя, и переносить отъ хозяина непріятности, не весело. Вы на словахъ можете, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, еще яснѣе ему все разтолковать и тогда отдайте ему съ Богомъ Елегію. 3-е. Предложеніе вручить Пушкину листъ для подписчиковъ на изданіе моихъ стихотвореній весьма хорошо; а еще лучше таковыхъ листовъ съ печатнымъ объявленіемъ (не говоря ничего что: кромѣ драматическихъ и т. п., а просто) пустить въ ходъ нѣсколько; книгопродавцамъ (по лучше) дать по одному и въ Москву отправить и ко мнѣ сюда, хоть два, пришлите; но деньги брать съ подписавшихся необходимо; саг что дѣлать съ именами?? подписчиковъ, коли они во время за полученіемъ не явятся; объявить же, что, кромѣ числа требуемыхъ по подписямъ экземпляровъ, не напечатается *ни одного*, мнѣ весьма хочется: я желаю знать mon monde, а слово свое непремѣнно сдержу; коли успѣхъ будетъ, можно послѣ и второе изданіе затѣять, а покуда не хочу, чтобъ мои сочиненія валялись въ книжныхъ лавкахъ и чтобъ ихъ les curieux сравнивали кто съ романтиками, кто съ Булгаринымъ, кто съ Хвостовымъ.—Конецъ пунктамъ и дѣламъ. Вы спрашиваете серьезно: *не напишите ли Вы чего новаго для Сомова?*—Почтеннѣйшій! развѣ я эдакъ пишу когда-нибудь? развѣ эдакъ можно что-нибудь путное написать? надобно преждѣ всего, что бы пришла въ голову щастливая мысль, чтобы явилось поэтическое содержанье, чтобъ было о чемъ писать, или говорить, или пѣть (какъ угодно, такъ и назовите дѣло стихотворенія), а тамъ уже послѣдуетъ исполненіе, и за то сначала ручаться не льзя. Теперь же у меня препринятаго ничего нѣтъ, вер-

тится иногда и то, и другое, но не оставляетъ слѣда; хотѣлъ я было написать нѣкоего *Колдуна*, но романтики наши, и съ Бейрономъ, и съ Мицкевичемъ, мнѣ до того опротивѣли, что мысль—сдѣлаться самому, хоть нѣсколько по необходимости, на нихъ похожимъ, для меня нестерпима. Смерть Грибоѣдова[1]) можетъ маловѣрнаго поколебать: нѣтъ ли, молъ, провидѣнія? только... О Донъ Карлосѣ[2]) я читалъ въ Сѣверной пчелѣ, отрывки же изъ него въ Сѣв. цв., его хвалятъ точь въ точь, какъ (помните ли) Венцеслава; а пьэса еще несравненно хуже, что видно изъ самаго изложенія хода ея въ той же *пчелѣ*; Ромео и Юлія, игранная, похвалъ не удостоилась, за то превозносятъ другой работы печатный отрывокъ въ цвѣтахъ[3]) (NB. чей онъ?), въ коемъ ни смыслу, ниже мѣры стиховъ порядочной нѣтъ; они нынче пустились на волю Божію: въ Жуковскаго нѣмецкой Иліадѣ[4]) я нашелъ экзаметръ, а въ балладѣ Подолинскаго[5]), помѣщенной въ Невскомъ Альманахѣ[6]), стиховъ до шести такъ и сякъ не одной мѣры съ прочими. Какъ любопытны три мѣлкія стихотворенія Кюхельбекера (въ цвѣтахъ), написанныя имъ, кажется, въ крѣпости[7])! Какая у этаго нещастнаго молодого человѣка чистая однако жъ душа! мнѣ коли сгрустнулось, какъ я ихъ прочелъ. О Женитьбѣ Фигаро[8]) увѣдомьте: кто и какъ игралъ;

---

[1]) Грибоѣдовъ былъ убитъ въ Тегеранѣ 30 января 1829 г.

[2]) „Донъ-Карлосъ, Инфантъ Испанскій“, трагедія въ 5 д. въ стихахъ, соч. Шиллера, перев. П. Г. Ободовскаго, представл. въ пользу актера В. А. Каратыгина 4-го февраля 1829 г. Отрывокъ изъ этой траг. былъ напечат. въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1829 г., стр. 156—163. Хвалебная реценэія въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1829 г. № 18.

[3]) „Ромео и Юлія“ представл. на Большомъ театрѣ, въ бенефисъ А. М. Каратыгиной, 11-го февр. 1829 г. Отрывокъ изъ другого перевода этой трагедіи напечат. въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1829 г. (стр. 194—207), безъ имени переводчика (принадлежитъ Плетневу), см. письмо В. А. Каратыгина къ Катенину отъ 25 мая 1829 г.—Русскій Архивъ 1871 г. т. I (стр. 0241—0243).

[4]) Отрывки изъ „Иліады“ напеч. въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1829 г. „Переводчикъ“, по словамъ самого Жуковскаго, „не знавшій по-гречески, старался только угадывать Гомера, имѣя предъ глазами нѣмецкій переводъ Иліады—Фоссовъ и Штольберговъ“.

[5]) Андрей Ивановичъ Подолинскій, поэтъ, р. 1806 г., ум. 1886 г.

[6]) Вѣроятно, „Предвѣщаніе“ (Невскій Альманахъ на 1829 г. стр. 110).

[7]) Въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1829 г. напечатаны 3 стихотв.: „Ночь“, „Луна“ и „Смерть“, подписанныя буквою К.

[8]) „Свадьба Фигаро“, ком. Бомарше, въ перев. Д. Н. Баркова была представл. 18-го февр. 1829 г. „Свадьба Фигаро, въ новомъ и прекрасномъ переводѣ Баркова“, пишетъ А. П. Вольфъ въ своей „Хроникѣ Петербургскихъ театровъ“, сдѣлалась модною пьесою сезона (1828—1829 г.), конечно благодаря великолѣпному исполненію: Сосницкій—Фигаро, Сосницкая—Су-

я вѣдь все имѣю слабость принимать участіе въ ходѣ русскаго театра, хотя и онъ, какъ видно, вслѣдъ за прочими отраслями нашей словесности весьма клонится къ упадку; романтизмъ, тоесть наглое съ невѣжествомъ безуміе и тамъ ходитъ le front levé [1]). Господи помилуй! да скоро ли они перебѣсятся? — Прощайте, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, рука крайне устала отъ писанья, что и примѣтно; только совѣстно какъ-то прекратить разговоръ, пока продолжать можно.

Весь Вашъ
Павелъ Катенинъ.

P. S. Пришлите свой адресъ.

46.

7-го апрѣля 1829 г.

Каратыгинъ пишетъ ко мнѣ кое-что объ изданіи, и я въ отвѣтѣ убѣждаю его объ этомъ серіозно подумать, еще жъ, на просьбу его о стихахъ моихъ къ Пушкину, отвѣчаю, чтобъ онъ взялъ ихъ у Васъ и, коли хочетъ, списалъ, en consequence я бы очень желалъ, чтобы Вы съ нимъ свидѣлись и, буде можно, о моемъ дѣлѣ сговорились. Еще пишетъ онъ, что Чебышовъ имѣлъ стычку съ Гречемъ, по случаю Елегіи, что Гречъ кричитъ, яко бы я хотѣлъ ею подбить его, изъ чего ясно, что онъ, мошенникъ, своимъ крикомъ теперь на меня доноситъ и, какъ гусь капитольскій, будитъ стражу. Лучшее, по моему, средство зажать ему ротъ: имянно безо всякихъ перемѣнъ, ибо я ни въ чемъ не грѣшенъ, издать ее въ сѣв. цв., буде издатели примутъ ее на предложенномъ условіи: почитать и признавать хорошимъ стихотвореніемъ; буде нѣтъ, найдемъ, гдѣ индѣ напечатать; цензура пропустила, и никто посторонній не имѣетъ права принимать des vessies pour des lanternes [2]). Прилагаю здѣсь переводъ 4-го хора Гоѳоліи [3]), Жандръ перевелъ только 3. Не отдавайте его никуда, а показывать воля Ваша; на той страницѣ нѣсколько поправокъ для Ѳераменова разказа: потрудитесь ихъ въ

санна, Валберхова—графиня, Шелехова—Керубино, Рязанцевъ — Антоніо, Каратыгинъ I игралъ графа, но онъ былъ слишкомъ угрюмъ и трагиченъ, и не довольно ловокъ, однимъ словомъ, Альмавива вышелъ похожимъ на Гамлета“ (ч. I, 18) Ср. Сынъ Отечества 1829 г. ч. CXXIV, 348—358, 444—445.

[1]) „Съ поднятымъ челомъ“.

[2]) „Бѣлое за черное“.

[3]) Соч. Катенина II, 82—84. Изъ этой же трагедіи Катенинъ перевелъ еще 1-ое явленіе (ibidem, 72) и Сонъ Гоѳоліи (первоначально „Вѣстникъ Европы“ 1815 г. № 21), ibidem, 79.

своемъ спискѣ вмѣстить, car il faut le corriger [1]). Стихи 20-й и 21-й.

Рогами острыми грозитъ его чело;
Все тѣло чешуей златистой обросло; —
46-й
Зритъ: колесница вся врознь сыплется кусками
60-й и 61-й
По камнямъ кровь течетъ, вдоль терновыхъ кустовъ
Виситъ кровавая корысть его власовъ.

Будьте здоровы, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, и увѣдомьте меня о свиданіи Вашемъ съ Пушкинымъ: коли захочетъ, онъ можетъ быть весьма полезенъ. Да хоть слово о женитьбѣ Фигаро и Д. Карлосѣ. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

47.

22 апрѣля 1829 г. Шаево.

Черезъ недѣлю, вѣроятно, получите Вы, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, двѣ небольшія рукописи: первое явленіе Расиновой Гоѳоліи и третью пѣснь Дантова Ада [2]), мною недавно переведенныя. Чтобъ не переписывать лишній разъ, я ихъ отсюда отправилъ къ Голицыну, который прочтетъ и тотчасъ отправитъ къ Вамъ; только знайте, что, за незнаніемъ, гдѣ Вы живете, мы все принуждены надписывать: на квартиру Татаринова. Повторять всегдашнюю мою просьбу о сказаніи мнѣ подробно Вашего мнѣнія обо всемъ, что я къ Вамъ новаго посылаю, кажется лишнее: cela va sans dire [3]). Но постарайтесь узнать (коли можно) о комъ думалъ Данте въ стихахъ:

Poscia ch'io v'ebbi alcun riconosciuto,
Guardai, e vidi l'ombra di colui,
Che fece der viltate il gran rifiuto.
Incontanente intesi, e certo fui,
Che quest'era la setta de'cattivi,
A Dio spiacenti ed a'nemici sui [4]).

---

[1]) „Ибо его нужно исправить".

[2]) Три пѣсни изъ „Ада" Данте.—Соч. Катенина II, 93—108. Перев. „Уголино" изъ 33-ей пѣсни былъ напечатанъ въ „Сынѣ Отечества" 1816 г. № 9 (Соч. Катенина, II, 108—III),

[3]) „Это само собой разумѣется".

[4]) „Послѣ того, какъ я узналъ тамъ нѣкоторыхъ, я увидѣлъ тѣнь того, который изъ низости сдѣлалъ великій отказъ. Тотчасъ же я понялъ и удо-

Мнѣ показалось, что слова il gran rifiuto должны означать нѣчто всѣмъ извѣстное, религіозное и даже евангельское, и потому я перевелъ это на Пилата Понтійскаго; Вы увидите, что все что *до* и *по*, весьма удобно можно къ оному Пилату отнести; но я могу и ошибиться, а въ переводѣ Данте ошибаться не должно [1]). Перевести же глухо есть другое затрудненіе, и Гречи etc. могутъ выдумать намеки несравненно для меня опаснѣе. Если Вы издадите мои стихотворенія, почтеннѣйшій, чего я крайне желаю, моя просьба написать къ нимъ не одно предисловіе, а два, тоесть къ собственнымъ произведеніямъ моимъ одно, а къ переводамъ другое. Тогда Вамъ ловче будетъ въ послѣднемъ сказать, что нужно о тѣхъ важнѣйшихъ моихъ переводахъ, которые въ составъ издаваемой книги не войдутъ, тоесть о четырехъ трагедіяхъ моихъ: Аріадна, Есѳирь, Сидъ и Баязетъ [2]). Каждое предисловіе въ особенности будетъ не такъ длинно, и множество разныхъ предметовъ не станутъ другъ друга въ зашей толкать. Третью пѣснь Ада я рѣшился для того сдѣлать, что въ первыхъ двухъ еще приготовленія, а здѣсь ужъ онъ вышелъ, и потому всѣ три состовляютъ родъ цѣлаго; Аріадну я вскорѣ, исправленную, пошлю къ Каратыгинымъ, и Вы ее можете изъ любопытства просмотрѣть; также покажите имъ сцену изъ Гоѳоліи. Прощайте, почтеннѣйшій, да не забывайте меня ради Бога. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

P. S. Сдѣлайте одолженіе, купите у Смирдина четыре пѣсни Иліады, переведенныя Гнѣдичемъ александринами [3]), отдайте оныя вкупѣ въ переплетъ и пришлите по почтѣ, сколько можно въ скорости, а что будетъ стоить, я какъ разъ заплачу.

стовѣрился, что это была секта жалкихъ (людей), которая одинаково не нравится Богу и его врагамъ".

[1]) Впослѣдствіи Катенинъ перевелъ это мѣсто такъ:

„И нѣкихъ я въ лице узналъ потомъ:
Здѣсь юноша, отъ вѣчной жизни рая
Отшедый вспять чтобъ жить съ земнымъ добромъ.
Тутъ я постигъ, что смѣсь то не благая
Тѣхъ, конхъ Богъ не терпитъ изкони,
Ни злыхъ духовъ дружина проклятая (соч. II, 105).

[2]) Катенинъ перевелъ „Баязета" въ 1826 г. Въ 1827 г. появился въ печати переводъ Олина той же трагедіи. См. „Сынъ Отечества" 1827 г. ч. 113 № 10 стр. 164—182.

[3]) Гнѣдичъ перевелъ александрійскимъ стихомъ 7, 8, 9, 10 и часть 11-ой пѣсни Иліады (1809—1812).

48.

28 апрѣля 1829 г. Шаево.

Въ ожиданіи почты, которая, за разпутицей, еще не пришла, хотя бы еще третьяго дни ей прійти надлежало, хочется мнѣ потолковать съ Вами, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, объ отвѣтѣ Вашемъ Полевому, напечатанномъ въ Атенеѣ; я его разъ десять перечиталъ и увѣрился, что онъ отмѣнно хорошъ; не диво, коли Полевой замолкъ, ибо ему точно нечего сказать; Вы вездѣ неоспоримо доказали правду, сказаннаго преждѣ въ книгѣ Бальби; имъ же глупцомъ выставленные Пнинъ [1]), Подшиваловъ [2]) и *другіе* явно свидѣтельствуютъ противъ его мнѣнія, а иронія Ваша на счетъ Карамзина Софіи [3]) приводитъ меня въ восторгъ. Жаль только, что французкія выписки, которыхъ много, въ низу страницы не переведены на русскій языкъ, чтобы безъ изключенія всякой понималъ; онѣ же напечатаны въ Атенеѣ со множествомъ несносныхъ ошибокъ. Голицынъ доносилъ на Васъ неправильно, ибо сія выписка: on lui a reproché avec justice de negliger sa versification, служитъ даже къ показанію безпристрастія сотрудника Бальби и заключаетъ въ себѣ мнѣніе онаго, а не новаго русскаго защитника его статьи; сей Г. М. И. рѣшился отдать мнѣ справедливость съ большою простотою, и я, въ особенности, благодаренъ ему за *замашку древнихъ* [4]),

---

[1]) Иванъ Петровичъ Пнинъ (побочный сынъ князя Петра Ивановича Репнина) р. 1773, ум. 1805 г. принадл. къ числу просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени; въ своихъ стихотвореніяхъ, появлявшихся въ повременныхъ изданіяхъ, въ издаваемомъ имъ, вмѣстѣ съ А. О. Бестужевымъ (отцомъ декабристовъ), „Петербургскомъ журналѣ“, а также и въ своемъ „Опытѣ о просвѣщеніи относительно Россіи“ (1804), Пнинъ проводитъ либеральныя гуманныя идеи. По литературнымъ убѣжденіямъ, онъ примыкалъ къ кружку Карамзина.

[2]) Василій Сергѣевичъ Подшиваловъ р. 1765, ум. 1813 г., ревностный послѣдователь Карамзина, сотрудничалъ въ „Московскомъ Журналѣ“ (1791—92), редактировалъ въ 1792—93 г.г. „Чтенія для вкуса, разума и чувствованій“, въ 1794 г. издавалъ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“.

[3]) „Атеней“ ч. III № 12 стр. 404. „Софья“, драматическій этюдъ Карамзина, напечатанный въ „Московскомъ Журналѣ“ 1791 г.

[4]) Въ 4-мъ письмѣ къ Булгарину (Атеней 1828 ч. V № 17 стр. 62—76) М. И. (Бахтинъ) воспользовался случаемъ возразить автору „Обозрѣнія русской словесности за 1827 г.“ (въ 1-ой книжкѣ „Московскаго Вѣстника“ 1828), нападавшему на „Андромаху“ Катенина и усмотрѣвшему въ ней „замашку древнихъ“. „Долго ли намъ себя обманывать“, замѣчаетъ М. И. воображая, что подражанія классикамъ есть слабое подражаніе, а подражаніе романтикамъ—полетъ творческаго генія? Что же сказать о *замашкѣ*

но онъ же М. И. строгій судья, видитъ и показываетъ недостатки моей Андромахи, *особливо въ слогѣ*: онъ совершенно правъ, говоря *положительно*; стихи Андромахи точно не доведены до той чистоты, которая восхищаетъ въ Расинѣ; я самъ въ переводахъ, où je n'avais que les vers à faire [1]) и гдѣ безпрестанное сличеніе съ подлинникомъ подстрекаетъ и поддерживаетъ, достигнулъ на ступень выше; но самъ я себѣ не совмѣстникъ, а Расинъ не нашъ братъ; и по сему почтенный М. И. не совершенно правъ, говоря *сравнительно*; ибо, если въ слогѣ Андромахи онъ видитъ недостатки, то долженъ видѣть ихъ и въ другихъ оригинальныхъ и переводныхъ нашихъ трагедіяхъ и также показывать, дабы не подумали и не заключили изъ его словъ, что эта трагедія написана хуже своихъ сестеръ. Изъ сихъ родныхъ и двоюродныхъ, славятся въ особенности les demoiselles Ozerow [2]), а меньшая изъ нихъ сверьхъ того родомъ изъ Трои [3]); въ переводахъ препрославлена Лобанова Ифигенія [4]), того же лѣсу ягода; ог [5]), со всевозможнымъ тщаніемъ пересмотрѣвъ стихосложеніе Андромахи, Поликсены и Ифигеніи, оказалось, что Андромаха est la moins mal écrite des trois [6]). Мы чувствуемъ, что можемъ ошибаться и потому крайне желаемъ знать мнѣніе Г-на М. И. Еще забылъ Вамъ спасибо сказать за прибавленіе къ § О Шаховскомъ, что теперь жалѣть надо о томъ времени, какъ онъ поддерживалъ театръ. Я трепещу отъ гнѣва, когда воображаю, что тамъ теперь дѣлается: прошла пора Коцебятины [7]),

---

древнихъ? Забывая непристойность выраженія, я скажу только, что *замашка* эта дѣйствительно видна во всей трагедіи Катенина, особенно въ характерѣ Андромахи и въ пятомъ дѣйствіи. *Замашка* эта, если не ошибаюсь, состоитъ въ простотѣ изображенія, въ естественности выраженій, въ силѣ чувствъ, въ полнотѣ цѣлаго, въ согласіи частей; *замашка* эта есть главнѣйшее достоинство всѣхъ произведеній Катенина, наиболѣе жъ *Софокла*, *Мстислава Мстиславича*, *Міра поэта* и послѣдняго его стихотворенія *Ахиллъ и Омиръ*. Смѣло можно сказать, что еще ни единъ Русскій стихотворецъ не передалъ намъ такъ хорошо *замашки* творца Одиссеи и Иліады, какъ Катенинъ въ пѣснѣ Омира".

[1]) „Гдѣ мнѣ оставалось только заняться стихами".

[2]) Трагедіи Озерова.

[3]) Поликсена (1809).

[4]) „Ифигенія въ Авлидѣ", траг. Расина, пер. М. Лобанова. Спб. 1815 г.

[5]) „И такъ".

[6]) „Изъ трехъ менѣе худо написана".

[7]) Слово „Коцебятина" вошло въ употребленіе съ легкой руки кн. Дм. Петр. Горчакова (1756—1824).

„Одинъ лишь Сынъ Любви здѣсь трогаетъ сердца!
„Гусситы", „Попугай" предпочтены „Соренѣ"
„И Коцебятина одна теперь на сценѣ".
(Изъ посланія къ кн. С. И. Долгорукову).

такъ взялись за Шиллерщину; но 25 лѣтъ тому назадъ репертуаръ нашъ былъ точно бѣденъ, и, по неволѣ, всему новому радовались, а теперь чему дивятся въ уродливыхъ произведеніяхъ недозрѣлаго Шиллера? я даже бранюсь съ Каратыгиными: какъ де Вамъ не стыдно выводить это все на показъ и участвовать въ осквернении русской сцены? съ какого права наши критики повадились выдавать Донъ-Карлоса, Орлеанскую Дѣву, Манфреда и т. п. за какіе-то chefs d'oeuvre. Какъ! всякая пьеса, лишь бы она была на романтическій покрой, уже и безподобна! и что за сужденіе о твореніяхъ искуства по наружной формѣ? десять лѣтъ тому назадъ привязались бы къ малѣйшему отступленію отъ французкихъ правилъ, а нынѣче соблюденіе ихъ ставится въ порокъ! оставя уже долгій споръ о томъ: которыя формы лучше, развѣ во всѣхъ равно не можетъ быть вѣщей прекрасныхъ, посредственныхъ и плохихъ? не пора ли унять все это безуміе? знаете ли чѣмъ торжество спокойное романтиковъ всего вреднѣе? тѣмъ, что ихъ эпоха также вся вымретъ и сдѣлается въ исторіи нашей словесности новая дыра. Еще спасибо Вамъ за Вяземскаго, коему Вы паки изволили дать раза sur les doigts [1]); но (признаться ли?) мнѣ жаль стало Ѳ. Глинки [2]): надо Вамъ сказать, что онъ весьма хвалилъ моего Ахилла и Омира, стало мой долгъ ему быть благодарнымъ. Сверьхъ того онъ не совсѣмъ романтикъ, стало политика велитъ щадить его: не смѣшно ли Вамъ, что я толкую о политикѣ? Г-нъ антикварій! просвѣтите мое невѣжество: въ которомъ году Тредьяковскій издалъ Телемахиду? мое изданіе in. 4 1766-го года [3]); только первое ли оно? въ предъизъясненіи своемъ онъ тутъ строгій славенофилъ, горой стоитъ за экзаметръ и, кромѣ небольшихъ ошибокъ въ просодіи сего размѣра, весьма извинительныхъ въ человѣкѣ, пролагающемъ новый путь, онъ хорошо понялъ его употребленіе и достоинство; онъ пишетъ греческія имена, какъ должно, et qui plus est [4]), у него въ сей осмѣянной поэмѣ не мало хорошихъ и даже прекрасныхъ стиховъ. Послѣ ее что ли ударился онъ въ нѣжности? или, послѣ нѣжностей, обдумавшись, рѣшился снова быть рѣчеточцемъ? Какъ досадно, что у насъ почти нигдѣ ничего не написало о жизни и трудахъ нашихъ литераторовъ? куда, напримѣръ, Гречевы статьи скудны не только въ критическомъ, но и въ біографическомъ отношеніи! Есть

---

[1]) „По пальцамъ“.

[2]) Ѳедоръ Николаевичъ Глинка р. въ 1788 г., ум. въ 1880 г.

[3]) Телемахида вышла въ свѣтъ въ 1766 г.

[4]) „И что еще важнѣе“.

человѣкъ, который бы могъ сдѣлаться русскимъ Ginguené, но не знаю, рѣшается ли онъ трудиться, а покуда кланяюсь ему

Павелъ Катенинъ.

49.

27 мая 1829 г. Шаево.

Что съ Вами сдѣлалось, любезнѣйшій Николай Ивановичъ? отъ чего Вы такъ давно не пишите ко мнѣ? съ каждой почтой жду вѣсти, и ни одна ничего не привозитъ. Я между тѣмъ томлюсь въ ожиданіи и не знаю, чѣмъ кончилась исторія Елегіи. Отъ Сомова получилъ я сперва изданный имъ Подснѣжникъ [1]), а потомъ и письмо, на которое при семъ отвѣчаю; онъ увѣряетъ меня въ совершенной перемѣнѣ мыслей на счетъ моего стихотворнаго дарованія, отрекается отъ Булгарина, яко отъ Сатаны, хвалитъ меня на чемъ свѣтъ стоитъ; но, къ горю моему, онъ еще не видѣлъ ни Васъ, ни моей Елегіи. Я, со своей стороны, его за все сіе благодарю, прибавляя надѣжду, что онъ не станетъ скрывать свѣта истинны подъ спудомъ; а случай де готовъ, ибо въ нынѣшнемъ году напечатаются мои стихотворенія. Въ самомъ дѣлѣ, почтенный Николай Ивановичъ, переговорите ко съ нимъ на этотъ счетъ; онъ, какъ журналистъ и альманахистъ, знаетъ всѣ тонкости подобныхъ дѣлъ и, коли захочетъ, можетъ много изданію пользы принести. Что жъ касается до намѣренія моего нынѣче напечатать мои стихи, оно непреложно такъ даже, что я до тѣхъ поръ, пока это лѣло не кончится, пера въ руки не возьму и ни одной строчки стиховой не напишу. Въ самомъ дѣлѣ во всякомъ трудѣ должны быть необходимо промежутки отдохновенія; надо иногда остановиться, оглянуться, обдуматься, вслушаться въ рѣчи постороннихъ, сообразить все на досугѣ и тогда уже снова приниматься за работу, либо отстать отъ нея навсегда. Чувствую, что нахожусь теперь точно въ такомъ положеніи и полагаю изданіе теперь непремѣнно нужнымъ. Увѣдомьте жъ Христа ради, какъ Вы разпологаете къ нему приступить, когда прислать къ Вамъ издаваемое, и какъ откроется подписка; я бы думалъ на листахъ о десяти нумерахъ каждый, ихъ бы можно разобрать по рукамъ, раздать, разослать, и дѣло бы разомъ пошло. Но что я говорю! Вы молчите да и только. Прочелъ я В. Скотта жизнь Наполеона: какая дурная книга [2])! прочелъ

---

[1]) „Подснѣжникъ“ альманахъ, издав. Е. Аладьинымъ и Дельвигомъ въ Спб. въ 1829—30 г.

[2]) The Life of Napoleon Bonaparte, Emperor of the French with preliminary View of the French Revolution 6vols. Edinburgh 1827. Тогда же вышелъ въ Парижѣ и французскій переводъ. Русскій перев. появился въ 1831 и

Вронченки переводъ Гамлета Шекспирова: врядъ ли онъ кого приманитъ; прочелъ Подолинскаго романтическую поэму *Борскій* [1]): глупость пошлая; прочелъ и Пушкина *Полтаву*: вѣщь не безъ достоинства, но лучшія мѣста не свои; тутъ и Данте, и Гёте, и Байронъ, и Петровъ, и Вашъ покорный слуга mis à contribution [2]). Говорятъ, Булгаринъ ее не хвалитъ: что бы это значило? Цензура нынѣче, какъ видно, предобрая. Въ Подснѣжникѣ помѣщены сцены изъ Кюхельбекера драматической поэмы: *Ижорскій* [3]); въ одной является Бука, въ видѣ обезъяны на престолѣ, въ порфирѣ и съ пукомъ розогъ; и послѣ этого бездѣльникъ Гречъ смѣетъ пугаться за Александра Македонскаго [4]), но еще разъ повторяю отъ сокрушеннаго сердца: Вы молчите, Вы томите меня своимъ молчаніемъ, Вы забыли обо мнѣ, je me meurs или, какъ Толченовъ [5]) на разнѣвъ: я у-ми-ра-ю. Батюшка! чуть не забылъ: поскорѣе купите и пришлите (broché) 12-й томъ исторіи Карамзина [6]): деньги вмигъ пришлю, какъ получу, а теперь боюсь, что письмо залежится, ибо Вы все адреса своего не прислали. Прощайте. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

50.

7 іюля 1829. Шаево.

Какъ жаль, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что Вы больны! это меня совсѣмъ печалитъ, и я теперь ничего такъ сильно не желаю, какъ Вашего выздоровленія; за врачами и лѣкарствами въ Петербургѣ дѣло не станетъ, только врядъ ли они имѣютъ способность

1832. 14 т. (Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора Французовъ, соч. Сира Вальтера Скотта перев. съ англійскаго. С. Я. Шаплетъ).

[1]) „Борскій", вторая поэма А. И. Подолинскаго, вышла въ 1829 г. (Первая поэма — „Дивъ и Пери" — 1827 г.). Дельвигъ писалъ въ началѣ 1829 г. Баратынскому: „Борскому" подъ стать вышелъ „Выжигинъ". Пошлая и скучная книга, которая лѣтъ черезъ пять присоединится къ разряду твореній Ельника".

[2]) „Использованы".

[3]) Три сцены изъ драматической поэмы „Ижорскій" („Подснѣжникъ" на 1829 г. стр. 90—115).

[4]) Гречъ, повидимому, усмотрѣлъ въ этомъ стихотвореніи намеки на Александра I и на высылку самого Катенина изъ Петербурга. Присутствіе автобіографическаго элемента въ „Элегіи" подтвердилъ отчасти и самъ Катенинъ въ письмѣ къ Пушкину отъ 4 янв. 1835 г. (Бумаги Пушкина, вып. I. М. 1881).

[5]) Павелъ Ивановичъ Толченовъ, трагическій актеръ, р. 1768, ум. въ 40-хъ годахъ.

[6]) Въ 1829 г. вышелъ XII томъ „Исторіи Государства Россійскаго" Карамзина, изд. подъ редакціею Д. Н. Блудова и К. С. Сербиновича.

изцѣлять. Пока это первое дѣло хорошо не кончится, я не на намѣренъ Васъ никакимъ другимъ затруднять, стало и стихотворенія мои пришлю уже послѣ, когда Вы меня извѣстите, что лихорадка прошла: не оставьте только меня увѣдомлѣніями о себѣ; я прошу хоть по нѣскольку строчекъ, коли длинное письмо не подъ силу. Тогда, вмѣстѣ со стихами, пришлю и не малое количество прозы, составляющее первую livraison предпринятаго мной еще до отъѣзда изъ Петербурга сочиненія объ эстетикѣ вообще и поэзіи мнѣ извѣстныхъ народовъ; я далъ ему довольно простое названіе: *Размышленія и Разборы.* На бѣло готово пять отдѣленій: 1-е объ изящныхъ искуствахъ, 2-е о поэзіи вообще, 3-е о поэзіи еврейской, 4-е о поэзіи греческой, 5-е о поэзіи латинской; вся древность, какъ Вы видите, пройдена, и я столько старался быть краткимъ, что все сіе помѣщается на 48 страницахъ, въ обыкновенный листъ; а съумѣлъ ли я, въ немногихъ словахъ, сказать, что надобно, объ этомъ Вы посудите, какъ прочтете. На черно есть и 6-е отдѣленіе: о поэзіи новой съ начала, 7-е о поэзіи италіанской я занимаюсь теперь, 8-е будетъ объ испанской и португальской, и всѣ три составятъ вторую livraison; третья будетъ о французахъ, четвертая объ англичанахъ и нѣмцахъ; о Русскихъ мнѣ, какъ стихотворцу de profession, говорить неловко и неприлично. Симъ сочиненіемъ намѣренъ я тщательно заняться, покуда даю отдыхъ упражненіямъ стиховнымъ. Отъ Сомова получилъ еще письмо на сей почтѣ съ благодарностями за Елегію, цензурой пропущенною и съ изъявленіями, что онъ ждетъ *случая* напечатанія моихъ твореній: право, воспользуйтесь-ко, почтеннѣйшій, его теперешнимъ разположеніемъ ко мнѣ. Не въ его ли Альманахѣ (а онъ все проситъ) помѣстить *Размышленія и Разборы*? [1]) Многое въ нихъ, вѣроятно, не по мысли ему придется, но это все равно; и его надо даже обязать подпискою, чтобъ онъ не дѣлалъ на страницахъ анотацій, тоесть не перебивалъ рѣчи; а послѣ особо можетъ онъ, хоть втрое длиннѣе, писать опроверженіе, я даже радъ буду. Я нынѣче къ нему прямо пошлю отвѣтъ и обо всемъ вышеписанномъ намекну, не давая, однако, вѣрнаго слова, ибо сперва жду Вашего совѣта; но, кажется, въ журналъ статья длинна, а изъ альманаховъ сѣв. цв. всѣхъ болѣе въ модѣ и разходѣ. Главное будьте здоровы, я самъ недавно хворалъ и знаю, каково это. Прощайте, милый Николай Ивановичъ, и дайте вѣсть. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

---

[1]) Статьи Катенина были напечатаны въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г.

51

27-го іюля 1829. Шаево.

Давно не получая извѣстія отъ Васъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и, зная изъ послѣдняго письма, что Вы больны были, не могу удержаться, чтобъ не писать и не спросить, здоровы ли Вы теперь? Справедлива пословица, что пуганная ворона куста боится; цѣлое утро Вы и Ваша лихорадка вертитесь у меня въ головѣ, а причина тому письмо, полученное мною на этой почтѣ отъ Алексѣя Петровича Скуратова, съ горестнымъ, тяжкимъ извѣстіемъ о смерти его старшаго брата и моего искренняго друга, Павла Петровича, кому я посвятилъ свою Андромаху. Нѣтъ силъ и нѣтъ словъ выразить Вамъ, каково мнѣ отъ такой нечаянной вѣсти, голова моя не на мѣстѣ, и сердцу такъ тошно, что словно какъ бы самому смерть пришла. Сдѣлайте одолженіе, почтеннѣйшій, увѣдомьте хотя о себѣ поскорѣе и для меня поотраднѣе, а то я и отъ жестокой правды и отъ мучительнаго воображенія совсѣмъ измучусь. Самъ я продолжаю поправляться, такъ даже что съ недѣлю тому принялся снова за любимое мое тѣлодвиженіе, за верховую ѣзду; черезъ день сажусь въ ванну и хоть совершенно изцѣлиться не надѣюсь, но, что называется, плетусь; только къ чему и жить, коли тѣ, кого любишь, умираютъ? я человѣкъ холостой, бездѣтный и принужденный по обстоятельствамъ жить въ безлюдной пустынѣ; тѣмъ покуда и жизнь красна, что думаешь: есть еще кое-гдѣ нѣсколько человѣкъ, которые меня также любятъ, какъ я ихъ, что то они теперь дѣлаютъ, говорятъ, думаютъ? а какъ окажется вдругъ недочетъ въ одномъ, хуже и больнѣе нежели бы руки или глаза не стало. Еще разъ: напишите мнѣ о своемъ здоровьи, и буде оно (какъ я надѣюсь) поправляется, не оставляйте меня по долгу въ невѣденьи и сомнѣніи: оно иногда бываетъ безъ прибавки мучительно. Прощайте, любезный Николай Ивановичъ, будьте здоровы. Пишите. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

P. S. Лѣто стоитъ ужасное; каждый день гроза, молнія, громъ, дождь и градъ; кое-гдѣ хлѣбъ, поспѣвающій, выбило, а въ Чухломской округѣ одна деревня моя вся отъ молніи сгорѣла. Ахъ! какъ грустно! ахъ! какая дрянь вся жизнь человѣческая! ахъ! какъ мы глупы, что привязаны къ ней! ахъ! какъ жаль, что никакимъ оханьемъ и ничѣмъ ничему пособить нельзя!

52.

12-го августа 1829 г. Шаево.

На силу, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, дождался я отъ Васъ письма утѣшнаго на счетъ лихорадки, которая меня уже давно пугала, а того болѣе, когда смутила меня горестная вѣсть, въ прошедшемъ письмѣ къ Вамъ сообщенная. Она теперь также меня печалитъ и, можетъ быть, что дальше, то больше; но одна рѣчь не пословица и, чтобъ о другомъ завесть разговоръ, обращаюсь къ замѣчаніямъ Вашимъ на переводъ второй и третьей пѣсни Ада:

Я ни Эней, ни Павелъ, и въ себѣ
Не зрю одинъ достоинства чрезъ мѣру [1]).

Легко мнѣ ошибаться, но я тутъ не вижу *меньшей* скромности, чѣмъ въ подлинникѣ, развѣ бо́льшую: *я не думаю про себя одинъ, что я чудо*, заключаетъ въ себѣ уже ту мысль, что прочіе и подавно этого не думаютъ, а я не такъ глупъ, чтобы *одинъ* мечталъ о себѣ невѣсть что. Перемѣнить *зрю* на *чту* легко; но лучше ли будетъ? оба глагола равно къ разговорному языку не принадлежатъ, и имъ однимъ переводить Данте не льзя и не должно; надо его искусно только смѣшивать съ книжнымъ и высокимъ, избѣгая скачковъ; *не зрю* мнѣ кажется здѣсь живѣе, нежели *не чту*, или *не мню*. Можно сдѣлать еще такъ: Я ни Эней, ни Павелъ, и въ себѣ *не вижу самъ* достоинства чрезъ мѣру; но пропадетъ *одинъ*, право весьма скромный и дѣльный. Я не упорствую, а разсуждаю, ищу, прошу совѣта, объясненія, убѣжденія и тогда съ удовольствіемъ поправлю. Если *не вижу самъ* покажется Вамъ, по сличенію, лучше, нежели *не зрю одинъ*, пожалуй: *не вижу самъ* [2]), je le veux bien [3]).

Такъ послѣ думъ въ ущельи мрачномъ томъ и пр. [4]).

Въ глухой степи преткнутъ въ пути своемъ *и пр.* [5]). Ваше топографическое изслѣдованіе важно, и я постараюсь Васъ удовлетворить. Въ началѣ заблуждался Данте in una selva oscura, selvaggia ed aspra e forte, въ переводѣ: въ лѣсу *густомъ*, *дикомъ*, гдѣ дорога cosa dura, по-русски: трудна и опасна. Выбрался онъ оттолѣ къ *холму* un colle, гдѣ si terminava quella valle, гдѣ сей *юдоли конецъ*; онъ началъ взходить, ed ecco quasi al cominciar

---

[1]) Пѣсня 2-ая „Ада“, ст. 32—33.

[2]) 33-ій ст. 2-ой пѣсни; въ соч. Катенина II, 99 читается такъ:

Не зрю и самъ достоинства чрезъ мѣру.

[3]) „Такъ, я хочу“.

[4]) Ст. 40-ой 2-ой пѣсни.

[5]) II-я пѣсня, стихъ 62-ой.

dell'erta, *и вотъ почти въ началѣ подъ горою* встрѣтились ему звѣри; изпуганный волкомъ и, отступая съ изпуга безъ оглядки, онъ уже rovinava, падалъ in basso loco, *въ тѣсную стремнину* dove'l sol tace, *гдѣ солнца лучь не свѣтитъ*. Но появился Виргилій и, увидѣвъ его nel gran diserto, *въ степи пустой отъ вѣкъ*, Данте ободрился. NB. Тутъ уже не лѣсъ, лѣсъ остался позади, а пустое мѣсто, степь, при подъемѣ отъ *юдоли*, la valle, а на *холмъ*, il colle. Въ этомъ опасномъ мѣстѣ, до прихода Виргиліева, усмотрѣла его небесная жена и называетъ его *diserta piaggia*, въ переводѣ; *глухая степь*; Виргилій и берется вывесть его d'esto luogo selvaggio, *изъ сей пустыни дикой*. Пошли они уже не на холмъ, а *другимъ путемъ*, per altro viaggio, ко двѣрямъ ада; сей путь ведетъ чрезъ una costa oscura, чрезъ *мрачное ущелье*. NB. Это совсѣмъ уже другое мѣсто; Ахеронъ течетъ въ третьемъ мѣстѣ, не только за двѣрьми ада, но даже за всѣмъ пространнымъ полемъ, гдѣ казнены бездушные ужаленные осами; а стихъ:

Non vedi tu la morte, che'l combatte.
Su la fiumana, onde'l mar non ha vanto? [1])

не означаетъ ни Ахерона (ибо Данте далеко до него не дошелъ и покуда не туда идетъ), ни какой рѣки физической, но аллегорическую рѣку жизни, обуреваемой страстьми, гдѣ тонутъ столько, что передъ нею самое море non ha vanto, должно *уступить* въ *похвальбѣ*. Потрудитесь, почтеннѣйшій, повѣрить съ подлинникомъ мои изъясненія, и я надѣюсь, что Вы, отдавъ справедливость моему труду и точности, скажете съ одобреніемъ: Sic.

Amor mi mosse, che mi fa parlare
Quando sarò dinanzi al Signor mio и пр. [2]).

Какъ тутъ перевести? amor двусмысленно, il signor mio явно I. X. Который смыслъ приличнѣе для небесной Беатрики? Сохраняя двусмыслiе, можно написать такъ:

Меня влечетъ желанье къ тѣмъ мѣстамъ,
Отколь сошла узнай, я Беатрика,
Любовь моимъ внушила рѣчь устамъ;
И Божія сподобясь въ небѣ лика (правильно ли?)
Предъ нимъ тобой я похвалюсь, о другъ!

---

[1]) II, ст. 107—108 (Развѣ ты не видишь смерти, которая сражается съ ними на берегахъ рѣки, передъ которою безсильно море).

[2]) II-я пѣсня, ст. 72—73.

Ch'hanno potenza di fare altrui male.

Не мудрено бы перевесть какъ Вы желаете:

Вѣщей и дѣлъ для ближняго опасныхъ [1]);

но altrui не имѣетъ здѣсь того смысла, а значитъ просто: faire du mal, faire *quelque* mal [2]), кому бы то ни было; Данте особенно часто употребляетъ это слово altrui въ этомъ неопредѣлительномъ значеніи, почему и французскій переводчикъ поставилъ безо всякихъ на ближняго намекъ:

Si de ce qui peut nuire on se doit écarter [3])

Входящіе! надѣжды нѣтъ для злаго [4]).

Лучше этого сдѣлать не умѣю. Двусмыслія на счетъ *добрыхъ* не можетъ быть, тѣ отправляются *инымъ путемъ, иными волнами*, какъ говоритъ послѣ Харонъ; сей надписи некому и читать, кромѣ *входящихъ злыхъ*, для нихъ только и написана сія страшная угроза, въ видѣ сентенціи; самъ же Данте, по волѣ небесной, изключеніе изъ общаго правила и даже по-русски, оно къ нему не относится, что еще сходнѣе съ понятіемъ о премудрости вѣчной, которая ни въ словѣ не ошибется.

Здѣсь всякихъ благъ отъ вѣчныя разлуки и пр.

Грамматическая задача, о которой надо подумать. Я осмѣлился поставить *разлуку*, вмѣсто *потери, утраты, лишенія*; если *разлука* не сочетается съ родительнымъ падежомъ отнюдь, если это не смѣлость поэтическая, а просто неправильность и ошибка, надо перемѣнить. На скорую руку положимъ такъ:

Здѣсь съ благомъ ихъ отъ вѣчныя разлуки [5]),

что, кажется, по всему лучше. Я всѣ нерѣшенные стихи оставлю до разрѣшенія Вашего en blanc, а теперь покуда прощайте; рука устала отъ писанія, завтра опять возьмусь за перо, ибо, и кромѣ Inferno [6]), о многомъ еще хочется съ Вами побесѣдовать. И такъ, до завтра, любезный Николай Ивановичъ.

Толкованія Г-на Brait—Delamothe [7]) на темныя мѣста второй и

---

[1]) II пѣсня, ст. 89 (Въ соч. Катенина, II, стр. 105):

Вещей и дѣлъ вредомъ своимъ опасныхъ.

[2]) „Дѣлать зло".

[3]) „Если нужно избѣгать того, что можетъ причинить зло".

[4]) III пѣсня, ст. 9-ый (Соч. II, стр. 104).

[5]) Пѣсня III-я ст. 17 (Соч. II, стр. 104).

[6]) „Ада".

[7]) „L'Inferno" en vers français, traduction nouvelle d'après un nouveau commentaire de Biagiole, avec le texte en regard et enrichi d'un Discours sur Dante, de notes littéraires et historiques et d'un plan general de l'Enfer par Brait de La Mothe. Paris 1823.

третьей пѣсни слишкомъ недостаточны. Какъ можетъ быть первая изъ трехъ donne benedette [1]) главная, призвавшая Лучію и, съ видомъ какъ бы начальства, поручившая спасти гибнущаго: ora abbisogna il tuo fedele di te ed io a te lo raccomando [2]), быть le symbole de l'âme? если бы она была только всеобщая Психея, она бы съ моленіемъ прибѣгнула къ Лучіи (къ свѣтлости Божеской) а не порученіе ей бы давала: виноватъ, только я въ ней вижу пресвятую Богородицу, скорую помощницу, которую авторъ изъ почтенія, либо, за лишнее считая, не назвалъ по имени; впрочемъ здѣсь переводъ вѣренъ съ подлинникомъ, а догадываться вольному воля. О небѣ ch'ha minor li cerchi sui [3]), навралъ французъ жестоко: переводитъ и толкуетъ: c'est par toi (Beatrice) que l'homme s'eleve au dessus des animaux qui sont compris sous le cercle de la lune [4])? Съ чего онъ взялъ: les animaux? и почему sous le cercle? Вотъ мнѣніе мое: il cielo, тоесть свѣтило небесное, меньшій кругъ имущее, есть луна; въ ней помѣщаетъ Данте (Paradiso) души святыя, наслаждающіяся меньшимъ блаженствомъ, нежели въ высшихъ cieli, такъ что человѣкъ даже, на землѣ живущій и любимый Беатрикою, donna di virtu [5]), углубившійся въ Божественную науку, ею представляемую, равняется или превозходитъ даже въ веселіи contento, самыхъ святыхъ луннаго рая. Я думаю въ стихахъ сказать такъ:

Жена велика,
Кѣмъ родъ людей, грѣха и смерти слугъ,
Тѣхъ горнихъ странъ блаженства (*веселья*) достигаетъ,
Которымъ данъ всѣхъ меньшій въ небѣ кругъ! [6]) и пр.

О томъ, che fece per viltade il gran rifiuto, не знаю, что по-

---

[1]) „Donne benedette" Катенинъ перевелъ „избранныя въ женахъ". (Соч. II, стр. 102).

[2]) II-ая пѣсня, ст. 97—99
Катенинъ перевелъ:

И Лучію призвавъ къ себѣ благую,
Ей молвила: Поклонникъ гибнетъ твой,
И я тебѣ спасти его дарую.
(Соч. II, стр. 101).

[3]) II-ая пѣсня, ст. 78.

[4]) „Тобою (Беатриче) человѣкъ возвышается надъ животными, живущими подъ луною.

[5]) Добродѣтельной женой.

[6]) Послѣднія двѣ строфы измѣнены Катенинымъ (соч. II, стр. 101) такъ:

Веселія странъ звѣздныхъ достигаетъ,
Свершающихъ по небу меньшій кругъ!

думать навѣрно, но полагаю покуда, что всего лучше оставить Пилата, всѣмъ извѣстнаго, чѣмъ намекать Богъ вѣсть на кого, по которому коли Данте могъ вдругъ узнать свойства всѣхъ прочихъ, то вѣрно изъ насъ никто не узнаетъ. Посылаю при семъ переводъ первой пѣсни, пропущенный цензоромъ; тѣ двѣ вмѣстѣ съ прочими, непомѣщенными въ моей голубой книгѣ, перепишу въ тетрадь и вскорѣ пришлю. Къ стихотвореніямъ моимъ во второй части переводовъ приложется еще двѣ кантаты Руссо, работы К. Н. Голицына; а на счетъ ихъ напишу къ Вамъ (какъ издателю) особую записку, и Вы ее тутъ же, при двухъ словахъ отъ себя, помѣстите. Теперь покуда посылаю первую тетрадь *Размышленій и Разборовъ* для напечатанія (какъ я думаю) въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ; я уже писалъ къ Сомову, вопрошая: будетъ ли у него мѣста? если же нѣтъ, то я думаю, черезъ Каратыгина, доставить оныя къ Аладьину, который равномѣрно проситъ чего дадутъ въ Невскій Альманахъ. Благодарю Васъ за Кюна и, какъ прочитаю, скажу свое мнѣніе; Inferno же съ переводомъ Вамъ возвращаю: буде имѣю право взять, по смерти Чепегова, одну изъ его книгъ, передаю его Вамъ: у меня есть Divina Comedia въ подлинникѣ, а толкованія не нужно покуда, ибо я дальше теперь перелагать не намѣренъ. Жду замѣчаній на Гоѳолію и Федру и, какъ выше сказано, голубую книгу и все, прибавленіемъ къ ней служащее, доставлю въ скорѣйшемъ времени. Но похлопочите, чтобы разказъ Цинны, напечатанный давно въ Сынѣ Отечества, пропустили и теперь въ полномъ изданіи; въ голубой книгѣ его цензоръ выхирлъ, и я тогда (въ 1827-мъ году) самъ за него не стоялъ, соображаясь съ временными обстоятельствами, но въ 1829-мъ старое поминать не для чего, и отрывокъ изъ трагедіи, всюду играемой, даже любимой многими государями, есть стихотворная étude и больше ничего. Карамзина текстъ я успѣлъ на скоро прочесть, мнѣ кажется, оно ни лучше, ни хуже прежняго; Блудова предисловіе нѣсколько жеманно. О Скопинѣ еще понимаю, почему историкъ пакостнаго времени силится, со всѣми натяжками, идеализировать лице, хоть нѣсколько лучшее другихъ; но за что онъ щадитъ военнаго бродягу, полу-предателя и весьма грабителя Делагарди, про то развѣ знаютъ старшіе, а не я. Полевой, нападающій на всѣхъ безъ разбора и оглядки, долженъ быть въ натурѣ презабавный человѣкъ; за Карамзина надо предполагать, что ему достанется, но, что бы ему ни говорили, il ira son train [1]). Я же думаю вотъ что: Карамзина исторія, коли строго ее судить, безъ сомнѣнія, не годится и надо требовать другой, но покуда дру-

[1]) „Онъ не перемѣнится“.

гому не позволили писать, ни печатать, покуда другой не взялся даже съ терпѣніемъ за розыскъ и трудъ, необходимый для такого сочиненія, пока nous en sommes là, спасибо Карамзину даже за то, что онъ написалъ; и со времянемъ (когда будетъ многое лучше и гораздо лучше его) признаются, что безъ него не такъ бы легко было и обогнавшимъ послѣ идти, что онъ все нѣсколько протеръ дорогу. Критиковать его должно съ большой учтивостью, съ признательностью, а не иначе; смѣшно играть роль d'un dégouté [1]), когда всѣ знаютъ, что ты лучше этого и не ѣдалъ: мы Русскіе, въ этомъ положеніи послѣ Щербатова [2]), Болтина [3]) и Елагина [4]), Карамзинъ долженъ казаться почти вкусенъ; но, къ нещастью, это почти отличительная черта нашихъ читателей, критиковъ etc., что они всѣ des ingrats. На прозу мою, къ Вамъ посылаемую, жду замѣчаній болѣе, чѣмъ на стихи, но предупреждаю, что въ этомъ случаѣ не такъ уступчивъ и готовъ въ защиту своихъ мнѣній спорить до завтраго; впрочемъ, Вы замѣтите противъ черноваго начала, читаннаго еще въ Петербургѣ, не мало дополненій; я старался округлить вѣщь хорошенько, сказать въ немногихъ словахъ много, и продолжаю свой трудъ въ томъ же духѣ и правилахъ; но (повѣрьте) это работа не легкая. Что же до стиховъ, то я рѣшительно остановился ихъ писать, доколѣ собраніе не напечатается, и я не вгляжусь и не вслушаюсь. Но объ этомъ поговоримъ въ другоредь, а теперь два слова о здоровьи, тоесть о довольно глупой и скучной матеріи, которая мнѣ всегда казалась нелѣпымъ lieu commun, но начинаетъ и мнѣ казаться чѣмъ-то важнымъ съ тѣхъ поръ, какъ самъ былъ близокъ къ смерти, и друзья—родственники нечаянно умираютъ. Я поправляюсь и почти ежедневно усиливаюсь: постарайтесь и Вы о томъ же: нечего дѣлать, надо жить, хотя жизнь (какъ исторія Карамзина) bien peu de chose; но, за недостаткомъ, и Ѳома дворянинъ; обѣщаютъ лучшее, но promettre et tenir font deux [5]). Я раздумалъ посылать къ Вамъ теперь 1-ю пѣснь Ада, ибо сдѣлалъ въ ней тоже нѣсколько поправокъ, все вмѣстѣ сообщится, а теперь получите только 20 рублей, изъ коихъ 13 за 12-й томъ Исторіи, а

---

[1]) „Пресыщеннаго“.

[2]) Князь Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ, извѣстный историкъ, р. въ 1733 г., ум. въ 1790 г.

[3]) Иванъ Николаевичъ Болтинъ, авторъ „Примѣчаній“ на исторію Леклерка (1788 г.) р. въ 1735 г., ум. въ 1792 г.

[4]) Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, р. въ 1725 г., ум. въ 1793 г., авторъ „Опыта повѣствованія о Россіи“, доведеннаго до 1389 г.; былъ директоромъ Императорскихъ театровъ съ 1766 до 1779 г.

[5]) „Но обѣщать и исполнить обѣщанное не одно и то же“.

тѣ пойдутъ за Гнѣдича, или другое, чего я отъ Васъ попрошу да тетрадь прозы, да сіе предлинное письмо. Гдѣ К. Менщиковъ и что съ нимъ будетъ? гдѣ Саша Пушкинъ и что онъ дѣлаетъ? гдѣ Преображенскіе, и когда ихъ обратно ждутъ? сколько вопросовъ! однако прощайте, будьте здоровы, и пишите. Рукописи пришлются какъ разъ, припасайте изданіе, подписку etc. etc. etc. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

53.

9-го сентября 1829 г. Шаево.

Теперь (въ тѣсномъ смыслѣ слова) я не могу, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, дать Вамъ 1500 рублей въ займы, потому что ихъ у меня нѣтъ; теперь мое худшее въ году время, когда старыя деньги вышли, а новыя еще не пришли; но вскорѣ, черезъ мѣсяцъ, можетъ быть, а черезъ два почти навѣрно, у меня будутъ деньги, развѣ я ошибусь совершенно въ разчетахъ, и тогда я къ Вамъ тотчасъ пришлю. Буде въ пору, очень радъ; буде нѣтъ, весь трудъ Вашъ будетъ отдать въ Опекунскій Совѣтъ въ уплату по моему закладу, и во всякомъ случаѣ попрошу Васъ туда уплачивать и въ будущемъ году, коли займете. Мнѣ крайне жаль, что безо всѣхъ розказней не шлю къ Вамъ мигомъ того, что надобно, но на нѣтъ суда нѣтъ: какъ возможность появится, такъ и исполненіе не замедлитъ. Но что такое вводитъ Васъ въ убытки? почему Вы пишите глухо и не хотите пріятелю откровенно разказать своего горя или заботы, или что тамъ ни есть. Знаете ли что? я бы хотѣлъ очень, чтобъ Вы сюда побывали; кромѣ удовольствія съ Вами потолковать обо многомъ, я бы еще предложилъ вопросъ: намѣрены ли вы жениться? Коли да, j'ai peut être votre fait[1]): у меня есть двоюродная сестра, двадцати двухъ лѣтъ, собой не дурна, bien faite, души прекрасной, ума по женски, даже образованнаго, съ хорошимъ приданымъ и тремя стами душъ крестьянъ. Я бы взялся охотно Васъ къ ней посватать, желая добра обоимъ: qu'en pensez vous? На той почтѣ отправлю къ Вамъ стихотворенія, ибо къ нынѣшней еще не все готово, какъ слѣдуетъ. О посланной ужѣ прозѣ ожидаю извѣстій, также и о Гоѳоліи и пр. Но можетъ быть Вамъ не до того. Я на дняхъ сдѣлалъ, что называютъ добрымъ дѣломъ: отпустилъ на волю двухъ мужчинъ и трехъ женщинъ: дай Богъ, въ святой часъ; а поспѣшить заставила меня болѣзнь нынѣшняго года и Ску-

[1]) „Я, можетъ быть, имѣю то, что Вамъ нужно".

ратова нечаянная смерть: эдакъ могу и я повалиться, не исполнивъ обѣщаннаго. Сосѣдъ мой, Жуковъ, также служившій въ полѣ въ 1812-мъ и слѣдующихъ годахъ, вдругъ захворалъ точно тѣмъ же, чѣмъ я въ февралѣ, руки и ноги отнялись, старые биваки о себѣ напоминаютъ; много мы съ нимъ выслужили. Будьте здоровы, почтеннѣйшій; желаю имѣть возможность поскорѣе доказать, что я Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

54.

8-го октября 1829 г. Шаево.

Такъ давно нѣтъ отъ Васъ писемъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что я не знаю, что и подумать; посылаю, однакожъ, при семъ стихотворенія, какъ пропущенныя уже въ голубой книгѣ, такъ и послѣ написанныя, въ особой тетрадкѣ, въ концѣ которой и оглавленіе обѣихъ частей по порядку; небольшое число стиховъ К. Голицина должно помѣстить въ концѣ второй части, тоесть переводной. На счетъ объявленія объ нихъ предоставляю, какъ Вамъ угодно: Вамъ ли сказать слово въ предисловіи, или мнѣ сообщить къ Вамъ родъ записочки. О *размышленіяхъ* и *разборахъ* жду отзыва и, не получая, остановился даже продолжать, ибо неизвѣстность о томъ, какъ оно добрымъ людямъ кажется, отбиваетъ охоту писать. Разказъ Цинны, вымаранный въ Голубой книгѣ, я переписалъ снова для напечатанія, вмѣстѣ съ прочими; *тогда*, тотчасъ послѣ нещастнаго дѣла о 14-мъ Декабрѣ, я полагалъ за лучшее не выдавать отрывка, гдѣ могутъ находить намеки, но *теперь* дѣло прошлое, и вѣрный переводъ изъ всѣмъ извѣстной трагедіи старика и ультра-роялиста Корнеля не долженъ казаться опаснымъ и невмѣстнымъ ни почему; это поэтическая etude, какъ и Ѳераменовъ разказъ и сонъ Гофоліи etc, и больше ничего. Еще посылаю томъ Карамзина Исторіи въ переплетѣ для образца, чтобы также точно переплесть и двѣнадцатый у того же переплетчика Лауферта, живущаго у Краснаго моста въ Гороховой; на тотъ же ладъ закажите ему переплесть и *Букетъ* [1]), не слишкомъ обрѣзывая бумаги въ книжкѣ, безъ того маленькой, и пожалуй стихи Хвостова для куріозу; а теперь они посылаются для удобства укладки: хотя разъ пригодились. По окончаніи работы

---

[1]) „Букетъ“, Карманная книжка для любителей и любительницъ театра на 1829 г., изд. Е. Аладьинымъ. (Тамъ м. п. напечатаны: ком. въ 1 д. Мариво: — les Sincères, передѣл. Катенинымъ, подъ названіемъ „Говорить правду, потерять дружбу“ и „Полночь или кто прежде поцѣлуетъ“.

вышеописанныя книги и (какъ уже прошено) четыре пѣсни Иліады Гнѣдича александринами (также переплетя вмѣстѣ) пришлите. О деньгахъ нужныхъ Вамъ очень помню и стараюсь, и какъ только будетъ возможность, пришлю; но теперь годы безденежные, и такая бѣдность во всѣхъ карманахъ, что подумать страшно, что же и быть можетъ, когда уже хлѣбъ въ малоурожайныхъ краяхъ, каковъ нашъ, продается по шести гривенъ четверикъ? когда рабочіе нанимаются на винокурню по двадцати рублей бумажками, сверхъ харчей, слишкомъ на полгода? вопросъ: чѣмъ же они въ состояніи заплатить подати и оброки свои? какъ проговариваютъ: скоро ли возвратятся гвардейскіе полки въ Петербургъ? я предавно не имѣю никакого свѣдѣнія объ нихъ и о братѣ Александрѣ. Пишите, почтенный Николай Ивановичъ, не зарывайте меня за живо въ могилу; будьте здоровы.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

55.

4-го ноября 1829 г. Шаево.

Нѣтъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, въ этомъ я съ Вами никакъ не могу согласиться, чтобы печатать изъ Размышленій и Разборовъ только 4-е и 5-е отдѣленія, о Грекахъ и Латинахъ; первыя два необходимы, безъ нихъ все теряетъ свою основу, и когда Вы изволите ихъ называть *первой мыслію необработаннаго для печати*, позвольте мнѣ съ сердцовъ отвѣтить, что Вамъ такъ показалось, за недосугомъ повѣрить свою первую мысль; напротивъ, два первыя отдѣленія: объ изящ. иск. и о поэз. вообще, обдуманы и обработаны отмѣнно тщательно; я старался въ нихъ каждому слову дать вѣсъ и въ короткихъ словахъ выразить все, что должно служить основою дѣльныхъ размышленій и разборовъ по сей части. Статья о Библіи менѣе важна, но зато она очень сжата и въ концѣ ея нѣсколько полезныхъ словъ о русскомъ языкѣ да и зачѣмъ вырѣзать лоскутья? въ альманахѣ, полагаете Вы, мѣсто для отрывковъ изъ поэмъ и трагедій, такъ, правда Ваша, но разсужденія всегда выигрываютъ отъ цѣпи ихъ; сверьхъ того, еслибъ не льзя было печатать всего—хоть за недостаткомъ мѣста, скорѣе можно выкинуть изъ середины цѣлую поэзію латинскую, англинскую, или нѣмецкую; но ни подъ какимъ видомъ не должно и не льзя утаивать главнѣйшаго—начала, базиса всѣхъ сужденій. Вы боитесь, что на этотъ базисъ нападутъ; что же дѣлать мнѣ! пусть нападаютъ, я не затѣмъ писалъ, чтобы спали, меня читая; если кое кто проснется, тѣмъ лучше; здѣсь не стихи *мои*, за которыя вступаться

мнѣ не ловко, здѣсь правила, мысли, заключенія о другихъ, споръ равенъ, и я властенъ защищать здравый смыслъ противъ безумія— до конца, такъ и сдѣлаю. Вся бѣда, что я живу въ Кологривѣ, журналовъ не выписываю по 1001-ой причинѣ, и меня могутъ атаковать, а я и знать не буду; тогда помогите Вы, тоесть, по крайней мѣрѣ, сообщите мнѣ все, что напечатается мнѣ въ отвѣтъ или укоръ, а тамъ увидимъ. И такъ настоятельно, рѣшительно прошу Васъ напечатать все и даже, коли мѣста мало, выкинуть скорѣе конецъ (отдѣленія о Латин.), но чтобы начало было всѣмъ видимо и вѣдомо. Сомову я очень благодаренъ за его готовность мнѣ услужить, а на счетъ орѳографіи скажу Вамъ: буде хлопоты всѣ въ словахъ, составленныхъ съ предлогами *воз* и *из*, которые я такъ и пишу, между тѣмъ какъ большая часть, по выговору, ставитъ *вос* и *ис*, то это мѣлочь, о которой говорить нечего. На риѳмахъ, гдѣ приходится прилагательное, съ окончаніемъ въ мужескомъ родѣ на *енный*, я его пишу *енной*, коли риѳма къ нему творительный или родительный падежи женскаго существительнаго, либо прилагательнаго, пишу для того, чтобы глаза не оскорблять пестротой, ибо выговариваютъ по большой части на *енной*, и оно такъ не неправильно, что иныя прилагательныя муж. рода вездѣ ставятся съ *о*, вмѣсто *ы* и *і*: Это прошу сохранить. Не знаю также, къ орѳографіи ли причисляете Вы, что я пишу и говорю: *Киклопъ*, *Кентавръ*, *Киркія*, вмѣсто Циклопа, Центавра и Цирцеи: за это я также стою; но *воз* и *из* отдаю Вамъ на съѣденіе. Je reviens à mes moutons: въ первыхъ двухъ статьяхъ, говорите Вы, *много новыхъ и рѣзкихъ мыслей*—tant mieux, онѣ *требуютъ подробнѣйшаго изложенія и большихъ доказательствъ*; онѣ ничего не требуютъ, и *для меня* ясны и вѣрны, какъ Евклидовы начала Геометріи; но когда отъ меня *потребуютъ* подробнѣйшаго изложенія etc., я тогда его, съ охотою моей и сверьхъ воли требующихъ, дамъ. Сдѣлайте милость, почтеннѣйшій, не робѣйте за меня; коли Вамъ, что не такъ кажется, скажите, и мы потолкуемъ, но пустой и даже вредной осторожности я себя не предамъ ни въ какомъ случаѣ; я же теперь стиховъ не пишу покуда, стало чувствительнаго мѣста, куда направлять стрѣлы враги мои не обрящутъ, и мы поведемъ (s'il le faut) перестрѣлку на равномъ оружіи: увидимъ только, чей глазъ вѣрнѣе и чей порохъ дальше бьетъ. Поблагодарите Сомова отъ меня за принимаемый имъ трудъ по изданію: съ учтивостей, оказанныхъ мнѣ имъ въ нынѣшнемъ году, я чувствую себя tout porté pour lui и желалъ бы чтобъ оно осталось, продолжилось и умножилось. Радъ я выздоровленію Менщикова, я его всегда уважалъ, дай Богъ не ошибиться. О сватовствѣ ничего болѣе не скажу, c'est fini; о деньгахъ тоже

ничего, ибо ce n'est pas fini, но Вы слишкомъ по долгу ко мнѣ не пишете. Знаете ли, Николай Ивановичъ, что оно бываетъ мучительно для нашей братьи степныхъ или лѣсныхъ? мы живемъ и дышимъ только залетнымъ воздухомъ и безъ него чахнемъ; я, пославъ къ Вамъ разм. и разб., принялся за продолженіе съ жаромъ и, не слыша ничего, такъ вдругъ окостенѣлъ, что, подходя къ Тассу, сталъ и мѣсяца съ два пера въ руки не бралъ. Будьте здоровы.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

P. S. Надписывайте: въ Чухлому, я туда ѣду.

NB. Я приду въ отчаянье, если начало не напечатается, на него вся моя надѣжда, безъ него все къ чорту не годится: ради Бога, дайте волю и не вяжите рукъ.

NB. Не моя вина, коли это письмо доставится поздно, я не могъ отвѣчать, пока не слышалъ ни слова отъ Васъ и отвѣчаю въ тотъ же часъ; хоть бы уже печатался альманахъ, попросите издателей перепечатать для помѣщенія двухъ первыхъ отдѣленій непремѣнно: самое сомнѣніе мучитъ меня. Tout ou rien.

Перечитавъ со вниманьемъ нѣсколько разъ тетрадь, гдѣ размышленія и разборы и Ваше письмо, и мое, рѣшился я прибавить къ нему родъ объясненія, чтобы Вы, почтеннѣйшій и любезнѣйшій другъ, не подумали, что я отъ лишней щекотливости или упрямства горячусь и убѣдились, что для меня, по крайней мѣрѣ, есть основательная причина хотѣть непремѣнно и, паче всего, напечатанія первыхъ двухъ отдѣленій. Въ послѣднемъ о Латинахъ, послѣ нападенія нѣкотораго на романтизмъ пишу я:

„Сіе разсужденье завело насъ далеко отъ Сенеки, но оно тѣмъ полезно, что на основательныхъ только всеобщихъ понятіяхъ утверждаются и частныя сужденія". Вы изъ этого разомъ поймете, почему я теперь полагаю изданье размышл. и разборовъ безъ начала даже вреднымъ для себя. На это начало желаю я имянно, чтобы обратилось вниманье читателей, я держался въ немъ рѣзкаго тона съ намѣреньемъ, я нарочно избѣгалъ въ немъ того, что по Вашему въ немъ не достаетъ, тоесть подробнѣйшихъ объясненій и доказательствъ; всѣ доказательства, всѣ объясненія у меня готовы, но пусть же потребуютъ ихъ, пусть преждѣ сами поломаютъ голову надъ моими новыми мыслями. Тогда, отвѣчая на возраженія, мнѣ остается выборъ тона; на дѣльное отчасти я могу отвѣчать серіозно, на вздорное и нелѣпое шутливо и колко, et j'aurai les rieurs pour

moi [1]); теперь, начиная, я могу доказывать и объяснять только сухо вещи и такъ сухія: общія начала; но пусть вызовется кто оспорить, что дважды два четыре, любо будетъ ему это объяснить и доказать. Уже ли Вы не замѣтили, что въ продолженіи разборовъ, въ оцѣнкѣ народовъ и стихотворцевъ, я вездѣ слѣдую въ точности положеннымъ въ началѣ основаніямъ? безъ новаго и вмѣстѣ дѣльнаго взгляда на эстетику всю, на неизмѣнныя ея свойства и признаки, безъ твердаго, простаго и для всѣхъ понятнаго правила, по которому отличать хорошее отъ дурнаго, зачѣмъ писать? Какая мнѣ честь, либо польза, коли иные скажутъ: кажется, онъ порядочно судитъ о греческихъ трагикахъ? помѣшаетъ ли это другимъ твердить свое: онъ ихъ только и знаетъ, но не постигаетъ вовсе, что истинно хорошо, и сколько Бейронъ лучше всего; онъ толкуетъ, можетъ быть, отчасти справедливо, но не доказываетъ ничего противъ насъ? Будьте увѣрены, Николай Ивановичъ, что и въ послѣднихъ двухъ отдѣленіяхъ слишкомъ довольно того, что придется не по вкусу *читателей неблагосклонныхъ*, разсердятся они равно въ томъ и другомъ случаѣ; но пусть же сердятся, получивъ ударъ вдвое, всотеро сильнѣе. Совѣтовать мнѣ сильнѣшее скрыть, значитъ тоже что останавливать мою руку, занесенную въ сраженьи на непріятеля, изъ напраснаго опасенія, что за сильный ударъ онъ самъ сильнѣе отмститъ: тогда останавливайте руку его, а не мою теперь; авось я такъ хвачу, что онъ не скоро опомнится. Ударъ же долженъ быть нанесенъ разомъ; послѣ частныхъ сужденій, общія выйдутъ послѣ ужина горчица. Вамъ, какъ видно, начало мое не совсѣмъ показалось: жалѣю, но надѣюсь, что оно Вамъ, при удвоенномъ вниманіи, вдвое полюбится; что имянно вамъ не по мысли Вы покуда не сказали, стало мнѣ не на что и отвѣчать; Вы уже признаете, что и *то, можетъ быть, справедливо*: увѣряю васъ въ этомъ и готовъ подкрѣпить свои задачи яснѣйшими и подробнѣйшими доказательствами, но не до времени; куда мнѣ бѣжать починивать домъ, коли онъ еще никѣмъ не тронутъ, только что выстроенъ и (повѣрьте) на прочномъ основаньи? Стихотворенье, чѣмъ-нибудь слишкомъ могущее раздразнить моихъ многочисленныхъ недоброжелателей, я бы, по совѣту пріятеля, рѣшился такъ и быть изъ осторожности спрятать, ибо тамъ я, обезоруженный, преданъ aux bêtes, защищаться самъ не могу и, развѣ кто другой великодушно меня отъ нихъ спасетъ, пропалъ съ головою; но въ сужденіяхъ дѣло другое: я самъ критикъ, въ правѣ стоять за свое мнѣніе pugnis et calcibus, unguibus et

[1]) „И я буду имѣть большую часть публики на моей сторонѣ“.

rostro[1]),и у меня самаго, какъ у Еремѣевны, *защиты востры*. Въ послѣдній разъ умоляю Васъ: не подстригайте мнѣ когтей, не притупляйте меча передъ боемъ; коли Вы любите меня, при случаѣ помощь подайте и, коли хоть справедливы, позвольте сражаться всею силою, а не частью. Еще прибавлю: для большей части читателей, для публики, нѣтъ ничего лучше рѣзкаго и рѣшительнаго тона; всѣ объясненія, всѣ доказательства почитаетъ она во первыхъ за признакъ слабости и слушать ихъ не хочетъ; для тѣхъ же, кто ихъ потребуетъ, есть у меня готовыя, и въ спорѣ естественно представится множество новыхъ, непредвидѣнныхъ, самими противниками внушенныхъ. Summa summarum требую, чтобы было напечатано все, паче всего начало. Утѣшьте меня скорымъ отвѣтомъ, я дотолѣ не усну.

56.

19-го ноября 1829 г. Шаево.

Сегодня два слова только, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и при нихъ 80 страницъ продолженья *Размышленій и Разборовъ*. Этихъ теперь не печатать, даже прошу не показывать (развѣ съ увѣренностью изъ того пользы); но сдѣлайте дружбу, прочтите со вниманьемъ и все, что замѣтите, мнѣ сообщите. Гораздо лучше заблаговременно другъ друга понять и, что нужно, по совѣту умнаго пріятеля, изправить, нежели, неприготовясь, входить въ споръ, когда пора дѣйствовать. Обо всемъ жду отъ Васъ извѣстій и надѣюсь, что Вы, даже среди занятій службы, постараетесь сыскать четверть часа для меня. На дняхъ ѣду въ Чухлому и пробуду тамъ до рождества, а тамъ въ Кострому: разочтите для надписей.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

57.

18-го декабря 1829 г. Колотилово.

Бѣда въ томъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что мы живемъ далеко другъ отъ друга, а Вы ко мнѣ пишите рѣдко и не совсѣмъ вѣрно разчитываете время: письмо отъ 6-го Декабря я получилъ сей часъ и, по щастью, могу отвѣчать немедленно, такъ что оно отправится завтра 19-го къ Вамъ. При всемъ томъ оно опоздаетъ для помѣщенія статьи моей въ 1-й № Газеты [2]) Сомова и

[1]) „Кулаками, копытами, когтями и клыками“.

[2]) „Литературная газета“ изд. бар. А. А. Дельвигомъ, выходила въ 1830 и 1831 г.г. (по іюль). Послѣ смерти Дельвига (19 января 1831) она издавалась О. М. Сомовымъ. „Размышленія и разборы“ Катенина находятся въ №№ 4, 5, 9, 10, 11, 19, 20, 21, 32, 33, 40, 41, 42, 43, 44, 50, 51, 67—72. (1830 г.).

Дельвига. Я не знаю формы этой газеты: по многу ли можетъ въ ней помѣщаться разомъ? а въ Сѣверные цвѣты не попала статья единственно (не прогнѣвайтесь) отъ медленности. NB не моей и отъ переписки поздней. Вы спрашиваете: *за что сердиться?* А вотъ за то, что, вопреки всей моей акуратности, все идетъ не такъ, и я послѣ всѣхъ стараній и ожиданій остаюсь avec un pied de nez [1]). Не довольно ли этого, чтобы отвращенье вѣчное родилось ко всякому писанію? все, что я терпѣлъ отъ Бестужевыхъ et comp. стоитъ только презрѣнія; но быть такъ заброшеннымъ отъ тѣхъ, кого любишь и почитаешь, до души больно. Я очень уважаю Ваше холоднокровіе и отчасти ему завидую; но если бъ Вы всю жизнь свою съ мое натерпѣлись, сомнѣваюсь, чтобы оно уцѣлѣло. Разсудите сами: статья моя давнымъ давно въ Петербургъ отправлена; по Вашимъ и Сомова письмамъ, я былъ въ твердой—несомнѣнной надѣждѣ увидѣть ее въ Сѣверныхъ цвѣтахъ, даже сказалъ объ этомъ коекому, кто спрашивалъ, и теперь чисто въ дуракахъ; пріятно ли это? и чѣмъ я заслужилъ? Если Вамъ казалось, что ее (статью) надо нѣсколько пополнить или передѣлать, Вамъ бы сообщить мнѣ свое мнѣніе тотчасъ, такъ чтобы во всякомъ случаѣ, соглашусь я, либо нѣтъ, она могла выйти, гдѣ и какъ я предполагалъ. Я предчувствовалъ, отвѣчая 4-го Ноября, что дѣло испорчено, и болѣе отъ того и сердился; я, конечно, виноватъ, ибо сердцемъ не поможешь тутъ; но передъ судьей совершенно праведнымъ — я правъ. Какъ бы то ни было, что было, то прошло, и дальнѣйшія на этотъ счетъ разсужденія могутъ развѣ оквасить пріязнь, для меня драгоцѣнную: оставимъ ихъ и постараемся хоть поправить, чего разомъ успѣшно не сотворили. Въ альманахахъ Сомова или въ журналѣ его печатать для меня все равно, лишь бы напечатано было все и хоть такими отрывками, которые бы имѣли видъ и дѣйствіе цѣлаго: вотъ что, я, живучи за тысячу верстъ, обязанъ, по необходимости, оставить на Ваше попеченіе и въ чемъ я болѣе всего Вашей помощи прошу; только, Бога ради, такъ, либо сякъ рѣшайтесь; а то я по цѣлымъ мѣсяцамъ ни на что отвѣта не получаю, томлюсь въ невѣденьи, ночей не сплю, и потомъ, какъ дождусь письма, выйдетъ, что ничего нѣтъ и все à refaire. Коли мои *размышленія и разборы* помѣстятся въ новую газету, мнѣ нужно ее имѣть; слѣдовало бы Сомову мнѣ ее и даромъ присылать за такую важную статью, но s'il lésine [2]) подпишитесь за меня съ доставленіемъ въ Кологривъ. Еще разъ; простите мои укоры, почтенный Николай Ивановичъ, войдите на

---

[1]) „Съ носомъ“.

[2]) „Если онъ будетъ скареднпчать“.

мигъ (дольше будетъ слишкомъ больно) въ мою кожу; я хворъ, всѣ дѣла мои идутъ не путемъ, вся жизнь никуда не годится: пощадите меня, хоть изъ человѣколюбія; всякая неизвѣстность меня тревожитъ, долгое молчаніе знакомыхъ сокрушаетъ, занозы самолюбія колютъ до крови: чѣмъ я провинился? или какая враждебная судьба все ставитъ вопреки? Вы человѣкъ разсудительный и разсуждать охотникъ; Вы однако ничѣмъ не опровергаете доводовъ моего апологическаго письма отъ 4-го Ноября: стало я въ немъ дѣльное сказалъ; но я хотѣлъ говорить въ слухъ, а покуда мои уста заграждены, и статья моя подъ спудомъ. Мнѣ хотѣлось, очень хотѣлось ее издать скорѣе, Сомовъ изъявлялъ готовность и теперь отговаривается опозданіемъ ея въ альманахъ; кто же подалъ ему поводъ, положимъ хоть къ отговоркѣ? и кто безъ вины отъ всего терпитъ? размыслите, разберите и рѣшите. Но я непремѣтнымъ образомъ впадаю опять въ то, отъ чего хотѣлъ остеречься, въ безполезные и даже вредные укоры; виноватъ и перестану; только повторю просьбу: рѣшайтесь и гдѣ-нибудь издавайте статью; да пишите о томъ, что дѣлается, а то время залотое проходитъ безъ пользы и цѣли. Черезъ недѣлю отправляюсь въ Кострому, пробуду тамъ по случаю выборовъ весь Генварь и тамъ буду со страхомъ и надѣждою ожидать съ каждой почтой извѣстій изъ Петербурга, паче всего отъ Васъ. Вы теперь пишите, что впредь будете все присылаемое отъ меня передавать тотчасъ *безо всякихъ размышленій*: ахъ! Николай Ивановичъ, того ли я хотѣлъ и хочу? Вы слишкомъ знаете, сколько я Ваши замѣчанія уважаю; но ихъ надобно во время дѣлать, такъ чтобы всѣ несогласія могли въ порядокъ прійти ранѣе срока; Вы начали толковать, когда онъ прошелъ, какъ самымъ опытомъ доказано. Передъ отъѣздомъ изъ Кологрива послалъ я къ Вамъ, въ видѣ трубки, большую тетрадь продолженія о томъ же: замѣтьте въ ней все, что Вамъ не такъ покажется, сообщайте мнѣ; чѣмъ длиннѣе и подробнѣе, тѣмъ мнѣ пріятнѣе и полезнѣе; но творите это не косня: совѣтъ дружескій во время заслуживаетъ благодарность и пользу приноситъ; но тогда ли совѣтовать, когда дѣло давно должно быть кончено, и когда всѣ разсужденія выходятъ одна остановка, по побочнымъ обстоятельствамъ непріятная и для человѣка чувствительнаго нѣсколько оскорбительная? Умоляю Васъ о скорѣйшемъ окончаньи и объ изданьи статьи; журналъ Сомова въ моихъ глазахъ тоже, что и альманахъ его; вся сила въ томъ, чтобы статья появлялась не слишкомъ лоскутно и шла (такъ сказать) ходомъ пристойнымъ и красивымъ. Предисловій Вашихъ жду, какъ жиды Мессію, и почти также долго. Простите эту шутку, у Васъ вѣрно не безъ дѣла въ Питерѣ, но для насъ,

залѣшанъ, такъ тяжело по долгу терпѣть забвеніе, что мы отъ лишняго желанія съ Вами бесѣдовать слишкомъ даже сѣтуемъ, когда Вы за недосугомъ на насъ не обращаете вниманія. Прощайте, почтеннѣйшій, извините лишнюю (можетъ быть) горячность моего письма; она все не сравнится съ горячностью моихъ чувствъ къ Вамъ, съ душевнымъ уваженіемъ и полной справедливостью отдаваемой мною Вашимъ достоинствамъ. Отвѣта буду ждать.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

58.

23-го декабря 1829 г. Колотилово.

Я пишу къ Вамъ столько же часто и длинно, сколько Вы, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, ко мнѣ рѣдко и коротко; за такой обычай легко, быть можетъ, что мы оба другъ другомъ не довольны; что дѣлать? тутъ нужно взаимное снизхожденіе. Боюсь, что послѣднее письмо мое отъ 18-го Декабря Вамъ не понравилось, и, какъ лучшій судія, гдѣ дѣло отчасти до него коснется, всегда видитъ съ нѣсколько пристрастной точки, не мудрено, что Вы, прочитавъ, сказали про себя: „какой странный человѣкъ! какой нещастный нравъ! все принимаетъ къ сердцу, горячится, кричитъ, какъ на пожаръ и все изъ ничего, изъ пустяка, изъ бездѣлицы“. Чтобы Вы не осудили меня такъ на скоро, постараюсь показать Вамъ вѣщь въ настоящемъ видѣ. Однажды на всегда жребій мой брошенъ, по грѣхамъ моимъ— я литераторъ; службу я оставилъ, кажется, навсегда [1]), богатства у меня едва достаетъ, чтобы съ горемъ, скукой и нуждой жить, семѣйства я не имѣю, стало живѣйшія мои желанія и чувства обращены на одинъ предметъ, на пріобрѣтеніе нѣкотораго уваженія и похвалы, какъ писатель, при жизни и по смерти. Всѣ непріятности, испытанныя мною по сей части не отвадили, а развѣ болѣе поощрили всей силой бороться и, рано или поздно ли, побѣдить или лечь на полѣ сраженія. Я, такъ сказать, веду войну, или хочу вести, а на войнѣ случая удобнаго упускать отнюдь не должно. Теперь *Размышленія и Разборы* появились бы въ свѣтъ, сколько я разумѣю, въ удобнѣйшее время; предпринялъ я ихъ написать отчасти съ Вашего совѣта: не Вы ли въ Петербургѣ убѣждали меня положить на бумагу, что я называлъ: mes hérésies? Посылая къ Вамъ еще въ Іюнѣ, я надѣялся, что Вы примете въ нихъ живое участіе; замѣчаній ждалъ нетерпѣливо и, къ огорченію моему, получилъ въ

[1]) Катенинъ снова поступилъ на службу въ 1834 г.

Ноябрѣ нѣчто, чего право замѣчаніемъ назвать нельзя. Если Вы видѣли въ чемъ недостатокъ, укажите: гдѣ онъ и чѣмъ я могу Васъ удовлетворить; но неопредѣленное слово: *тутъ чего-то нѣтъ* мнѣ никакъ въ пользу послужить не можетъ; вижу, что Вы недовольны и жалѣю, но чѣмъ пособить, хоть убей, не знаю. Сверьхъ того, хоть бы я сознался по Вашему, что два только отдѣленія: о Грекахъ и Латинахъ годны къ напечатанію, все бы вышло тоже, все бы мое согласіе пришло поздно, все бы проза Сѣверныхъ Цвѣтовъ была уже тиснута, все бы я остался, какъ ракъ на мѣли: къ чему же вела переписка? я послалъ все заблаговременно, имянно для того, чтобъ успѣли въ цензуру отдать и помѣстить въ альманахахъ къ Новому году. Вотъ чѣмъ, позвольте сказать, почтеннѣйшій, слѣдовало Вамъ, моему пріятелю, заняться, вотъ въ чемъ вся сущность дѣла. Объ остальномъ можно толковать до утра безъ помѣхи; во время толки послужили бы, вѣроятно, къ отдѣлкѣ еще до изданія перваго, поздніе толки могутъ послужить впредь, но статья должна была выйти въ свое время. Она такъ не пройдетъ, ее станутъ обсуживать и разбирать, легко можетъ сказаться и дѣльное, мы имъ воспользуемся, поправимъ, прибавимъ, убавимъ и, вѣроятно, издадимъ en temps et lieu особою книгой; но покуда, оно и такъ живетъ. Вѣкъ свой занимаясь поэзіею, я не могу ее не знать, я пріобрѣлъ трудомъ право имѣть свое сужденье и говорить его вслухъ; если бъ недругъ помѣшалъ мнѣ, я бы на него зло осердился, но когда другъ мнѣ зажимаетъ ротъ, я могу только глубоко огорчаться. Я увѣренъ, что Вы огорчили меня, безъ намѣренія, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Николай Ивановичъ, но огорчили крайне, и я слишкомъ Васъ уважаю, чтобы сомнѣваться въ желаніи Вашемъ это поскорѣе изправить: напечатайте, прошу Васъ, и холодность свою согрѣйте нѣкоторой дружбою, постарайтесь даже другихъ разшевелить, а то отчаянье беретъ, когда видишь, что и лучшій пріятель ни малѣйшаго участія не беретъ. Ваше письмо (отъ конца Октября), хотя не совсѣмъ радостно мнѣ было, но и тутъ оживило духъ мой на столько, что я вскорѣ могъ написать все, что во второй тетради отъ Тасса до конца; кому же охота говорить, коли не слушаютъ? Начало статьи Вамъ показалось недовольно полнымъ и доказаннымъ; hé bien, пополните и докажите, когда станутъ нападать на него: вотъ прямо дружеское дѣло; а между тѣмъ, дайте ходъ тому что есть, разтолкуйте, что есть незнающимъ, поставьте на видъ неблагоразположеннымъ хорошее и прикройте завѣсою пріязни, что Вамъ кажется худо. Со мной будьте откровенны, говорите все, критикуйте меня безъ милости, разтрепайте въ пухъ, я за все это скажу спасибо; но Вы сдѣлали совсѣмъ не то, Вы четыре мѣсяца

молчали, напослѣдокъ сказали нѣчто мимоходомъ, положили мою тетрадь въ ящикъ, опоздали отдать ее къ напечатанію, гдѣ было предположено, все еще продолжаете колебаться, и такимъ порядкомъ она можетъ пролежать до втораго пришествія Христова. Вы передъ тѣмъ прислали мнѣ нѣкоторыя замѣчанія на переводъ Данте; я ими воспользовался, многія мѣста (въ чемъ убѣдитесь, прочитавъ) переправилъ, въ другихъ принесъ оправданіе и за все кланяюсь и благодарю. Напередъ благодарю за обѣщанныя предисловія и жду съ величайшимъ нетерпѣніемъ; укоровъ и апологій никогда бы къ Вамъ писать не желалъ, Богъ свидѣтель, и грущу, что неволя заставляетъ. Если бы Вы знали, сколько печали мнѣ было и есть отъ хода сего нещастнаго дѣла, Вы бы сожалѣли о безпечности, съ которою Вы его вели; я теперь всего боюсь: и цензуры, и охлажденія со стороны Сомова, котораго надобно было, какъ желѣзо, ковать пока горячо, и пустыхъ, конечно, но обидныхъ толковъ многихъ людей, увѣренныхъ, что все, въ долгій ящикъ пошедшее, чѣмъ-нибудь не хорошо. Ахъ! Николай Ивановичъ, будьте Вы на моемъ мѣстѣ, а я на Вашемъ, не такъ бы я поступилъ. Положимъ даже, что я въ отдаленіи и отъ лишней чувствительности во всемъ ошибаюсь и вру, но и тутъ не долгъ ли дружбы щадить извѣстную и, право, весьма простительную раздражительность человѣка, много горя испытавшаго? Вы скажете: „я, щадя ее, не рѣшался ни на что, не узнавъ, чего онъ хочетъ“; такъ, но медленностью и молчаньемъ Вы сдѣлали имянно противное моему хотѣнью и статья (повторяю) лежитъ, и я принужденъ жаловаться, когда бы мнѣ желалось только кланяться и благодарить: сколько уплыло времени, сколько рѣчей лишнихъ, досадныхъ! и ничего бы этого не было: вотъ, что меня и сокрушаетъ; я бы охотнѣе вытерпѣлъ сто палокъ, и меня же станутъ обвинять и кто? человѣкъ, котораго я много люблю, того болѣе уважаю и чью пріязнь дороже золота цѣню. Къ Сомову, не дожидаясь его согласія, я бы самъ написалъ, но коли сначала все шло черезъ Ваши руки, оно должно также идти и до конца. Въ послѣдней прошу: печатайте, да Бога ради пишите, отвѣчайте, увѣдомляйте меня и еще ради Бога не сердитесь; мое сердце въ счетъ нейдетъ и не мѣшаетъ мнѣ въ тоже время очень любить.

Весь Вашъ Павелъ Катенинъ.

Сообщилъ А. Чебышевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

Красницкій, А. И. Русскій чудо-вождь графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій князь Италійскій, его жизнь и подвиги. Спб. 1910. Изд. А. Ф. Девріена 2-е. Тип. А. Бенке (Нов. пер., 2). 8° (18×26). 373 стр. Съ 40 рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 14 л. 4.100 экз.

Красновскій, Архипъ. Н. И. Пироговъ. (Къ столѣтію со дня рожденія). (Отд. от. изъ № 11 „Нач. Обуч." 1910 г.). Казань. 1910. Тип. Университета. 8° (17×24). 6 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Кругликовъ-Гречаный, Л. П. Методика исторіи. Кіевъ. 1911. Изд. автора (Маріинско-Благовѣщенская, 103). Тип. И. И. Чоколова (Фундуклеевская 22). 8° (17×25). 144 стр. Ц. 1 р. 10 к. Вѣсъ 26 л. 600 экз.

Магазинеръ, Я. М. Чрезвычайно-указное право въ Россіи (Ст. 87 Осн. Зак.). Приложенія: I. Практика чрезвычайно указнаго права въ Россіи. II. Нормы иностраннаго права, аналогичныя ст. 87-й. Спб. 1911. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5-я лин., 28). 8° (17×24). 173 стр. Складъ: Владимірскій пр., 19 юрид. кн. складъ „Право". Ц. 1 р. Вѣсъ 19 л. 500 экз.

Майковъ, П. М. Финляндія.—Исторія и Культура.—Ея прошедшее и настоящее. Спб. 1911. Изд. 2-е, доп. Тип. Стасюлевича и „Разсвѣтъ". 8° (16×24). X+552 стр. 1 карта. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 4 л. 800 экз.

Погорѣловъ, Валерій. Чудовская псалтырь XI вѣка, отрывокъ толкованія Ѳеодорита Киррскаго на псалтырь въ древне-болгарскомъ переводѣ. Памятники старославянскаго языка. Т. III, вып. I. Спб. 1910. Изд. отд. русск. яз. и словес. И. Ак. Наукъ. Тип. Академіи Наукъ. 8° (20×26). V+276 стр.+2 таб. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 615 экз.

Романовскій, В. Е. Руководство по русской исторіи. (Для старшихъ классовъ средней школы и для самообразованія). Въ двухъ частяхъ. Часть II. М. 1911. Изд. К. И. Тихомирова. Тип. Рус. т-ва (Мыльниковъ, св. д.). 8° (15×22) 470 стр. Ц. 2 р. 50 к. (за обѣ части). Вѣсъ 1 ф. 16 л. 3.000 экз.

Рукописи о Севастопольской оборонѣ, собранныя Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Для солдатъ и народа. Кн. 1. Спб. 1911. Тип. Тиханова (Садовая, 27). 8° (14×21). 110 стр. Вѣсъ 8 л. 2.000 экз.

Сергѣевъ, Г. И. и Чешихинъ В. Е. (Ч. Вѣтринскій). Нижегородскій Ежегодникъ. 1911. Н.-Новгородъ. 1910. Тип. Г. Исколдьскаго (Осыпная, д. Будилова). 8° (17×25). 26 нен.+1+160+16 нен. стр.+1 карта и 1 планъ. Ц. 40 к. Вѣсъ 23 л. 2.000 экз.

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ IV т.—вып. 4-й. Клясться—когда. Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ 8° (21×29). VI+961—1280 стол. (въ 2 ст.). Ц. 75 к. Вѣсъ 30 л. 6.062 экз.

Соколовъ, Леонидъ. Н. И. Пироговъ. (Къ столѣтію со дня рожденія). Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. (Мерингов., 6). 8° (16×25). 49 стр. Вѣсъ 5 л. 300 экз.

Тезяковъ, Н. И. Николай Ивановичъ Пироговъ какъ врачъ и общественный дѣятель. (Рѣчь въ Саратовскомъ физико-медицинскомъ обществѣ въ день 100-лѣтія со дня рожденія Н. И. Пирогова). Саратовъ. 1910. Изд. автора. Тип. Земская. 8° (17×24). 28 стр. Вѣсъ 3 л. 1.300 экз.

Титовъ, Ѳ. И., прот. Кіевская Академія въ эпоху реформъ (1796—1819 гг.). Вып. I. Кіевъ. 1910. Тип. И. И. Чоколова (Фундуклеевская, 22). 8° (18×25). 47 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 100 экз.

Титовъ, Ѳ. И., прот. Очерки по исторіи русскаго книгописанія и книгопечатанія. Вып. I. Русское книгописаніе XI—XVIII вв. Кіевъ. 1911. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 4° (25×32). I+47 стр.+26 лист. рис. Ц. 4 р. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 50 экз.

Уваровъ, Ѳ. А., гр. 45 лѣтъ дѣятельности Можайскаго Уѣзднаго Земства Московской губерніи. Систематическій Сводъ постановленій Можайскаго Земскаго Собранія за 1865—1909 года. Томъ I. М. 1910. Изд. Гр. Ѳ. А. Уварова. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова (Леонтьевскій пер., 5). 4° (23×30). VIII+710 стр. Вѣсъ 4 ф. 13 л. 2.000 экз.

Уваровъ, Ѳ. А., гр. 45 лѣтъ дѣятельности Можайскаго Уѣзднаго Земства Московской губерніи. Систематическій Сводъ постановленій Можайскаго Земскаго Собранія за 1865—1909 года. Т. II М. 1910. Изд. гр. Ѳ. А. Уварова. Тип. А. И. Мамонтова (Леонтьевскій пер., 6). 4° (23×30). IV+669 стр. Вѣсъ 4. ф. 1 л. 2.000 экз.

Фидлеръ, Ф. Ф. Первые литературные шаги. Автобіографіи современныхъ русскихъ писателей. М. 1911. Изд. и тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (15×23). 268 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 3.000 экз.

Хурбергъ, Вольдемаръ. Покореніе Финляндіи. Пер. со шведскаго. Спб. 1911. Тип. Рус.-Франц. (Офицерская, 6). 8° (14×20). 30 стр. Вѣсъ 3 л. 1.500 экз.

Чернопятовъ, В. И. Дворянское сословіе Тульской губерніи. Т. VI. (XIII). Алфавитный списокъ гг. дворянъ съ указаніемъ мѣстонахожденій ихъ помѣстій въ Тульской губ. 1903 — 1910 гг. М. 1911. Тип. Л. В. Пожидаевой (Моховая, 26). 8° (18×27) 2 нен.+141+XII стр.+1 табл. Вѣсъ 15 л. 450 экз.

Бертенсонъ, А. Б. Страничка къ воспоминаніямъ о Л. Н. Толстомъ. Спб. 1911. Тип. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (17×25). 12 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 3 л. 1.200 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Статьи о Державинѣ. Статьи о Лермонтовѣ. Историко-Литературная библіотека подъ ред. Иванова-Разумника. Спб. 1911 Изд. Кн. Складъ М. М. Стасюлевича. Тип. Стасюлевича (Вас. О., 5 л., 28). 16° (12×17). XV+123+XXVIII+265 стр. Ц. 20 к. и 30 к. Вѣсъ 25 л. по 5.000 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Статьи о Пушкинѣ. Историко-Литературная Библіотека. Иванова-Разумника, ч. I и II. Спб. 1911. Изд. и тип. Стасюлевича (Вас. О., 5 л. 28). 16° (12×17). LIV+330+469 стр. Ц. 35 к. и 40 к. Вѣсъ 1 ф. 13 л. по 5.000 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1911 г.

СОРОКЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. «**Новое Время**», Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «**Русская Старина**», Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**" за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1910 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ".

съ предисловіемъ и подъ редакц. И. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ.

~~1113-1VI~~
562-23/VII
Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совета
Профессиональных Союзов.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

2241-248				
62 24/5				